Московскій альманахъ

Рисунокъ обложки работы
Александра Арнштама.

Московскій Альманахъ

ОГОНЬКИ
БЕРЛИНЪ
1922

Всѣ права сохранены за авторами.

Печатано въ типографіи О-ва „PRESSE“ Berlin SW 19, Leipziger Str. 59.

Берлинъ, 6 Апрѣля 1922 года.

Встрѣча авторовъ подъ покровомъ одной, ихъ сплетающей, книги, должна не случайна быть. Случайно иль неслучайно здѣсь, въ этой книгѣ, встрѣча насъ. Думаю — нѣтъ: и тѣмъ болѣе неслучайна, чѣмъ меньше абстрактныхъ мотивовъ можемъ мы, авторы, привести по поводу возникновенія „Альманаха". Въ самомъ дѣлѣ: книга, въ которой мы встрѣтились, сложилась — сама собой; и въ ней оказались мы, не размышляя о томъ, почему именно въ ней тѣ, а не иные. Въ непроизвольности возникновенія „Альманаха", быть можетъ, читателю запечатлѣется жестъ какого то избирательного сродства въ литературныхъ заданіяхъ и устремленіяхъ нашихъ, хотя мы различны по стилю, быть можетъ, по школамъ, по стилистическимъ устремленіямъ.

И тѣмъ не менѣе мы оказались вмѣстѣ.

Такъ пусть же читатель самъ судитъ, является ли „Альманахъ" случайнымъ наборомъ произведеній, глядящихъ въ различныя стороны, или выборъ произведеній являетъ собою вѣнокъ, гармонично сплетенный изъ творчествъ, разнообразно окрашенныхъ.

АНДРЕЙ БѢЛЫЙ.

А. ЯКОВЛЕВЪ

ИДУТЪ

И одѣли Его въ багряницу и сплетши терновый вѣнецъ возложили на Него. (Ев. Марк, гл. 15)

Ѣхали ужъ семь дней. Запылились, загорѣли, оборвались еще больше, устали, говорили хрипло. Измученныя лошаденки едва передвигали ноги. А всѣмъ думалось, что ѣдутъ давно-давно... Дорога была одна во всѣ семь дней: сожженныя бурыя поля, изрѣдка перелѣски съ желтыми листьями и сѣрой паутиной на сухихъ вѣтвяхъ, порой деревушка, порой село съ бѣлой церковью, стройно поднимающейся среди темныхъ придавленныхъ кучъ — избъ.

Всѣ семь дней солнце палило землю.

Утромъ оно вставало большое, безъ блеска, мутнымъ багровымъ шаромъ и въ мигъ наполняло весь міръ огневыми стрѣлами. Въ невѣрномъ маревѣ выползало оно на небо — синеватое надъ головой и блѣдно-сѣрое, густо запыленное надъ дальними полями. Чѣмъ выше поднималось оно, тѣмъ становилось злѣе. На всей равнинѣ не было чернаго пятна, на чемъ бы отдохнулъ глазъ. Все мрачно сверкало, даже сожженная земля. Тончайшая пыль, какъ огненный сверкающій туманъ, висла въ воздухѣ. И въ огневомъ сверканіи лѣниво ползъ обозъ...

Возъ за возомъ, ползъ дальше, дальше, словно хотѣлъ уползти отъ солнца.

Передъ полднемъ обозъ свертывалъ съ дороги въ первый долочекъ и, безсильный, останавливался. Люди забирались подъ телѣги, въ тощую тѣнь, лошади прятали головы подъ брюхо одна другой и дышали шумно, высоко вздымая мокрые отъ пота бока. Слѣпней не было. Слѣпни всѣ сдохли. Отъ жары. Въ высохшихъ болотахъ...

Зной лился густой, непроглядный. Видѣлось: все вдали движется. Трепетно переливается надъ полями огненная прозрачная вода, — справа, слѣва, спереди... Переливается быстрыми мелькающими волнами. Не было облачка на небѣ. И солнце казалось голымъ въ своемъ одиночествѣ. Къ вечеру вся равнина тускнѣла. Отъ кочекъ, отъ холмовъ, отъ перелѣсковъ бѣжали сизыя тѣни. А все еще дышало огнемъ. И шина на колесахъ обжигала, какъ только что вынутая изъ горна. Но пробуждалась чья то воля, и надъ станомъ носились хриплые крики:

— Эй, запрягай!

Тогда все шевелилось. Вели полумертвыхъ лошадей, руками подталкивали ихъ сзади, крѣпко тянули за узду, такъ что голова и шея — отъ морды до плечъ — вытягивалась стрѣлкой, и запрягали. И опять обозъ скрипѣлъ по пыльной дорогѣ. Длинныя тѣни шли сзади.

Въ сумерки на смѣну солнцу выползала луна. Такая же голая въ своемъ одиночествѣ, съ невѣрной улыбкой на лицѣ, — словно смерть молча смотрѣла на землю. Земля молчала. Когда останавливался обозъ и переставали скрипѣть телѣги, жуткая тишина вставала отъ земли до неба. Ни птицъ, ни кузнечиковъ, ни людскихъ криковъ...

Такъ день за днемъ, ночь за ночь семь мучительныхъ круговъ — отъ восхода до заката и отъ заката до восхода.

На стоянкѣ дѣдъ Лука долго молился на востокъ и вслухъ читалъ:

«Слава Отца, во имя Отца. Слава Отца, во имя Отца. Слава Отца, во имя Отца...» Много, можетъ быть, сто разъ. Иной молитвы онъ не зналъ. Онъ не просилъ, не жаловался, не каялся, а все: «Слава Отца, во имя Отца»...

Кончитъ, — посвѣтлѣетъ, будто утолитъ жажду изъ свѣтлаго источника. Прежде, тамъ дома, въ Вязовкѣ, онъ любилъ поговорить въ такія минуты о душѣ, о святыхъ, о народѣ. И съ Кузьмичемъ у него такая дружба больше потому, что Кузьмичъ человѣкъ бывалый и «слышитъ въ полслова».

Теперь же грустно оглянетъ пустую степь, подумаетъ и скажетъ:

— Существовать невозможно. Такое скряженіе хрестьянскаго народу идетъ, такое скряженіе, что... Не иначе, какъ за большіе грѣхи.

И задумается. Узловатый, уродливый, какъ старый корень, вывороченный изъ земли. Все лицо въ морщинахъ — тонкимъ кнутикомъ исхлестано, вдоль и поперекъ. А весь съ правилами и законами, земляными, стойкими.

Кузьмичъ ярко помнитъ тотъ вечеръ, когда впервые обозъ встрѣтилъ въ полѣ брошеннаго мертвеца. Все багрово было кругомъ. И небо, и пыльная, изсохшая земля. Лошади при каждомъ шагѣ мотали головами, словно хотѣли помочь себѣ. И въ этомъ движеніи чув-

ствовалось, какъ они устали. Вдругъ — одна за другой заартачились и въ сторону: прямо у дороги лежалъ мертвый въ ситцевой рубашкѣ, въ грязныхъ посконныхъ портахъ. Босыя ступни съ искривленными пальцами торчали въ стороны. Лицо было закрыто тряпкой. Вокругъ головы на землѣ лежали бумажки, придавленныя камешкомъ: деньги. Лука перекрестился, подошелъ къ мертвому и, нагнувшись, началъ его перекладывать...

— Ты зачѣмъ его тревожилъ?—спросила Лизка, когда Лука догналъ обозъ.

— Неправильно лежалъ: ногами на востокъ надо, — сурово отвѣтилъ Лука.

— А деньги то зачѣмъ клалъ?

— На похороны. Аль не знаешь? Міромъ — народомъ хоронятъ, міромъ — поминъ дѣлаютъ. Ну, только этуму незадача.

— Почему? — спросилъ Кузьмичъ.

— Свои бросили, — чужіе не похоронятъ. Даже положить по-людски не захотѣли. Всѣ напуганы, всѣ бѣгутъ. Видишь?

Онъ показалъ впередъ. А тамъ, какъ бурые черви, тянулись по пыльной дорогѣ обозы.

— Всѣмъ только до себя. Бѣгутъ. Гибнутъ, какъ челноки въ морѣ.

На восьмой день передъ полднемъ доѣхали до степной вихлявой рѣчки съ крутыми глинистыми берегами, кое-гдѣ поросшими тальникомъ и осокой, свернули въ сторону отъ дороги и раскинулись станомъ. Первый разъ

за всю дорогу обрадовались. Всѣ обрадовались. Въ звонѣ ведеръ, что загремѣли по стану, послышался смѣхъ. Голоногіе мальчишки въ холщевыхъ рубашкахъ забѣгали по берегу, перекликаясь, какъ галки. Дѣвки стадомъ побѣжали въ сторону, подальше отъ стана, купаться, раздѣвались, смѣясь — странныя чудовища — съ бѣлыми стройными тѣлами и черными отъ загара лицами, шеями и руками. Фыркали радостно лошади.

Лука засуетился, распрягалъ торопливо лошадей, словно боялся, что рѣка уйдетъ.

— Теперя мы до завтрѣева здѣсь пробудемъ. Отдохнемъ.

А доволенъ былъ, — будто самъ изобрѣлъ эту рѣку.

— Ты бы искупался, Кузьмичъ. Поди тебя пыль теперь поѣдомъ ѣстъ, непривышный ты.

— Иду, иду, дѣдъ. Сейчасъ помогу тебѣ и пойду.

— Чего помогать? Иди. Я одинъ сдѣлаю. Иди, тебѣ говорятъ. А то солнце столбунцомъ встанетъ, тогда поздно будетъ.

— Поздно? Почему?

Лука понизилъ голосъ.

— А бѣсъ то полденный? Онъ не любитъ, когда въ полдень купаются, схватитъ.

Кузьмичъ засмѣялся — мелькнули бѣлые зубы на черномъ лицѣ — и пошелъ. Такъ захотѣлось сбросить поскорѣе просоленую потомъ, скорблую рубашку и кинуться въ воду.

А подъ обрывами уже вездѣ плескались и кричали люди. Испуганные стрижи носились надъ рѣкой, пронзительно покрикивая. Рѣчка была свѣтлая и гладкая, лишь ря-

била на перекатахъ у намывныхъ песчаныхъ островковъ, золотистыми пятнами разбросанныхъ то тамъ, то здѣсь подъ берегами.

Кузьмичъ обрадовался и зеленой осокѣ, и сѣроватымъ листьямъ тальника, и, больше всего, свѣтлой глади рѣки, въ которой отражался противоположный берегъ — глинистый, съ тонкимъ карнизомъ чернозема, въ которомъ всюду виднѣлись дыры — гнѣзда земляныхъ стрижей. Серебристая вода ластилась къ берегу.

Вотъ долочекъ, — легко спуститься, — по долочку тальникъ, а за нимъ, видать, песчаная отмель клиномъ зашла въ воду.

Кузьмичъ пробрался на нее и, не садясь, снялъ сапоги. Ноги радостно заныли въ горячемъ сверху, сыроватомъ пескѣ. Два стрижа летали надъ Кузьмичемъ, долетитъ и столбомъ кверху — разъ! и щебетнетъ, будто крикнетъ:

— Эй, проснись!

А Кузьмичъ спалъ, спалъ долго, кажется, съ самой зимы такъ не спалъ...

Большой слѣпень изъ тальника, загудѣлъ сердито, какъ дьяконъ, сѣлъ Кузьмичу на спину. Тотъ вздрогнулъ. Слѣпень поднялся, опять сѣлъ — темное пятно на бѣломъ тѣлѣ. Кузьмичъ сердито отмахнулъ рукой, — хотѣлъ поднять голову, но голова была полна мутной тяжести, а глаза слипались. Ему почудилось, что онъ задавленъ. Онъ маленькій, маленькій. А кто огромный идетъ прямо на него въ огненныхъ сапогахъ... Это солнце. Идетъ злое. Лицо на небесахъ, ноги здѣсь на землѣ. Задавитъ... Вотъ, вотъ... И въ самомъ дѣлѣ страшная нога опустилась на Кузьмича. Онъ самъ услышалъ, какъ застоналъ. Но повернуться не могъ...

— Проснуться бы, подумалъ онъ, и, собравъ всю волю, поднялъ тяжелую голову.

Все кругомъ было сизое. Стрижи показались злыми: сядетъ на бокъ, укуситъ. Шею было трудно повернуть,— будто спина срослась съ затылкомъ.

— Что со мной? — испугался онъ.

Голова опять упала на песокъ . . .

И когда черезъ минуту онъ всетаки поднялся, нѣкое видѣніе стояло передъ нимъ — Бѣлая Дѣва. Пришла ли она по рѣкѣ безшумно, какъ струи, или прямо изъ воды поднялась. Кузьмичъ не зналъ. Она была высокая, въ прозрачныхъ бѣлыхъ одеждахъ, закрывавшихъ ея ноги. И — странно, — сквозь одежды, и сквозь ея тѣло виднѣлся противоположный берегъ, и небо, и стрижи. Она съ улыбкой смотрѣла на Кузьмича. Ея правая рука туманилась, словно держала что-то неясное.

Кузьмичъ испуганно смотрѣлъ на нее.

— Кто ты? Пресвятая Дѣва Богородица или вѣдьма? — трепетно спросилъ онъ.

Она кивнула головой и улыбнулась радостно:

— Я — Бѣлая Дѣва. Я пришла за тобой.

Онъ быстро раздѣлся, глянулъ на себя и разсмѣялся: тѣло бѣлое, а ноги и руки черныя — будто чужія придѣланы. Стрижи, словно мухи, летали надъ головой . . . Кузьмичъ побѣжалъ къ водѣ. Въ уголкѣ у отмели заливчикъ — вода въ немъ застоялась, стала зеленоватой, и едва Кузьмичъ бултыхнулъ ее, вступивъ, какъ съ поверхности сѣрой дымкой поднялась мошкара, и засвистала въ воздухѣ. Кузьмичъ зашагалъ въ воду. Вотъ по колѣни, вотъ по бедра, — между пальцами ногъ вода шевелится, какъ живая, щекочетъ, а прохлада лѣзетъ вверхъ мяг-

кимъ пояскомъ... Бултыхъ!.. Онъ окунулся. А когда опять вышелъ на отмель — сердце глухо колотилось.

— Хорошо!

Онъ растянулся на горячемъ пескѣ. И первый разъ за дорогу въ хорошей дремѣ уронилъ голову на руки — и ужъ не Кузьмичъ былъ — властный и умный, — а кто то вялый, безвольный сосудъ, наполненный лѣнью и сладкой истомой. Тощія длинныя мухи бойко бѣгали по песку, пугались, бѣжали въ сторону. Одна сѣла на ногу, защекотала возлѣ пятки...

Близкій берегъ за рѣчкой теперь казался высокимъ, какъ стѣна съ чернымъ карнизомъ, и отражался во всей рѣкѣ. Успокоившіеся стрижи летали безъ крика, низко надъ водой.

А на всемъ лежала дрема, и осока застыла надъ рѣкой, и тальникъ и берега. Въ дремѣ Кузьмичъ повернулся на спину. Солнце сразу согрѣло грудь. И не кожу только, а будто все тѣло насквозь, и самое сердце.

И впервые за много дней Кузьмичъ подумалъ о солнце радостно.

Въ дремѣ вспомнилъ всю дорогу, — когда оно золотыми раскаленными зубами грызло землю, а раньше — истоптало всѣ поля въ Вязовкѣ. Самую Вязовку вспомнилъ. Церковь на пригоркѣ, вереницы избъ, и проводы, и слезы... Сердито повернулся на бокъ: опять показалось, что солнце — звѣрь.

Но песокъ пріятно грѣлъ щеку.

— А все таки хорошо...

Въ стоячей водѣ у берега поднимались пузырьки и лопались.

— Ты миражъ? — забормоталъ Кузьмичъ, опуская голову. — Я... я боленъ.

Онъ съ трудомъ повернулся на бокъ. Вся нога горѣла и саднила, какъ содранная. Голова была налита свинцомъ.

Онъ опять легъ и закрылъ глаза. А поднявшись, снова увидѣлъ ее — Бѣлую Дѣву. Она стояла надъ нимъ, не двигаясь. Онъ весь задрожалъ судорожно, пронизанный ознобомъ.

А кто то на берегу кричалъ:

— Кузь-ми-ичъ! Кузь-ми-ичъ!

Кузьмичъ оглядѣлся. Бѣлой Дѣвы ужъ не было, будто Она испугалась криковъ и скрылась. Все просто было. Рѣка, берегъ, стрижи...

Не искупавшись, только стряхнувъ съ себя песокъ, онъ съ трудомъ одѣлся и пошелъ въ станъ.

Опять заскрипѣли возы. Подъ кручу, черезъ рѣчку, въ бродъ на другой берегъ, гдѣ между свинцовыхъ полей прохлыстнулась темная извилистая дорога, уходящая за дальніе холмы, вонъ туда, гдѣ стоитъ вѣтрякъ, безпомощно опустившій руки, какъ убогій старикъ. Солнце идетъ на закатъ, немного правѣе дороги.

— Но! Но!.. Спущайся! Поддерживай!

Лошади похрапываютъ и стонутъ. Стонутъ, какъ человѣкъ, придавленный горемъ. Возы лѣзутъ съ кручи въ воду, напираютъ, хомуты у лошадей сдвигаются на уши. Заплескалась вода. Бабы и дѣвки идутъ по водѣ сторонкой, высоко подбирая подолы. Сколько бы здѣсь можно наговорить по этому случаю веселыхъ вещей... Но всѣ молчатъ угрюмо, привычно, будто на губахъ замокъ.

— Но! Но! Выводи, матушка!

Одинъ за другимъ, одинъ за другимъ — ѣдутъ, ѣдутъ возы, словно на ниточкѣ. Кто то нанизалъ ихъ и тянетъ. Вотъ голова у другого берега, вотъ выѣхали на кручу. Вымытыя колеса блестятъ. Пыль липнетъ комьями къ шинамъ. И не останавливаясь ѣдутъ по дорогѣ вдаль...

Кузьмичъ стоялъ у самаго спуска, ждалъ, когда по очереди подойдетъ Лукинъ возъ. Тянется, тянется ниточка. Вотъ и Лука.

— Поддерживай-ка сзади, Кузьмичъ, — кричитъ онъ.

Кузьмичъ берется за задокъ рыдвана, Лизка въ сторонкѣ снимаетъ башмаки, смотритъ на него смѣючись. Отъ ея взгляда и отъ улыбки хорошо Кузьмичу. Онъ берется сильными руками за задокъ, — ноги уходятъ по щиколотку въ пыль. Лука одной рукой ведетъ лошадей, другой крестится...

— Тихонько, тихонько, матушка,—говоритъ онъ лошадямъ.

И лошади съѣзжаютъ тихонько. Заплескалась вода, Кузьмичъ вошелъ въ рѣку и сразу дрогнулъ. По всему тѣлу пробѣжали мурашки. Перегоняя возы, онъ пошелъ скорѣе, чтобы выбраться на берегъ. Что то постороннее вошло въ него и жгло. Лизка возлѣ бредетъ по водѣ...

И вдругъ ниточка оборвалась. Тамъ, впереди, возъ передъ кручей остановился.

— Но! Но, дьяволъ! реветъ кто то.

Раздается яростный хлестъ. Лошаденка поднимается на заднія ноги, мечется то вправо, то влѣво, но возъ ни съ мѣста. А крики наростаютъ.

— Погоняй! Погоняй, не останавливайся!..

Кричатъ тѣ, кто стоитъ въ водѣ, и тѣ, кто еще остался на берегу.

— Какой дьяволъ тамъ завязъ?

— Кузька Плетневъ... каждый разъ онъ задерживаетъ людей.

— Ну, ну, погоняй! Да бей ты ее подъ брюхо!

Растутъ злые крики и хлестъ, и бурлитъ вода подъ ногами мечущейся лошади. Плетневъ звѣремъ скачетъ возлѣ. Возжи со свистомъ взлетаютъ надъ лошадью. Кто то въ шапкѣ подбѣжалъ слѣва, съ палкой. Удары сыпятся градомъ. — Бьютъ подъ брюхо, по глазамъ.... Кузьмичъ бѣжитъ къ возу...

— Стой, стой! Боемъ не поможешь. Надо сзади подпирать. Беритесь-ка!..

Возлѣ уже много мужиковъ. Подпираютъ возъ плечами. Лошадь прыгаетъ. На тощемъ крестцѣ видна каждая жилка. Возъ сдвинутъ. Но шагъ-два, и лошадь со стономъ падаетъ.

— Бе-ей!..

Теперь бьютъ всѣ: возжами, палками, кнутами, кто то тащитъ за гриву...

— Распрягай!..

Вздымаются яростные крики. Плетневъ уже тамъ не хозяинъ. Другіе, злые, рвутъ хомутъ, бросаютъ въ сторону. Лошадь лежитъ на боку. Ее поднимаютъ ударами, ведутъ на берегъ. Изъ разбитаго глаза у ней течетъ кровь.

— Толкай возъ въ сторону, какого дьявола?

— Зачѣмъ въ сторону? Бери на выкатъ. Мужики, подходи!

— Въ сторону. Некогда съ нимъ возиться.

— Батюшки, не оставьте, — взвизгиваетъ женскій голосъ.

— На выкатъ бери.

— Ну, ну, разомъ. Бери-и!..

Выкатываютъ возъ на кручу и сводятъ съ дороги въ сторону.

Ниточка опять потянулась. Возъ за возомъ, возъ за возомъ. Проѣхалъ Лука, проѣхали Шинины... Плетневъ суетится возлѣ избитой лошади. Опять надѣваетъ хомутъ, бьетъ лошадь. Вдругъ та ложится. А возы мимо, мимо...

— Батюшки, не оставьте!

Баба кидаетъ ревущаго ребенка на возъ, бросается къ лошади и вопитъ. У Кузьмича кружится голова. Онъ чувствуетъ, что упадетъ сейчасъ. Онъ идетъ за возами.

— Батюшки, не оставьте!

Крикъ, какъ иголка, вонзается въ уши... Мужики и бабы идутъ молча, не глядятъ на Плетневыхъ.

— А вы тово... догоните, — говоритъ чей то равнодушный голосъ.

Пыль поднимается легкимъ облачкомъ. Подъ ногами хруститъ высохшая трава.

Когда проѣхали съ полверсты, Кузьмичъ оглянулся. Все кругомъ голо. Вонъ чуть видны обожженные кустики, торчащіе зъ за обрыва. Дорога уже, уже, — и тамъ вдали — пестрое пятно — брошенный возъ Плетневыхъ... Видно, какъ возлѣ него все еще мечутся мужикъ и баба...

— Бросили Плетнева то, — глухо сказалъ Кузьмичъ.

— Что же дѣлать? Какъ нибудь оправится, догонитъ, откликнулся Лука, — всякому теперь только до себя. Зачерствѣлъ народъ. Часъ пропадетъ и то боязно.

Эти слова, такія простыя и понятныя въ своей житейской жестокости, вдругъ возмутили Кузьмича. Онъ сердито посмотрѣлъ на старика и спросилъ:

— А если бъ насъ бросили?

— Что жъ, и мы бы отстали. На все Божья воля.

У Кузьмича вдругъ закружилась голова. Во рту стало сухо, и что то горячее забилось въ горлѣ и подъ ключицей. Показалось, что онъ сейчасъ упадетъ среди высохшей степи, и его бросятъ, какъ бросили Плетневыхъ.

Бросятъ и будутъ говорить: «Божья воля»...

Будто спасаясь отъ чего то, онъ подошелъ къ самому возу и положилъ руку на наклеску. На возу Лизка, возлѣ бѣжитъ Полканъ... Неужели выдадутъ?

Весь бокъ у него и вся кожа на спинѣ горѣли и саднили. Въ ушахъ стоялъ звонъ.

— Я боленъ. Сейчасъ упаду, — подумалъ онъ. — Бросятъ меня.

Солнце уже зацѣпило за край земли, и все впереди загорѣлось кровавымъ свѣтомъ. На лицѣ Лизки мелькнула синева — будто мертвое стало лицо. Кузьмичъ отвернулся, но синева и въ лицѣ Луки... Онъ сталъ глядѣть вдаль, чуть повыше земли. И въ позолоченномъ небѣ вдругъ показалась Бѣлая Дѣва. Она тихонько двигалась стороной, словно не хотѣла перегонять обозъ, и съ улыбкой смотрѣла на Кузьмича. Ея руки были безпомощно опущены. Правая туманилась. Складки бѣлаго платья едва намѣчались.

— Опять? — испуганно подумалъ о ней Кузьмичъ. — Опять? Не бредъ ли это?

Ночью у него въ самомъ дѣлѣ былъ бредъ. Обозъ стоялъ на пригоркѣ, возлѣ деревни. Откуда то тянуло прохладой. Кузьмичъ лежалъ подъ возомъ укрытый чапанами и ватолой. Его знобило. Зубы отбивали дробь. Въ глазахъ мелькали искры и метались зеленыя полосы.

Знойные вихри носились по спинѣ: схватитъ нестерпимый холодъ, пронесется отъ пятокъ къ затылку. «Укрыться бы.» Но мигъ — и жаръ. Горитъ все тѣло. Горитъ гортань. «Пить! Пить! Пить!»

Онъ проситъ, молитъ, настойчиво молитъ, а голоса нѣтъ, лишь шевелятся пересохшія губы. Но кто то угадываетъ его мысль: подъ чапанъ лѣзутъ руки, шарятъ, прикладываютъ желѣзную кружку къ горячимъ губамъ.

— Мама.

Хорошо. Да, это мама. Вотъ она приложитъ сейчасъ руки ко лбу, пожалѣетъ.

Но что жъ она медлитъ ? . . Скорѣе же приложи. Дай почувствовать твое родное тѣло. Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ . . . И вспомнилъ: окно открыто въ садъ, зеленыя липы стоятъ стѣной, поетъ зябликъ. И въ комнатѣ поютъ уныло. Пахнетъ ладаномъ. На столѣ синій гробъ, укутанный бѣлой тюлью, — чуть пробивается синева сквозь тюль . . . Тамъ мама. «Вѣчный покой подаждь, Господи». У окна гимназистъ въ сѣрой курточкѣ, подпоясанный ремнемъ, большелобый . . . Гриша.

Чьи то руки трогаютъ лобъ. Руки шершавыя и горячія.

— Пить! Пить!

— Захворалъ что ли ты?

— Захворалъ, мама.

— Эва, я не мама. Аль не узнаешь?

— Узналъ, мама. Дай воды.

— Ну, замололъ. Вотъ вода. Голову то подними.

Вода льется за воротъ, бѣжитъ по груди, по бокамъ, дрожь отзывается по всему тѣлу.

— Еще?

— Не надо, мама.

— Да ты что? Вправду чтоль не узнаешь?

— Надо узнать, надо,— ясно подумалъ Кузьмичъ и сдвинулъ горячими руками чапанъ.

Пахнетъ пылью, холодѣющей землей и дегтемъ... Кто то жаркій сидитъ рядомъ — не разберешь въ темнотѣ. Лошадь жуетъ.

— Лиза.

— Знамо я, а то кто же?

— Ахъ, вотъ кто, Лиза.— И вспомнилъ все: Вязовку, Лизу, Луку, пылающее лицо звѣря на небѣ, молебны въ полѣ... «Три года будете камни глотать».

— Лиза, ты помнишь?..

— Чево?

— Какъ ты и всѣ плакали, когда уѣзжали изъ Вязовки.

— Заплачешь. А ты спи.

— Какъ душно. Уйти бы отсюда, чтобы не пахло дегтемъ и пылью. Холодно. Нѣтъ, не надо шевелиться. Вотъ она, Бѣлая Дѣва. Голова въ небѣ, руки опущены, вдали съ горизонтомъ сливается платье.

— Лиза?

— Чево тебѣ?

— Я пошелъ съ мужиками потому, что люблю тебя. Ты меня не бросишь въ полѣ, какъ Плетневыхъ?

— Молчи, молчи, тятя услышитъ.

Бѣлая дѣва смотритъ холодно. Кружится все кругомъ.

— Эй, вставайте! Ѣхать!

Куда ѣхать, когда здѣсь тепло? Не надо. Но чьи то руки тянутъ.

— Вставай, Кузьмичъ.

— Не надо. Полежать бы...

— Тятя, Кузьмичъ то захворалъ.

— Кто говоритъ? Что за ложь? Развѣ я захворалъ?

И поднялся, судорожно цѣпляясь за возъ.

Хотѣлъ подняться на ноги, но кто то ударилъ по головѣ. Что такое? Ахъ, это телѣга. Надо вылѣзать. У, какъ холодно.

— Захворалъ? Аль правда?

— Нѣтъ не захворалъ, такъ что то. Наступило на меня солнышко огненной ногой...

— Э, ты все причужаешь. Запрягай-ка лошадей то, сейчасъ поѣдемъ.

Холодно. Зубы бьютъ дробь.

Лука стоитъ въ сторонѣ и широко крестится на бѣлую ленту, что виситъ на востокѣ. Кузьмичъ подумалъ о немъ.

— Чудакъ, сейчасъ оттуда взойдетъ звѣрь. Кому молиться?

— Запрягай! Живѣя!

Лизка ведетъ лошадей, ловко возится около нихъ.

— Кузьмичъ, давай дугу.

— Дуга? Что такое? Ахъ, да. Вотъ она.

Оглянулся — Бѣлой Дѣвы нѣтъ. Небо большое, а земля маленькая. Словно островокъ въ морѣ свѣта. На островкѣ темныя фигуры — лошади... Шевелятся.

— Говорилъ тебѣ, не купайся кругъ полдень, бѣсъ затреплетъ.

— Это лихоманка его, тятя, а не бѣсъ.

— Трогай!..

— Ты бы легъ, Кузьмичъ, на возъ, ежели нездоровится...

— Я лягу. Мнѣ что-то въ самомъ дѣлѣ нездоровится...

Днемъ, когда обозъ стоялъ, къ больному Кузьмичу пришла баба съ мальчикомъ на рукахъ.

Мальчикъ съ бѣленькими волосиками. Худенькій. Въ сѣрой запыленной рубашечкѣ. Кузьмичъ не могъ вспомнить, чей онъ. Такъ туманилась голова. А Лука стыдливо погладилъ мальчику волосики заскорузлой рукой:

— Внучекъ, внучекъ, внучекъ.

Ахъ, это Потаповъ сынишка, должно быть. Вотъ и самъ Потапъ, лохматый, «Мохоръ» — да, да, тотъ самый мальчикъ, его Васькой зовутъ. Онъ просилъ какъ то вечеромъ, на стану, въ тѣ первые дни, когда только что выѣхали изъ Вязовки:

— Мама, дай молочка.

А мать:

— Подожди, не подоили бычка.

Тогда не хотя всѣ засмѣялись. Васька помолчалъ, подумалъ и сказалъ:

— Дои скорѣе.

— Сейчасъ, сынокъ, сейчасъ...

— Что же теперь съ нимъ?

— Богъ ее знаетъ, съ пищи штоль? Ну, только прямо кровью исходитъ. Ослабѣлъ, ажъ на ножкахъ не стоитъ...

Матъ угрюмо посмотрѣла на Кузьмича.

— Какъ быть?

— Вотъ и еще идетъ смерть, — подумалъ Кузьмичъ.

— Какими средствами такую болѣсть лѣчатъ? Тебѣ, чать, по книгамъ то извѣстно, — забубнилъ Потапъ.

— Отваръ черничный надо давать.

— Отваръ? — Та-акъ...

Мать сердито поджала губы. Мальчикъ заплакалъ — тихонько, жалобно, и въ этомъ тихомъ, дѣтскомъ плачѣ было такъ много скорби.

Кузьмичъ молчалъ. Лука и Потапъ ждали, что онъ еще скажетъ. Въ сторонѣ свирѣпо ругались. Лука вздохнулъ и промолчалъ.

— Божья воля.

И отвернулся. Потапъ постучалъ кнутовищемъ по своему сапогу.

— Значитъ, нельзя помочь?.. Ну, Татьяна, пойдемъ.

И пошли оба къ своему возу — она немного впереди, глыбастая, согнувшаяся, несла мальчика, покачивая. Потапъ за ней. Мальчикъ плакалъ.

Кузьмичъ поглядѣлъ вправо, вдаль. Тамъ по полямъ шла Бѣлая Дѣва. Ея голова была въ небѣ, безпомощно опущенныя руки прятались въ складкахъ одеждъ...

И опять ознобъ, и бредъ, и жажда, и раздражающій скрипъ телѣгъ, и пыль.

— Эй, вставай!..

— Неужели утро? — испугался Кузьмичъ. — Когда же была ночь?

Кто то бормоталъ надъ самымъ ухомъ:

— Кузьмичъ, встань-ка, братокъ, помочь Потапу надо. Помоги, пока мы съ Лизкой запрягаемъ, помоги...

Въ невѣрномъ свѣтѣ стоялъ передъ Кузьмичемъ на колѣняхъ Лука, теребилъ его за руку и звалъ настойчиво:

— Встань же, помоги.

— Кому помочь?

— Потапу. Надо схоронить Васеньку то. Поскорѣй. Счасъ поѣдемъ, а онъ еще не управился. Возьми лопату, вырой яму, пока они его обряжаютъ.

— Умеръ развѣ?

— Умеръ. Только вотъ и зашелъ. Всю то ноченьку промаялся, лебедикъ.

Лука вдругъ оперся рукою о землю и поднялся. И обернулся, качая головой.

Кузьмичъ вылѣзъ изъ подъ воза. Да, уже утро.

— Вста-ва-ай!..

Лизка подаетъ лопату.

— Иди, вонъ они.

И указала въ сторону, вдоль дороги...

По одной сторонѣ рыдвана стояли двѣ лошади понуро, опустивъ голову, а по другую — на землѣ — на разостланной ватолѣ, лежалъ мальчикъ съ бѣленькими волосиками, въ сѣрой запыленной рубашечкѣ, худенькій. Глаза уже были закрыты, и длинныя рѣсницы бросали тѣнь на щеки. Губы посинѣли. Баба стяла на колѣняхъ возлѣ, выла и кланялась въ землю разъ за разомъ, касаясь лбомъ какъ разъ возлѣ, гдѣ лежали его маленькія босыя ножки. Потапъ топтался тутъ же, не зная, что дѣлать... А крикъ все звалъ:

— Вста-ва-ай!.. Запрягай!..

— Что жъ убиваться то? Противъ Божьей воли не пойдешь,— сказалъ чей то голосъ сзади.

Кузьмичъ оглянулся. Это Лука — суровый, кудлатый, старый грибъ.

— Похоронить надо. Иди, Кузьмичъ, рой могилу вонъ у бугорка то. А ты, Татьяна, обряжай его скорѣе: счасъ ѣхать надо...

Кузьмичъ пошелъ въ сторону къ бугорку. Какая пыльная, какая сухая земля. Лопата еле идетъ. А вѣдь здѣсь пахали. Подъ нижнимъ слоемъ, охладѣвшимъ за ночь, земля была горяча и изъ ямы потянуло тепломъ.

— Живѣя поворачивайся-а! — командовалъ кто-то

Кому? Неизвѣстно. Но Кузьмичъ торопился. Нельзя отстать! Отъ обоза отдѣлились двое — идутъ сюда: Потапъ съ Татьяной, а въ рукахъ большой свертокъ, завернутый въ чистую холстину. Татьяна все причитаетъ.

— Сыночекъ ты мой, родненькій.

Положила возлѣ, развернула съ одной стороны — тамъ мертвая голова съ закрытыми глазами и бѣлыми волосиками. Она опять стала на колѣни, заплакала, запричитала. Кузьмичъ торопился. Яма была теперь по поясъ.

— Живѣя-а!.. кричали изъ обоза.

Кому? Неизвѣстно. Уже вездѣ виднѣлись вздыбленныя дуги. Запрягали. Сейчасъ поѣдутъ.

— Довольно, Кузьмичъ.

— Похоронятъ тебя на чужой сторонушкѣ и будешь ты лежать какъ сиротинка бѣдная, какъ сѣрый камышекъ, у дороги брошенный,— причитала баба.

Потапъ наклонился и закрылъ холстиной головку мальчика.

Татьяна рванулась было, словно хотѣла отнять, и просто упала на землю. Потапъ перекрестился и поднялъ сына. Вдвоемъ съ Кузьмичемъ они уложили мальчика въ яму. Среди глинистой земли холстина казалась еще чище. Оба мужчины молчали.

Кузьмичъ поспѣшно схватилъ лопату и сталъ сбрасывать землю на холстину. Баба, какъ собака, у которой хозяинъ несетъ топить щенковъ, подползла къ краю ямы, за сапогами мужа. Она вопила. А въ обозѣ кричали:

— Живѣя поворачивайся! Трогай!..

Тамъ заскрипѣли телѣги. Тронулись. Кузьмичъ торопился. Вотъ уже не видно холстины. А земля сыпется, сыпется.

Отъ могилы пошли такъ: Потапъ съ лопатой на плечѣ впереди, а Кузьмичъ за руку велъ Татьяну.

Она качалась, порывисто бросалась впередъ, гнулась почти до земли, выпрямлялась и хрипло вопила:

— Охъ, Господи, Господи!.. Да что жъ это такое, Господи?

А обозъ ужъ уходилъ, и степь была пуста. Солнце и марево ползло вверхъ.

Когда догнали обозъ, Кузьмичъ оглянулся. Гдѣ же холмикъ, подъ которымъ схороненъ мальчикъ? Степь ровная, и не разберешь въ ней ничего.

— Хоть бы камешекъ положить, — подумалъ онъ: — хоть бы камешекъ.

И опять дрожь, истома и туманъ...

Кто то шаритъ тихонько около самаго уха и говоритъ:

— Ты проснулся, Кузьмичъ?

Голосъ ласковый, но раздражаетъ. И хочется на него отвѣтить сердито.

— А развѣ я спалъ?

— Какъ убитый. Что съ тобой? Ты боленъ?

— А Васенька?

— Какой Васенька?

— Внучекъ то?

— Ты бредишь? Васенька въ могилѣ. Самъ же ты и хоронилъ его. Еще третьяго дня.

Лука смотритъ сумрачно. Лизка испуганно. Возъ скрипитъ, и такъ непріятно лежать на немъ. Во рту пыль и липкая сухость.

— Волга скоро, а ты все валяешься. Всталъ бы, хоть посидѣлъ, а то болѣзнь совсѣмъ сломитъ. Встань-ка, встань...

Лука беретъ за руку, поднимаетъ, заставляетъ сѣсть.

Озерца, перелѣски изъ дубовъ и осокорей, тальники съ блѣдно-зелеными листочками. Откуда они?..

— Скоро Волга, — говоритъ Лука, вонъ смотри, вонъ горы виднѣются, а подъ ними Волга.

И правда, къ вечеру Волга. Широкая, версты въ двѣ. Песчаныя отмели, какъ желтыя полотна, лежали вдоль берега. Между ними поблескивала вода, краснова-тая отъ заходящаго солнца. За Волгой вдали, верстъ за пять, сбоку бѣлой горы, въ вечернихъ облакахъ тонкой пыли, виднѣлись церкви — одна, двѣ, три... Много. И торчали трубы, похожія на шесты. Тамъ городъ. Лука сталъ креститься.

— Ну теперь, надо полагать, облегченіе будетъ.

Кузьмичъ промолчалъ. Облегченіе? Какое? Все равно. Видъ воды его угнеталъ.

Впереди сердито говорили чьи-то голоса:

— Не пущаютъ. Череду надо ждать недѣлю, аль больше.

— Да какъ же это? Намъ нельзя. Мы и такъ про-ѣлись. Намъ ежели ждать недѣлю, намъ смерть.

— А вотъ какъ хочешь, такъ и дѣлай. Не пущаютъ. Намъ тоже череду ждать — помирать. Вонъ гляди, сколько народу. Слышь какъ шумятъ?

Кузьмичъ прислушался. Издали, съ берега, шелъ неясный, густой шумъ. Тамъ, какъ золотыя точки, свѣтились костры. Пахло дымомъ и скошенной травой. Подъ уродливыми осокорями, у дороги, стояли рыдваны, а вокругъ нихъ разбросанная рухлядь и бабы съ ребятишками. Справа и слѣва слышался крикъ. Въ голосъ плакала женщина.

Проѣхали еще немного. Теперь всѣ перелѣски и ближніе луга были полны людьми, телѣгами, лошадьми, криками, собаками, кострами, дымомъ.

Возы пошли тише. Лизка держала возжи, натянувъ ихъ, загибала голову то вправо, то влѣво ... Кто-то невидимый спрашивалъ:

— Далеко еще до перевоза-то?

— Далеко. Съ версту.

Выѣхали на яръ. Справа, вдоль золотистой Волги желтѣли пески, на которыхъ бродячими пятнами чернѣлись люди, лошади, возы съ поднятыми торчмя оглоблями, а слѣва, вплоть до далекой перевозочной конторки, четко выдѣляющейся на свѣтлой водѣ, — все было запружено черной копошащейся массой. Дымъ частыхъ костровъ стоялъ надъ всѣмъ берегомъ. Злыя лица глядѣли на Кузьмича со всѣхъ сторонъ. Это былъ станъ дикихъ.

— Куда прете? Безъ васъ тамъ много ...

Но возы шли туда, въ темную массу. Кузьмичъ смотрѣлъ, не понимая. Неужели это все люди? Неужели придется ждать здѣсь цѣлую недѣлю?

Онъ подумалъ, что теперь жить нужно будетъ все время у воды, что лихорадка, пожалуй, будетъ трепать еще чаще... Только подумалъ, а дрожь сразу пробѣжала по спинѣ, и въ глазахъ засверкали голубыя кольца...

Сразу костры стали ярче. Они виднѣлись то изъ-за колесъ, то изъ-за копошащихся людей. Кузьмичъ, какъ въ бреду, смотрѣлъ кругомъ. Черныя фигуры бродили около возовъ. У костровъ сидѣли чудовища съ ярко-красными лицами. Весь воздухъ былъ полонъ тоски и зла. Дышать стало труднѣе, труднѣе, и вдругъ весь берегъ съ людьми, кострами, лошадьми закачался. Дымъ и пламя костровъ разлились по всему берегу, поднялись до неба, какъ чудовищный пожаръ. Глухой шумъ толпы зазвучалъ, словно суровая монашеская молитва. Кузьмичъ безпомощно оглянулся. Рядомъ — Лизка — съ краснымъ лицомъ и хищными сверкающими зубами. Онъ сдѣлалъ къ ней шагъ и потерялъ сознаніе.

Пожары полыхаютъ, звонитъ звонъ, и бой идетъ. Ничего въ дыму не разобрать.

Кто то положилъ холодную руку на лобъ. Смерть. «Смерти только разъ взглянешь въ глаза»... Она склонялась низко, глядитъ въ глаза — старуха съ проваливающимся ртомъ. Она шепчетъ:

— Заря — заряница, красная дѣвица, избавь раба Божья Григорія отъ матухи, отъ знобухи, отъ летучки, отъ желтучки, отъ Маріи Иродовны, отъ всѣхъ двѣнадцати дѣвицъ-трясовицъ. Тьфу, тьфу, тьфу, тьфу!

Смерть поплевала во всѣ стороны и опять ея холодная сморщенная рука коснулась лба, подбородка, щекъ.

Изъ за плеча смерти смотритъ Лизка. Въ глазахъ у нея тревога.

— Никакъ прочнулся?

— Прочнулся, — говоритъ смертъ. — Дай, Господи, на выздоровленіе.

Ахъ, это не смертъ, это — старуха

— Вылазь-ка, вылазь, будетъ валяться. Пропадешь,— говоритъ Лизка глухими далекими словами. Изъ за звона въ ушахъ Кузьмичъ едва слышитъ ее.

Надъ Волгой туманъ, бѣлый, какъ молоко. Надъ нимъ — горы другого берега. Гдѣ-то стучитъ плицами невидимый пароходъ. Плачутъ дѣти.

— Что это съ тобой? Совсѣмъ ты скопытился.

Лизка нагнулась къ самому лицу Кузьмича. Ласково скрипитъ ведро рядомъ. Лежать бы и слушать этотъ скрипъ и ловитъ щеками теплое Лизкино дыханіе.

— Эхъ, какой красивый ты сталъ. Всѣ губы въ болячкахъ. Вотъ это тебя Богъ наказалъ — не цѣлуйся съ дѣвками. А желтый ты, какъ яичница.

Ведро скрипитъ. Гдѣ оно? Вотъ. Оно въ рукѣ Луки. Бородатый тоже смотритъ на Кузьмича пристально.

— Испугалъ ты насъ: два дня въ горячкѣ пробылъ. Полегче что ли тебѣ?

— По-лег-че . . .

— Ну, слава Богу.

Туманъ колышется, уходитъ. Завиднѣлся городъ — бѣлые дома по берегу, главы церквей. Въ церквахъ протяжно звонятъ. Волга пустая. Нигдѣ ни лодки, ни баржи, ни парохода.

Стайка босоногихъ ребятишекъ, посучивъ штанишки и рукава рубашекъ, плещется въ водѣ — ловитъ мальковъ. Высокая сердитая баба прямо въ Волгѣ, какъ

въ ваннѣ, моетъ ребенка. Она держитъ его лѣвой рукой подъ брюшко, а правою плещетъ воду на бедерки и сморщенныя ножки. Ребенокъ надсадно оретъ. Баба окунула его въ воду по самыя плечи. Кузьмичъ поежился отъ холода, словно купаютъ его, а не ребенка.

— Холодно вѣдь ему, — сказала Лизка.

— А, дьяволъ ему сдѣлается. Сдохъ бы, не пожалѣю,— проворчала баба.

Кузьмичъ дрогнулъ и опять упалъ въ пылающую тьму.

Кто-то спросилъ:

— Умираетъ?

— Умираетъ.

— Вотъ бѣда то.

— Да. Жалко парня. Бѣгалъ, бѣгалъ отъ смерти, а она вотъ гдѣ настигаетъ его.

— А онъ чей?

— Московскій. Отъ голодухи къ намъ въ деревню бѣжалъ, два года съ нами прожилъ, а теперь вотъ... на дорогѣ помирать собрался.

Полѣчить бы.

— Ходитъ тутъ баба, заговариваетъ. Да гдѣ ужъ... Вишь, какой онъ кволый. Лежитъ, какъ колода.

О комъ это говорятъ? Кузьмичъ поднялъ голову, мутно глянулъ вокругъ. Стоятъ бабы, Лука. Смотрятъ пристально на него. Неужели о немъ?

— Прочнулся? Ты встань, Кузьмичъ, не давайся смерти.

— Я не дамся,— глухо говоритъ Кузьмичъ.

— Ну да, вотъ молодецъ, не давайся.

Муть кругомъ. Пахнетъ дымомъ и навозомъ. Лизка говоритъ оживленно, и бѣлые зубы мелькаютъ на загорѣломъ лицѣ, какъ огоньки.

— Идемъ, а онъ и ви-си-итъ.

— Кто?

— Старикъ то.

— Старикъ?

— Да. Лысый. Штаны спали, ноги тощія, тощія, какъ палки. Лицо синее, жилы надулись на лбу. И мухи ползаютъ. Ка-акъ мы побѣжимъ!

— Это что, а вотъ мы видѣли вчера. Ѣдемъ, а онъ и лежитъ. И не старый еще. А ослабъ. Попухъ. Взять бы, — у самихъ силовъ нѣтъ. А онъ глядитъ на насъ: «Проѣзжаете? дескать, оставляете?» И глаза страшные, большіе. Слезы капъ, — капъ, — капъ. Говоритъ ужъ не можетъ... Ажъ, мнѣ всю ночь мерещился.

— А мы вотъ тоже... лежатъ трое и все мужики. И ужъ того червь наклюнулся. Хоронить то нѣкому...

— Лука! Лука! Лука! —

— Тятя, тебя Кузьмичъ зоветъ.

— Ты что?

— Попроси, чтобы бабы ушли: мочи нѣтъ.

— Ну, ну. Я прогоню. Ты не того, не тревожься — пройдетъ все...

— Ту-у-у... Ту, ту, ту-у... — взвыло надъ Волгой.

— Перевозъ идетъ!

Кузьмичъ испуганно поднялся и уцѣпился за возъ. Все передъ нимъ было четко и входило въ душу каждой гранью.

Бѣлый буксирный пароходъ «Муравей» подводитъ къ пристани паромъ. Онъ еще далеко, а толпа заметалась. Мужики, бабы, лошади снуютъ взадъ и впередъ.

Возы наѣзжаютъ одинъ на другой. На мосткахъ, перекинутыхъ съ берега на пристань, плотной массой стоитъ народъ. Мостки гнутся до воды. Все оретъ и вопитъ въ бѣшенномъ изступленіи. И покрывая ревъ толпы, уныло, какъ звѣрь, воетъ пароходъ. А въ лѣсу и по всему берегу поспѣшно запрягаютъ лошадей, будто надѣются, что перевозъ возьметъ всѣхъ сразу, всѣ десятки тысячъ ихъ, голодныхъ, оборванныхъ людей. Толпа сзади напираетъ на тѣхъ, кто около пристани. У мостковъ дерутся. Надъ толпой мелькаютъ оглобли, дуги, сжатые кулаки, голова лошади, вздымавшейся на заднія ноги. По деревянному гулкому полу стучатъ тысячи ногъ. Это толпа потокомъ ворвалась на паромъ. Судорожно заметались телѣги у пристани и одна за другой, подъ безумный ревъ, поползли по мосткамъ. Кто то упалъ съ парома и чернымъ живымъ пятномъ поплылъ по стальной глади. Видно, какъ онъ поднималъ руки, барахтался, плылъ и, недоплывъ, скрылся въ водѣ.

— Спасите! — хрипло крикнулъ Кузьмичъ,—спасите!

Никто не взглянулъ на него.

— Спасите!

Мимо прошла молодая баба. У груди грязный узелъ. Изъ узла крикъ.

— Уа, у-а-а! У-а . . .

Лука ласково улыбнулся:

— Ишь, поетъ.

Всѣ трое посмотрѣли на бабу. Она сѣла рядомъ у обрыва. Какое измученное лицо у ней! Ни щекъ, ни подбородка. Только огромные глаза и заострившійся носъ.

Она сѣла прямо на землю, согнулась, словно кто-то поставилъ сапогъ на ея спину и придавилъ къ землѣ, и стала кормить ребенка грудью.

— Нишкни, мой милый, нишкни!

Ребенокъ смолкъ и вдругъ, будто разобидѣлся — заревѣлъ сильнѣе.

Да что же я тебѣ, пащенку, дамъ? На... Молчи!

Теперь баба сердито совала ребенку въ ротъ грудь. Она склонилась еще ниже и, вскрикнувъ, разомъ выпрямилась.

— А, чтобъ тебя разорвало!

Высоко вздымая руку, она начала остервенѣло бить по узлу. Ребенокъ зашелся отъ крика.

— Эй, девага, за что ты его? — крикнулъ Лука.

Баба обернулась. Лицо кривое отъ злобы, зеленое.

— Каже не бить то. За титьку типнулъ. Мочи моей нѣтъ съ нимъ...

Она заплакала жалобно, сама какъ обиженный ребенокъ.

— Ни день, ни ночь не спитъ, ѣсть хочетъ, а чего я ему дамъ? Нѣтъ у меня молока. Нѣтъ, Господи, прибери ты его отъ меня! Мученіе только одно...

Ребенокъ надсаживался отъ крика. Баба развернула его, положила прямо на песокъ и ребенокъ — въ рубашенкѣ — зашевелился, поднимая дрожащія тоненькія ручки и ножки, будто жучекъ, брошенный на спину. Баба сидѣла, наклонившись надъ нимъ, плача. Лука зашмыгалъ носомъ, забормоталъ:

— Эхъ, горе, горе ..

А ребенокъ плачетъ и хрипитъ. И баба плачетъ. Пряди темныхъ волосъ выбились изъ подъ сѣраго ситцеваго платка, и дѣлали ее похожей на вѣдьму.

Солнце передвинулось къ горамъ. Сейчасъ задѣнетъ ихъ вершины. Волга покраснѣла. Кузьмичъ подумалъ:

— Вотъ сейчасъ, сейчасъ...

И разомъ дрогнулъ. Ознобъ захватилъ его, трепанулъ. Глаза засвѣтились. Мысли яростно помчались. И въ ознобѣ онъ съ ненавистью думалъ о мужикахъ.

— У-а, у-а, у-а!..

Баба на вытянутыхъ рукахъ качаетъ ребенка, ходитъ вдоль обрыва.

Кузьмичъ въ дремѣ закрылъ глаза.

— Ай! — крикнулъ кто-то рѣзко.

— Бросила! Ребенка въ воду бросила!..

Кузьмичъ вскочилъ, будто подброшенный, забывъ хворь. Баба все у обрыва. Руки пусты. Кузьмичъ подбѣжалъ къ самому краю, готовый прыгнуть въ воду. Но на водѣ гладь — ни круговъ, ни пузырей.

— Гдѣ онъ? Куда ты его?..

Баба какъ столбъ. По берегу бѣгутъ. Подошелъ мужикъ высокій, съ кнутомъ. Немного согнулся, глаза полны злобы, и сказалъ вполголоса:

— Ты эт-то что сдѣлала, сука?.. А?..

И, взмахнувъ, вдругъ ударилъ кнутомъ бабу по головѣ. Ж-жикъ! Та не пошевельнулась.

— Ты это что сдѣлала?

И опять: ж-жикъ! У бабы задрожало лицо. Она выпрямилась и закричала истерично:

— Истиранилъ онъ меня. Житья нѣтъ....

Около Кузьмича молодой черный мужикъ кричалъ:

— Бейте ее, суку! Народила, такъ и топить? Бейте ее!

Всѣ кругомъ кричали. Злобно кривились лица, тряслись лохматыя головы, открывались грязныя западни ртовъ. Бабы тоскливо взвизгивали.

А та стояла, равнодушно опустивъ голову.

— Утопить ее!

Она клонилась все ниже, ниже, и какъ подрѣзанная, упала на землю и завыла дико источивымъ голосомъ.

— О-о-о, батюшки! Убейте вы меня Христа ради. Сыночекъ мой, Олешенька.

У Кузьмича ослабѣли ноги. По водѣ, вдоль берега, прямо на толпу шла Бѣлая Дѣва.

Ночь. Запахъ костровъ. «А-а, топить ребенка? Дикари.» Кузьмичъ теперь думалъ о нихъ раздраженно. Измученный лихорадкой, обезсиленный онъ ненавидѣлъ ихъ.

«Слава Отца, во имя Отца. Слава Отца, во имя Отца».

Это Лука шепчетъ. У, чертъ его!..

Пошепталъ, покрестился. На востокъ. Обязательно на востокъ. Его Богиня на востокѣ. И пошелъ куда-то....

— Вотъ онъ, это лучшій изъ мужиковъ, онъ иной молитвы не знаетъ, какъ безсмысленная: «Слава Отца»...

Кузьмичъ сжалъ кулаки. Прилегъ плотнѣе къ землѣ.

— Подожди, а можетъ быть иной молитвы и не надо? Все — слава Отца небеснаго! Все во имя Его... «И страданія?» Да, и страданія.

— Русскій народъ — Богъ. Онъ восходитъ на крестъ, какъ самъ Богъ восходилъ когда-то. «Да минуетъ меня чаша сія?» Нѣтъ, не минуетъ. Вкуси, чтобы возсіять во славѣ вѣчной, свѣтлой... Ибо только страданія — путь къ прекрасной жизни.

— А лошади то съ выхлестнутыми глазами, а руготня то, а драка то, а ребенокъ то, брошенный въ воду, а черствость то? Ха... Богъ. Какой это Богъ? Это гнусь, отребье. И Русскій народъ — это толпа бродягъ безъ родины и Бога. Онъ гибнетъ, тонетъ, и пусть! И слава Творцу! Мало этого: нужно бы въ поганой лужѣ утопить народушко этотъ, чтобъ не попахивало имъ.

— Подожди, подожди, подожди, подожди!.. Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! А слезы то? А мальчикъ то съ бѣленькими волосиками, схороненный подъ холмомъ?.. Степь тамъ широка и никто никогда не найдетъ этой могилки. А помнишь мертвый то въ степи? Всякъ пройдетъ — положитъ деньгу — отъ сердца. И «нищему дай»! Это ли не завѣтъ русскій? И дѣтская вѣра во все! Все, все. Онъ во все повѣритъ... Вѣра — основа его жизни, весь свѣтъ его души. А вѣра — міры спасаетъ... Слава Тебѣ Всевѣрующій! За вѣру Твою простятся всѣ грѣхи Твои.

— Нѣ-ѣтъ, стой! Какъ все понять? Какъ понять Тебя, Великій и Безсмысленный, Святой и Подлый народъ?.. Благословлять или проклинать Тебя на всѣхъ путяхъ Твоихъ?.. О, какъ мучительно!

Къ возу подошли. Двое. Лука и еще кто-то. И говорятъ тихонько по стариковски. А-а, это тотъ старичишка, со слезящимися глазами. По немъ ползаютъ. Подальше отъ него надо. Кузьмичъ судорожно дрожалъ, пока старика укладывали возлѣ воза.

— Пропадаетъ земля Русская. Мретъ народушко хрестьянскій. Безсчастнымъ сталъ, какъ камень, въ степу брошенный.

Это Лука. Это у него такія слезливыя слова.

— Э, нѣтъ, братокъ, ты такъ не говори. Нешто ты не слышалъ?

— Чего?

— А про заступниковъ то про нашихъ. Про Миколу то Можайскаго, да про Сергія то Радонежскаго, да про Савву Преподобнаго, Сторожевскаго?

— А что они?

— Пошли они. Пѣшкомъ вѣдь пошли по землѣ по русской. Развѣ ты не слыхалъ еще? Какъ же, пошли уже.

— Зачѣмъ пошли?

— А вотъ, рѣшилъ было Господь: «Сем-ка я, сгублю народъ русскій, размечу его, какъ во древности разметалъ народъ израильскій, пусть плачетъ и умираетъ онъ за грѣхи свои на всѣхъ дорогахъ и на всѣхъ перекресткахъ». Потому, грѣхъ великъ у него: братъ идетъ на брата, сынъ на отца, склока да свара вездѣ... Не въ моготу стало Господу терпѣть такое дѣло... И вотъ сталъ онъ собирать небесныя воинства съ мечами огненными. «Пошлю, дескать, ихъ на Русскую землю, пусть истребятъ всѣхъ»... А Сергѣй то съ Миколой и провѣдали. Какъ? Что такое? Испугались даже. Ну, сейчасъ же вскричали Савву Преподобнаго — онъ тоже заступникъ за землю русскую неплохой. «Идемъ спасать. Авось, умолимъ Господа». Побѣжали къ престолу Господню, пали на колѣни. «Пощади, Господи!» «Не могу, — говоритъ Господь, — силовъ моихъ больше нѣтъ терпѣть. Истреблю». Пощади, Господи! Заблудились они. Загрязли въ грѣхѣ, но они опомянутся. Грѣха много, Господи, но и спасеніе есть». «Гдѣ спасеніе? Какое? Не вижу теперь я». «Есть, Господи, есть. Ты Содому съ Гоморой обѣщалъ ради трехъ праведниковъ пощадить, а въ Русской землѣ ихъ не трое и не семеро, а тыщи.

Только поискать ихъ надо». «Не вижу, — говоритъ Господь, — трехъ праведниковъ не вижу. Всѣ сердца полны злобой, нѣтъ имъ милости отъ меня». Заплакалъ Сергій, заплакали Микола и Савва. «Пощади, не губи, мы укажемъ тебѣ праведниковъ». Стали передъ Господомъ на колѣни, плачутъ, милости просятъ. Глядѣлъ, глядѣлъ Господь и говоритъ: «Ну, будь по вашему. Идите, ищите. Ежели найдете, пощажу землю русскую». «Вотъ, Господи, ты послалъ на нихъ голодъ. Если мы соберемъ три сумы милостыни, повѣришь ли ты, что еще есть праведники на Русской землѣ?»

А дьяволъ (онъ завсегда тамъ, гдѣ дѣло коснется людскихъ дѣловъ), онъ смѣется и говоритъ:

«И куска не найдете. Нашли голоднаго дурака, чтобы онъ отдалъ хлѣбъ нищему». А Господь: «Повѣрю, говоритъ, повѣрю. Если одну суму собирете и такъ повѣрю.» Перерядились Микола, Сергій и Савва нищими, надѣли сумочки холщевыя и пошли въ голодный край за милостыней.

— И какъ же теперь то?

— А теперь все ходятъ и собираютъ. Теперь ужъ наше дѣло себя спасти. Будемъ подавать, будемъ помогать — спасемся. Не будемъ, пропала русская земля.

Онъ замолчалъ. Повозился, повздыхалъ. И опять заговорилъ:

— Теперь къ каждому, кто проситъ, съ опаской надо подходить: не одинъ ли это изъ трехъ святителей у тебя милостыни то проситъ? Можетъ ты откажешь, а это Сергій, али Микола, али Савва праведный? . . Подавать надо.

— Подай, а самъ страдай?

— Что жъ, и пострадай! Э, братокъ, была бы душа цѣла, а тамъ пусть все прахомъ идетъ. Былъ я богатый

мужикъ, семь одоньевъ еще четыре года назадъ на гумнѣ стояло, два жеребца по четыреста цѣлковыхъ у меня были, изба, огородъ. Иванъ Мировой богатѣй былъ. А теперь — весь я тутъ. Сума осталась да и та пуста. «Жить то горько, да еще бы пожить столько». Буди благословенны стези Твои, Господи.

Золотистый лопушекъ, лопушекъ. Золотистый лопушекъ, лопушекъ.

— Жремъ, что подъ ногами сорвемъ, — сказалъ Лука. А глаза сейчасъ заплачутъ. Золотистый лопушекъ. Да.

Разъ, ѣли варево. Кисленькое. Ложки большія — одна на три рта хватитъ. Кузьмичъ что-то поддѣлъ изъ котелка и въ ротъ. Долго грызъ. Лизка захрюкала — засмѣялась.

— Брось. Не угложешь. Щепа это. Тятя изъ щепы велѣлъ похлебку сварить.

— А что жъ? Всѣ ѣдятъ, почему же намъ не ѣсть? Это липка, Кузьмичъ. Ѣшь, батюшка, сокъ одинъ. Знамо, щепку, что же ѣсть? Въ ней нѣтъ никакой корысти.

Кузьмичъ двумя пальцами вынулъ щепку изо рта и положилъ на травѣ возлѣ себя. Все равно . . . Золотистый лопушекъ, лопушекъ . . .

— Развѣ весь хлѣбъ съѣли?

— Подай-те Христа ра-а-ди-и . . .

Сколько ихъ! Со всѣхъ сторонъ окружили. Видятъ, что ѣдятъ, и прутъ и прутъ сюда.

— Пошли вонъ, Христосики! Головы намылю!—кричитъ Лизка.

Ого, какая. Можетъ быть, обругается сейчасъ, какъ горластый мужикъ? А чего смотрѣть, золотистый лопушекъ?.. Ты бредишь? Къ черту!..

Бабъ, кои безъ мужиковъ, не пущатъ на паромъ! Ихъ на той сторонѣ прорва.

— Какъ это не пущать? А намъ куда дѣться? Чѣмъ мы хуже мужиковъ?

— Эка, сказала. Мы воевали, страду приняли, а вы дома на печи сидѣли, зады грѣли. Насъ немного осталось, намъ и надо переѣхать, а вы послѣ. Ежели вы и подохнете, не велика бѣда: васъ вездѣ невпроворотъ.

Куда бы уйти? Въ эти дни продвинулись по берегу сажень на двѣсти, и чужія телѣги сжали клещами вязовцевъ.

— Держись, вязовцы!..

Это Потапъ кричитъ. Онъ и оглоблю припасъ, чтобы въ случаѣ чего... Оглоблей много ловко... Лизка такъ про него говоритъ.

А до конторки ого-го-го!.. и половины не проѣхали.

Лука жалуется.

— Прежде хоть богатые пировали, а мы крохи подбирали, а теперь гонись за крохой, какъ слѣпецъ за блохой. Кто то такую страду вынесетъ? Зачаврилъ ты, Кузьмичъ.

— Я ничего.

А самъ — рта не разожметъ: все больно, и голова пустая, и въ пустотѣ бродятъ только три словца дѣтской пѣсѣньки: «Золотистый лопушекъ, лопушекъ». Словно три странника въ пустынѣ. Ну, никого больше нѣтъ. Нико-го. Умиратъ? А, все равно. Вотъ они подъ деревьями лежатъ, съ унылыми глазами, вялые, ждутъ смерти, тупые, какъ бревна. Имъ все равно.

— Пожуетъ, пожуетъ и умретъ. И хоронить уже перестали. Такъ, оттащатъ въ сторону и бросятъ.

— А чего жуютъ то?

— Травку. Вчера я хоронилъ одного, у него во рту полно травы. Какую то дикую капусту нашли. Ѣдятъ.

— Ну да, золотистый лопушекъ.

— Всю семью вырѣзали, хлѣбъ отняли, а хлѣба то всего фунта три, не болѣе.

— А какъ ты думала? Голодъ закона не знаетъ, черезъ все шагаетъ. Безъ хлѣба не просуществуешь. Дай голоду волю, голодъ города съѣстъ, не только семью одну.

Такая маленькая голова у Луки, а мыслей... У, какъ противно... Онъ бородой думаетъ. Вотъ этой, сѣдой и грязной...

— Умираешь что ли ты, Кузьмичъ? Господи, вотъ бѣда то.

Лука всматривается въ желтое истомленное лицо Кузьмича. Вспухло лицо и чудится: если проткнуть пальцемъ щеку, оттуда не кровь пойдетъ, а желтая водица... И Лизка стала жалостливая. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ такъ плохо?

— Подайте Христа ра-а-ди-и...

— Затрутъ насъ. Вотъ бы здѣсь твои то силы.

— Арря! Ва-ау!.. Бей!..

Это пароходъ «Муравей» съ паромомъ.

— Вязовцы, держись... Куда прешь? Въ нашу очередь? Гдѣ ты былъ, сапатый чертъ? А топора не хошь протвѣдать..?

Золотистый лопушекъ, лопушекъ.

День, ночь, вечеръ. А силъ нѣтъ, и Бѣлая Дѣва не приходитъ. Спать бы не пробудно...

— Грозятъ. Ежели, говорятъ,вы не установите правильную череду и будете драться, мы перестанемъ перевозить. Издыхайте, говорятъ, окончательно.

— Знамо, перестанутъ.

— За грѣхи. Зачѣмъ нѣмцевъ не пустили? Или они хуже насъ... Ихъ чередъ, а ихъ не пустили.

— Нѣмцы — враги Россіи.

— Матушка, оглобенька, вывези...

Никифоръ, Лизка, Лука, Полканъ...

— Гдѣ же Полканъ то? Полканъ.

— Пропалъ Полканъ то. Полканъ.

— Пропалъ Полканъ. Убилъ кто то и съѣлъ.

— Со-ба-ку ?..

— А что жъ? Вонъ, говорятъ, хохолъ-хуторянинъ свою жену съѣлъ.

— Куда ты, Кузьмичъ? Сядь... Тятя, я боюсь его. Къ возу что ли его привязать? Онъ два дня про лопушекъ бормочетъ. Боюсь я, тятя!

— А ты не бойся, дурочка.

— Съ холщевой котомкой Христосъ на пути. Куда идти? Куда?

— Бойся человѣка, которому нечего терять. Какъ звѣри стали.

— Навязался на мою голову, пухлый чертъ...

Золотистый лопушекъ. Теперь сидѣть бы въ тѣни и молчать. Дѣти что ли поютъ? Нѣтъ, это плачутъ.

— Будетъ день, и пулеметами не испугаешь. На ножъ попрутъ. Э-э, братокъ, все равно...

— Онъ неповоротливый, круто заквашенъ. Я не вижу ни одного лица. Гдѣ Лука? Гдѣ Лизка? Почему у Лизки нѣтъ бороды? Вѣчная память, вѣчная память, вѣчная память. Проткните щеку, чтобы выпустить желтую водичку. На землю. Въ песочекъ.

Много могилокъ, словно кротовины, только побольше. Въ иныхъ палки торчатъ, съ перекладинами, вродѣ креста, а больше такъ...

— Ты хоронилъ?

— Трудился для Господа. Силовъ то ужъ нѣтъ. А мертвыхъ много.

— Думали ли, гадали, гдѣ лежать имъ доведется. Никто не знаетъ, братокъ, гдѣ кому смерть въ глаза глянетъ. Ни бѣдный, ни богатый, ни злой, ни добрый. Такъ то. Одно не хорошо: въ степу брошены, зарыты безъ креста, и никто изъ родныхъ никогда не узнаетъ, гдѣ они схоронены. Въ Святой день ко всѣмъ на могилку сродственники придутъ. Да, братокъ. А къ нимъ ужъ нѣтъ. Не придутъ. Да, братокъ, не придутъ. На всѣхъ дорогахъ, на всѣхъ путяхъ посѣяны косточки христьянскія. Возведи ихъ, Господи, посѣвомъ добрымъ въ раю Твоемъ. Мукъ вѣчныхъ ихъ избави за тѣ муки, что здѣсь они принимаютъ. Не вмѣни, Господи, во грѣхъ безкрестоность ихъ могилы. Ты видишь вѣдь, какой мукой мучается народушко нашъ. Тебѣ все вѣдомо.

— А-та, та-та! Бей! Бер-ри! Куда прешь? Убью! Въ глаза! Въ душу! Въ Бога! Въ печенки! Въ селезенку! Вдрызгъ! Ломи!

— Перевозъ пришелъ?

Матушка, оглобленька, вывези! Топорикъ, батюшка!..

— Батюшки! Задавили ребеночка! Дѣтку мою задавили...

— Ничего, еще народишь.

И вотъ пришелъ день. Да, это была уже толпа, для которой не оставалось ни Бога, ни ада, ни пулеметовъ, ни тюрьмы, ни разстрѣловъ. Люди, которымъ нечего терять. А поборешься, можетъ быть, добудешь жизнь. Какъ знать. И толпа ринулась на паромъ... Вся. Весь берегъ.

— Берри!..

Оглобли трещали по черепамъ. Дѣтей и женщинъ выбрасывали изъ возовъ подъ ноги взбѣсившихся лошадей. Визгъ, проклятія, стоны... И вдругъ:

— Уходитъ! уходитъ! уходитъ!

Это уже не крикъ. А стонъ, полный безнадежности. Звѣриный вой.

Да, уходитъ. Между конторкой и паромомъ полоса воды. Солдаты съ ружьями на кормѣ парома... «Муравей» поспѣшно хлопаетъ плицами. На берегу вздымаются руки со сжатыми кулаками. Трещатъ телѣги.

— Уходитъ! Уходитъ! Уходитъ!

Лизка около воетъ источно. Кузьмичъ задрожалъ. Все ослабѣло у него — руки, ноги, въ груди. И трудно стало дышать.

За дальними холмами садилось солнце. И оттуда, отъ его огненнаго глаза, пришла Она. Теперь Она до странности просто глянула на Кузьмича и не улыбнулась. Ея одежды свѣтились бѣлымъ свѣтомъ. И только опущенная правая рука туманилась неясно, какъ прежде. Она шла по водамъ. Высокая — голова въ небѣ.

И вдругъ — Кузьмичъ это точно видѣлъ — надъ черной толпой, изнемогающей отъ злобы, появился свѣтлый мальчикъ съ льняными волосами, въ длинной до колѣнъ рубахѣ, голоногій. Откуда онъ? Онъ вышелъ изъ толпы. Изъ черной, воюющей, вонъ той, что усѣяла берегъ. Мальчикъ ясный, можетъ быть, святой.

Онъ легко, какъ дымокъ, поднялся на воздухъ и пошелъ навстрѣчу Бѣлой Дѣвѣ, смиренно склонивъ голову. Ему было не больше двѣнадцати лѣтъ. И щека его, видная отсюда, нѣжно розовѣла. Свѣтлые кудри чуть закрывали шею. Только странно мѣнялся цвѣтъ его рубашки: сперва былъ красный, какъ багряница, потомъ золотой и теперь голубой. Кто этотъ мальчикъ? Знакомый, родной. Будто одинъ изъ тѣхъ, что бѣгалъ по берегу вотъ здѣсь, вотъ сегодня утромъ его видѣлъ. Онъ склонилъ колѣни передъ Бѣлой Дѣвой и покорно нагнулъ голову.

И вотъ случилось чудо. Бѣлая Дѣва высоко, — въ уровень со своимъ свѣтлымъ лицомъ, — подняла правую прежде туманившуюся руку. Теперь Кузьмичъ ясно увидѣлъ: она держала въ рукѣ терновый вѣнецъ. Вѣтви туго переплетались, и такъ много шиповъ было.

Она возложила вѣнецъ на смиренно склоненную голову мальчика. И въ мигъ изъ подъ шиповъ показались яркія капли крови. И слезы полелись изъ его глазъ. Такъ больно ему было. Но тихо и покорно клонилась его голова.

Вдругъ каждая капля его крови и каждая слезинка засвѣтилась неземнымъ свѣтомъ. Мальчикъ всталъ съ колѣнъ, повернулся и пошелъ къ народу — дико ревущей толпѣ, изъ которой онъ только что вышелъ. Какое свѣтлое лицо у него было! И сколько радости!

Кузьмичъ задыхался.

— Умираю! — подумалъ онъ.

Безъ ужаса. Просто подумалъ. Словно теперь для него было неважно, что онъ умираетъ... Въ вечернемъ небѣ звучали чудесные голоса.

Свѣтлый мальчикъ въ терновомъ вѣнцѣ шелъ къ толпѣ.

Москва, сентябрь 1921.

Б. ПИЛЬНЯКЪ

РЯЗАНЬ-ЯБЛОКО

Ш А Ш А.

Автомобиль — по незнанью — называютъ мужики: фуруфузъ.

Трактъ старъ, зовутъ трактъ Астраханскимъ. Въ Рязани на Астраханской улицѣ, въ Коломнѣ на Астраханской улицѣ — у гостинницъ Гавриловыхъ, Громовыхъ сорокъ лѣтъ назадъ заколотили окна, когда съѣла старый трактъ Астраханскій — Казанка. Въ Коломнѣ отъ заставы съ орлами до заставы со звѣздами — двѣ съ половиной версты: — коломенская верста: лихи были ямщики. Трактъ даже не въ ветлахъ, и не Астраханскій, въ сущности, — а на все Поволжье махнулъ и полегъ. Отъ Рязани до Коломны — на Москву — трактъ полегъ по Поочью.

Лѣто тысяча девятьсотъ двадцать первое было — страшное лѣто. Отъ Рязани до Коломны трактъ полегъ по лѣсамъ Чернорѣченскимъ по Зарайскимъ болотамъ— и въ дыму былъ трактъ отъ травъ — брусникъ и отъ лѣсовъ въ лѣсныхъ пожарахъ сгорѣвшихъ. Отъ тракта влѣво свернуть — въ деревню Зарайскую, у Христа за раемъ — запазухой — деревня Кобылино будетъ: и нѣтъ деревни Кобылиной — выгорѣлъ торфъ подъ деревней, въ землю

провалилась деревня, къ чорту, какъ Нижегородской губерніи городъ Китежъ, — къ чорту-съ. Дымъ черный надъ Чернолѣсьемъ.

Трактъ даже не въ ветлахъ, и не Астраханскій: въ проводахъ по столбамъ третій интернаціоналъ гремѣлъ, коминтернъ, въ іюлѣ. Даже не въ ветлахъ трактъ, и примѣчательны были лишь мосты на немъ, чтобъ ломать автомобилямъ рессоры. И не Астраханскій: — рязанскій исполкомъ на автомобиляхъ кроилъ трактъ въ Москву, въ народные комиссаріаты, на коллегіи, избѣгая поѣздовъ въ холерѣ.

— Тра-трак-трак-тра! — автомобильная поступь.

Отъ тракта вправо свернуть — зарайскіе земли у Христа за раемъ — горы по Поочью да луга, какъ степи — Бѣлоомутскіе луга, Дединовскіе луга, — вправо свернуть: сельцо Сапронова — Сапроновскіе горки. Трещать трактомъ мотору, травить версты двоимъ шоффермъ, Пугину, что-ли, и Меринову, повстрѣчать мотору заблудную овцу: глупая овца, бѣжитъ напрямикъ, не сворачиваетъ!— затравить моторомъ овцу, подшибить, кинуть въ кузовъ, — въ Рязани раздѣлить краденое по-братски пополамъ и съѣсть съ удовольствіемъ. Мериновъ па праздникъ домой приходилъ, хозяйственный мужикъ. Жена въ клѣть повела поскорѣй.

— Ну, какъ дѣла?

— Аномнись зато какіе-то лиходѣи овцу украли.

— ?..

(Разсказъ писать можно о томъ, какъ товарищъ Мериновъ у товарища Пугина вторую половину овцы — свою собственную — назадъ требовалъ).

— Тра-трак-трак-тра! — автомобилья поступь. Третьимъ интернаціоналомъ провода трубятъ по тракту — въ Рязань. Третьимъ интернаціоналомъ — въ исполкомахъ — не застращаешь ребятъ. Годъ былъ девятьсотъ двадцать первый.

Телѣга на двухъ колесахъ называется бѣда.

А ходятъ путинами нашими — съ пѣснями тихими, какъ наши путины, иному тѣ пѣсни — тоска, живемъ мы и жили отъ нихъ, черезъ нихъ, ими. Большакъ съ Поволжья: — шаша: — небо, лѣсъ, перелѣски, поля, зной и пыль: пыль похожа на ш, зной же какъ ж. Тамъ, въ хлѣбородной, въ Самарской, въ Саратовской, весною въ тотъ годъ перекопали озимые, и сгорѣли яровые такъ, что корюшка въ землѣ запеклась. Не бѣда, какъ во ржи лебеда, — полъ бѣды, какъ ни ржи, ни лебеды, — а бѣда, коли нѣтъ конятника. Іюль юдоль нашу славянскую — избяныхъ обозовъ юдоль — вскрылъ: стоилъ конятникъ въ тотъ годъ къ іюлю пятьдесятъ тысячъ рублей пудъ, древесная кора сорокъ тысячъ, и Волга высохла такъ, что въ бродъ ее ходили въ Саратовѣ, у Зеленаго Острова. — Избяные обозы по большакамъ — наше, юдольное: іюль юдоль нашу вскрылъ. Солнце встало въ тотъ годъ въ дыму и въ дыму ложилось, былъ зной, какъ ж — грозились крестьяне, въ неистовствѣ Господу Богу иконами, молились въ смиреніи. И пошли избяные обозы по большакамъ: бѣда на двухъ колесахъ въ пыли, подъ бѣдой шалашикъ, сзади плетенка съ гусемъ, въ оглобляхъ пара клячъ, въ шалашикѣ скарбъ и дѣтишки, — Русскіе цы-

гане: — ѣхали, куда глаза глядятъ, отъ голода, ибо тамъ, на Поволжьи, въ Самарской, въ Саратовской, въ Астраханской былъ голодъ. Ходятъ путинами нашими съ пѣснями, какъ наши путины. Въ Чернорѣчьи горѣли лѣса, валились къ черту деревни, какъ Китежи. — Ѣхать куда глаза глядятъ. Бѣдяные обозы докатились къ іюлю до Зарайскихъ — за раемъ у Христа — земель: Астраханскимъ большакомъ, шашою. Ибо въ Астрахани ко Господу уходило холерою двѣ тысячи человѣчьихъ жизней за каждую путину солнца отъ востока до запада. Пыль, какъ ш на шашѣ.

— Тра-трак-трак-тра! — фуруфузовъ поступь.

Третьимъ Интернаціоналомъ провода трубятъ по тракту — въ Рязань. Рязанскія земли. Зарайскіе — сыты были — прожрали зиму картошкой.

Грузовикъ старый — фуруфузъ — травилъ трактъ такъ, — какъ свинья съ бегемота въ истерикѣ, подмазанная подъ хвостомъ скипидаромъ, — обгоняя — шарахая русскихъ цыганъ, — въ комиссаріаты, въ коллегіи. Мужики рады бывали, когда автомобиль застрѣвалъ въ мостахъ: губкомъ писалъ записку въ губисполкомъ и мостъ возрождался въ сутки, иначе гнилъ бы годами. — А губкомъ, отдыхая на травкѣ въ канавкѣ — въ бархатной курткѣ — впервые видѣлъ вплотную русскихъ цыганъ и холерныхъ на скарбѣ въ повозкѣ, бѣдой называемой. — А шоффера, керосинъ продавали.

— Это откуда же вы?

— Изъ Самарской губерніи. Голодъ тамъ, недостача. Лошадь, къ примѣру, два пуда зерномъ стоитъ, нѣту травы.

— Та-акъ, а куда-же?

— Та-акъ...

— Сами не знаемъ. Куда Богъ, къ примѣру, пошлетъ.

А шоффера: керосинъ продавали. Америка строила «Уайтъ», чтобы ходилъ «Уайтъ» на бензинѣ, — Рязань пустила «Уайтъ» керосиномъ, — а когда добыла Рязань бензинъ, — шоффера заявили, что «Уайтъ» отучился ходить на бензинѣ, —

ибо на бензинъ не давали картошки.

Голодъ.

Не нашимъ большакамъ разсказывать о голодѣ, нуждѣ и зноѣ. Тамъ въ хлѣбородной, въ какомъ-нибудь Курдюмѣ, Нурлатѣ, или въ Курячьихъ какихъ-нибудь Титькахъ — все погорѣло, до-тла, ни людямъ, ни скотинѣ нечего ѣсть, корюшка въ землѣ спеклась, май іюлемъ прошелъ, хлѣба два пуда — лошадь, а домовъ полъ-села пудъ. Мужику нашему, какъ дикарь, — сла-вя-ни-ну, — рѣшаться, рѣшиться, рѣшить: — не впервой ходить по землѣ, кочевать, бѣгать! Рѣшать день, рѣшать два, — всю жизнь гнувшему спину, безъ дѣла ходить, трогать землю и рукой и мыскомъ лаптя (горячо босому ходить по землѣ), въ небо смотрѣть, въ степи смотрѣть, въ избѣ на коникѣ часами сидѣть передъ миской съ коровьимъ пометомъ (ѣли и такое), въ закромъ, ясный, какъ лысина, ходить на авось, — и рѣшиться, рѣшить.

— Надоть... ѣхать... жена, — женѣ впервые сказать жена, а не Дунька, не сука, безъ зуботычины.

Сволакивать въ бѣду все имущество, — два одѣяла, перину, икону, топоръ, гуся, ребятишекъ, — въ день перерѣзать, продать, промѣнять корову, теленка, овецъ — день работать, шею ломать, какъ всегда, какъ всю жизнь. А къ вечеру (обязательно къ вечеру выѣхать надо!), когда

бѣда уже горой и на улицѣ, и лошади склонили головы передъ долгой путиной, а ворота — настежь — зайти послѣдній разъ въ избу, взглянуть, какъ десятки лѣтъ, въ красный уголъ, — въ пустой уголъ, ибо даже цари, генералы и дезертиры свернуты въ трубку въ бѣдѣ, — не перекреститься даже, ибо пустъ уголъ, — а въ армякѣ, въ шапкѣ, съ рукавицами за поясомъ, хлопнуть въ раздумьи кнутовищемъ себя по колѣну (кнутъ вѣдь вмѣсто овса!), ткнуть въ таракана кнутовищемъ, въ раздумьи вздохнуть — и выйти шумно изъ избы, дверь оставивъ разинутой настежь.

— Ну... трогай, что-ли... жена, — а самому итти рядомъ, пѣшкомъ, тысячи верстъ до могилы.

И — сначала ночные проселки, а потомъ большаки— куда глаза глядятъ, ибо мужики — не извозчики, для которыхъ географія... Не нашимъ большакамъ разсказывать о голодѣ, нуждѣ, зноѣ, — ихъ надо послушать. Шаша... Тысячи верстъ: не впервые тысячами намъ растворяться въ тысячахъ верстъ, въ голодѣ, въ холерѣ, въ темныхъ дѣлахъ, ибо — кто пріютитъ насъ и какъ? Шаша!..

Третьимъ интернаціоналомъ трубитъ трактъ въ проводахъ!..

Рязанскія земли, Зарайскія — у Христа за раемъ были: прожрали зиму картошкой. Но годъ тотъ — лѣто девятьсотъ двадцать первое страшно было и въ Зарайскихъ земляхъ. Травы въ цвѣтеніи и ихъ, цвѣтенья, посѣвы — сгрудились и прошли въ поспѣшности въ нѣсколько благостныхъ дней. — А потомъ пришелъ зной, пришла жудь, не падала даже роса, и не было отдыха даже въ ночахъ, августовскіе цвѣты отцвѣли въ маѣ. Земля стала камнемъ, вся въ дыму, въ лѣсныхъ пожа-

рахъ, солнце вставало и садилось зміемъ огненнымъ, а сухіе сухлые всходы были мутны и пыльны, какъ стекла въ пересыльной Рязанской тюрьмѣ. По всей Россіи въ то лѣто ѣли конятникъ, такую конскую траву, которую не ѣдятъ лошади. И просыпались и ложились люди съ мольбой о дождѣ, безсильные передъ стихіей пожаровъ и зноевъ, спекающихъ все, труды и землю. Кто-то кому-то сказалъ въ тотъ годъ въ деревняхъ по Рязанскимъ землямъ, что революція кончена.

А большакъ Астраханскій лежалъ — какъ всѣ русскіе большаки. Небо, да пыль, да истома. Да деревни, да села. Да мосты. Да холмы, да рощи, да курганы. Если свернуть влѣво — нѣту деревни Кобылиной, если свернуть вправо — Сопроновскія Горки, сзади Рязань, впереди — Москва, земли Зарайскія.

Мы — рязань косопузая — сыты будемъ: кар-тош-кой. Автомобили же трещатъ такъ потому, что стары автомобили отъ керосина. Велика мать Россія, чертъ бы ее побралъ. Шаша.

РЯЗАНЬ-БАБА.

Все рѣшили на бумагѣ
Да забыли про овраги, —
А по нимъ — иттить...

Левъ Толстой

О Сапроновскихъ Горкахъ поютъ дѣвки:

Какъ Сапроновскія Горки —
Странныя дѣлишки...
Всѣ помѣщики — Егорки,
Послѣдни портишки...

Топографіей и прежними временами на Сапроновскихъ Горахъ чертъ ногу сломилъ: на каждомъ бугрѣ по усадьбѣ — шесть усадебъ и три крестьянскихъ общества — по семи избъ въ каждомъ оврагѣ. Землемѣръ Нилъ Ниловичъ Тышко, вотъ уже много мѣсяцевъ проживая въ одной изъ заколоченныхъ усадебъ, никакъ не могъ разобраться, гдѣ и какъ сломалъ ногу чертъ. Мужики жили и все понимали, какъ при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, и столковаться о переверсткѣ не могли. Изъ помѣщиковъ остались—все же остались—лишь Ерликсовы да Скурлатовы, въ двухъ усадьбахъ рядомъ черезъ оврагъ, да пчеловодъ бывшій земской Комининъ—въ землянкѣ на своемъ

собсвенномъ саженцѣ. За Бюричимъ буеракомъ — глухое мѣсто — помѣщалась Коммуна Труда, о коммунѣ сами коммунисты говорили глухо.

Помѣщики же были все Георгіи да Юріи: Юрій Георгіевичъ — старикъ генералъ, Юрій Юрьевичъ — штабсъ-капитанъ Великой войны съ ампутированной ногой, Марья Юрьевна — коммунистка — и только Комынинъ — просто Ягоръ Ягоровичъ Комынинъ. Частушки же только дѣвки поютъ такъ, парни дѣвкамъ поютъ иначе:

Какъ Сапроновскія Горки —
Странныя дѣлишки!
Всѣ помѣщики — Егорки,
Сохнутъ по.....!

Впрочемъ частушекъ очень много: бабье творчество, ибо, «твой миленокъ въ красноармейцахъ, мой у Балаховича, — твой повѣшенъ, мой разстрѣлянъ: наша доля вдовичья». Бытописателю ихъ не обойти. — «Охохонюшки, хо-хой. Ходитъ баринъ за сохой, въ три ручья онъ слезы льетъ нашей кровушки не пьетъ». «Раньше нашего брата не пущали въ ворота — теперь въ парадную зовутъ, послѣдни юбки отдаютъ». — «По деревнѣ слухъ идетъ — вшей забрали на учетъ: чтобы вшей пересчитать — стали бабъ учить читать». «Съ коммунистомъ — дѣло чисто: — обѣщали землю намъ, — три аршина на могилу раздаютъ по ѣдокамъ».

Подлинно: «наживу себѣ бѣду, въ сортиръ безъ пропуска пойду, я бы рада пропускъ взять — нѣту денегъ взятку дать». Частушки: дѣвичье творчество — гуляночное. Бытописателю не выкинуть слова изъ пѣсни. Въ парняхъ большой недочетъ.

... А тамъ, за Сапроновскими Горками — Ока, луга Дѣдиновскіе, Любыцкіе, Ловецкіе, Бѣлоомутскіе: раньше тысячи людей кормились десятками тысячей десятинъ, поставляя на всю Россію милліоны пудовъ, — теперь на лугахъ сгибнуло сѣно: пырей, дятельникъ, осѣнцы, горошники, кашку — заглушилъ дуроломъ, осотъ. — И все же каждую весну на Сапроніевскихъ Горкахъ цвѣтутъ яблони, въ старыхъ садахъ, и будутъ цвѣсти, пока есть земля. Сады въ бѣломъ яблоновомъ цвѣту, подъ луной кажутся костяными, неподвижны. Всю ночь въ оврагахъ кричатъ лягушки, и трудно спать въ смѣнѣ багряницъ запада и востока, въ соловьиномъ чоканьи, ибо соловьиное пѣнье — развѣ не кубокъ, до краевъ наполненный медвяницей росъ, которымъ чокается соловей съ землей? Сады старые, выродившіеся, порѣдѣвшіе. — А осенью польютъ дожди, пройдутъ Покровъ и Казанская, падутъ бѣлы снѣги, мужики подберутся послѣ лѣта, спрячутся по избамъ на зиму, — а сады станутъ вновь костяными, въ заморозкахъ, и будутъ падать бѣлы снѣги пока есть земля.

Поютъ дѣвки:

Я у тяти пятая,
У мила — девятая, —
Ничего насъ такъ не губитъ,
Какъ любовь проклятая.

Парни отвѣчаютъ:

Тына, тына! портки скину,
Съ дѣвкой лягу на кровать,
Я за то люблю совѣтскихъ,
Что безъ свадьбы можно спать.

Рязань городъ на холмахъ надъ рѣкою.

Слово Рязань — женскаго рода, и поистинѣ городъ Рязань: баба въ сорокъ лѣтъ. Бабы, кромѣ дѣтей, блохъ родятъ. Жирная баба Рязань, блохъ въ ней много, жирная, и блудъ въ жиру еще не угасъ, — вся въ буеракахъ, да горахъ — въ морщинахъ, сырая — и легла надъ Окою раскорякою. Дома купцы ставили спеціально для крысъ и клоповъ, изъ кирпича о пяти фундаментахъ, съ окнами, изъ которыхъ жирной бабѣ Рязани — не выползти, — и подпудривали бабу Рязань купцы охрами. Причесывать бабу купцы бросили сорокъ лѣтъ назадъ, когда прошла Казанка, съѣвшая трактъ Астраханскій, и лежитъ баба надъ Окою раскорякою — простоволосая, грязная, потная, подлая. У вокзала на заборѣ въ Рязани вывѣска:

«Складъ Бюро похоронныхъ процессій».

А на бабѣ Рязани — живутъ люди. А жила баба-Рязань тысячелѣтье, животъ бабы-Рязани — кремль, внизу подъ кремлемъ протекаетъ рѣка Трубежъ. На животу у бабы Рязани, на монастыряхъ, соборахъ и княжьемъ дворцѣ — камнемъ на камнѣ высѣчено о томъ, какъ дѣлился князь Ярославъ Рязанскій, какъ московскіе князья полонили рязанскихъ князей и какъ варомъ варила Рязань Крымскаго хана Гирея. Древнее имя Трубежъ, Трубежъ — вѣками трубитъ—о ханѣ Гиреѣ, о рязанскихъ князьяхъ, о князѣ Ярославѣ Рязанскомъ, — омываетъ бабѣ Рязани животъ. Съ живота, съ кремлевскаго холма — на десятки верстъ луга видны, поемны, — тамъ вдали Бѣлоомутъ — поэзія Огарева. Вѣками трубитъ Трубежъ — но прошла революція: тамъ внизу подъ обрывомъ столбикъ стоялъ, и на столбикѣ объявленіе было Здравоотдѣла Рязанскаго:

«Въ рѣкѣ Трубежѣ купаться строго воспрещается, такъ какъ р. Трубежъ заражена сифилисомъ».

«Складъ-бюро похоронныхъ процессій».

А на Рязани — бабѣ — живутъ люди. Въ Рязани — здравоотдѣлъ, продкомы, исполкомы и губ. и у., рабкрины, чека, семнадцатая дивизія, телефоны. Телефоны и люди. И вѣка, которыми трубитъ Трубежъ, какъ дружины Рязанскихъ князей — въ рога. Рязань продовольственный городъ.

Телефоны и люди. Два человѣка, оба евреи. — На Семинарской какой-нибудь улицѣ — Казанская какая-нибудь Божья Матерь, — сиротой казанской, — и въ Кремлевскомъ монастырѣ, что-ли, — Спасъ на кладбищѣ: церкви поставлены Богу, церковная мистика, какъ города Ростиславль и Китежъ, звонницы смотрятъ въ небо, къ небу звонятъ. Пришли иные вѣка (до Казанки), купцы ставили пудовыя свѣчи, но сказали: — «Извините, конечно, Богъ Единъ и Первый, но экономическая необходимость вынуждаетъ-съ», — и понаставили домовъ, какъ бабы, засрамили церкви, зажабили ихъ дебелостью своей въ переулочки, — прекраснѣйшія церкви, памятники мистики, старины и культуры. — Два человѣка — оба евреи — въ домѣ, какъ баба, въ антресоляхъ о трехъ комнатахъ.

Одинъ — первый — человѣкъ, еврей, сіонистъ — спалъ ночи на стульяхъ, составивъ стулья и положивъ на нихъ перину. Днемъ онъ ходилъ въ зуболечебницу, гдѣ врачевалъ, бѣгалъ по столовымъ, вечеромъ онъ варилъ зубы, а ночами, прежде чѣмъ сдвинуть стулья, онъ — изучалъ

арабскую грамматику и арабскій лексиконъ, ибо мечталъ уѣхать въ Палестину, въ свое государство и тамъ врачевать среди арабовъ. Ему было пятьдесятъ два года, онъ былъ сухъ какъ муміи въ африканскихъ пескахъ, ничего кромѣ Рязани и Одессы не видѣлъ. — Па-ле-сти-на и арабы съ больными зубами, которымъ надо рвать зубы и съ которыми надо говорить по-арабски. Даже въ Палестинѣ не воскресъ — древне еврейскій, — но онъ его зналъ, онъ спалъ два часа въ сутки.

Двадцать пять лѣтъ у него въ антресоляхъ висѣлъ телефонъ, — и вотъ — второй человѣкъ, еврей, коммунистъ. Въ революцію могли имѣть телефоны только отвѣтственные работники, второй былъ отвѣтственнымъ работникомъ, онъ снялъ телефонъ въ корридорѣ и перенесъ его — на два съ четвертью шага — въ свою комнату, и когда спрашивали перваго еврея, которому принадлежалъ этотъ телефонъ двадцать пять лѣтъ, второй отвѣчалъ:

— Здѣсь нѣтъ никакого зубного врача. Здѣсь живетъ военный комиссаръ.

Этотъ второй тоже не видалъ ничего кромѣ Одессы. Рано утромъ онъ уходилъ въ учрежденіе, приходилъ въ пять и всѣ вечера разговаривалъ по телефону, около телефона у него стояло кресло, и когда онъ разговаривалъ со своими подчиненными, онъ разваливался въ креслѣ, коряча ноги; когда онъ говорилъ съ себѣ равными, онъ сидѣлъ просто, по-человѣчески; когда онъ говорилъ съ начальствующими, онъ вскакивалъ во фрунтъ и щелкалъ шпорами; — это были три разныхъ голоса; четвертымъ же онъ говорилъ — по телефону — съ женщинами. У него никогда, никто не бывалъ, онъ засыпалъ на диванѣ — въ десятомъ часу по декретному времени.

И первый и второй — оба еврея были дальними родственниками, оба изъ Одессы, какъ Казанская, что-ли, и Спасъ на кладбищѣ — обѣ въ Рязани, осрамленныя купцомъ, который настроилъ бабъ для крысъ и клоповъ, извинившись:

— Извините, конечно, Богъ единъ и первый, но экономическая необходимость вынуждаютъ-съ... касательно того, чтобъ заслонить, конечно, бабами...

И третій — человѣкъ, русскій, князь. Поѣздъ выползъ на Рязанскій вокзалъ, сыпалъ людьми, какъ сыпно-тифозный вшами, — людьми, которыхъ, давно уже звали не зайцами, а кроликами, ибо спугнутый заяцъ бѣжитъ куда глаза глядятъ, а кроликъ только съ мѣста на мѣсто, разгоняемый Ортечека. — И не вошью, и не кроликомъ, никуда не спѣша и одиноко сошелъ съ поѣзда человѣкъ — въ англійскомъ пальто, съ поднятымъ воротникомъ до ушей и въ кэпи, съ тощимъ чемоданомъ въ рукахъ. Лицо у человѣка было какъ ноябрь. Не въ ладъ всѣмъ долго стоялъ человѣкъ въ третьемъ классѣ, прислонясь къ стѣнѣ, опустивъ ноябрьскіе свои глаза. Затѣмъ человѣкъ бодро пошелъ въ городъ, на Астраханскую улицу въ совѣтское общежитіе. Тамъ онъ предъявилъ документы, ему отвели койку въ общей спальной, гдѣ спало уже сорокъ человѣкъ, — человѣкъ осмотрѣлъ бѣлье, густо посыпалъ его далматскимъ порошкомъ изъ тощаго чемоданчика, долго разматывалъ разбитые башмаки и обмотки съ разбитыхъ ногъ, башмаки уложилъ въ чемоданъ, чемоданъ подложилъ подъ подушку и, не снимая пальто и плотнѣе насупивъ кэпи, не пивъ и не ѣвъ, легъ спать. Рано утромъ не справясь объ улицахъ, онъ пошелъ за городъ, въ лагерь русскихъ въ Россіи военно-

плѣнныхъ офицеровъ изъ Армій Деникина и Врангеля. Тамъ онъ былъ недолго, передалъ нѣсколько писемъ, впервые разговаривая, улыбаясь, и оттуда пошелъ по совѣтскимъ учрежденіямъ, въ Губисполкомъ и Губземотдѣлъ.

Князю тоже соотвѣтствовала, должно быть, какая-нибудь церковь, погостъ. Росчиславль, что-ли.

НИКТО КРОМѢ — ЕДИНЪ БОГЪ САВАОѲЪ

Старообрядческая пѣсня

Всю ночь пѣли соловьи. Нилъ Ниловичъ Тышко всю ночь гулялъ съ Еленой Юрьевной Скурлатовой, въ монастырскомъ бору. Въ Филимоновомъ оврагѣ, внизу стоялъ туманъ, скатъ поросъ соснами, и даже ночью, какъ въ заполдни, пахло растопленной смолой, пока не пала роса. По скату въ Филимоновомъ оврагѣ валялись конскіе черепа, ночь окутала землю луннымъ свѣтомъ. Соловьи внизу въ оврагѣ плескали свои переполненные кубки, и кукушки куковали такъ, точно воздухъ былъ смоченъ. Стройная Елена, усмѣхаясь, говорила о лѣшемъ Егорѣ Егоровичѣ Комынинѣ, о любви, — вставала стройная, въ бѣломъ платьѣ, босая, на конскій черепъ и декламировала изъ Пушкина: —

— Какъ нынѣ сбирается вѣщій Олегъ...

— садилась на черепъ и переплетала свои косы, волосы падали черными водорослями. Елена все усмѣхалась. Два черепа, — по волѣ Елены, — Нилъ Ниловичъ потащилъ за собою на ремнѣ, и ихъ привѣсили у Скурлатовскаго домика.

— Ахъ, глупый, глупый крокодильскій Нилъ. Вѣдь вотъ онъ не знаетъ, что Егоръ Егоровичъ лѣшій, а всѣ женщины... въ коммунѣ... вѣдьмы, — сказала Елена, усмѣхнулась мелкимъ нервнымъ смѣшкомъ и скрылась въ дверь между конскими черепами, въ бѣломъ платьѣ, со снопами медвяницы въ рукахъ.

Нилычъ отвѣтилъ:

— Гм, — и шелъ всю дорогу домой, гмыхая своей бритой рожей.

Проснувшись въ двѣнадцать, Нилъ Ниловичъ съ добрый часъ мылъ на террасѣ свою лысую голову, чистилъ зубы, ногти, сапоги, дважды мѣнялъ брюки, наконецъ надѣлъ синіе галифе съ задницей, обшитой кожей, френчъ и шведскіе ботфорты, — выпилъ крынку молока и, приколовъ четырьмя кнопками къ двери пожелтѣвшее уже объявленіе на ватманской бумагѣ: —

«Буду къ шести часамъ стараго времени.

Н. Тышко».

— уѣхалъ на велосипедѣ за пятнадцать верстъ къ женатому землемѣру — товарищу — обѣдать.

Въ это же утро, утро послѣ ночи, когда впервые распустилась сирень, — выѣхала изъ города на автомобилѣ комиссія. Надъ полями, въ небѣ шли, таяли и нарождались вновь облака, живыя, какъ утро. Звенѣли жаворонки и пахнули поля терпко свирбигой, изъ перелѣсковъ чуть-чуть тянуло сладкими ландышами и вѣтеръ ласкалъ, какъ ландышъ. Автомобиль протрещалъ трактомъ къ тому мѣсту, гдѣ надо сворачивать на Сапроновы Горки, скинулъ съ себя велосипедистовъ, чтобъ ѣхать имъ полями. Велосипедисты ѣхали точно на гонкахъ, обгоняя другъ друга, утомляясь ненужно, гарцуя,

веселясь. На полъ дорогѣ въ Сапроново они заѣзжали къ знакомому волостному предсѣдателю, ввалились въ избу потные, веселые, шумѣли, шутили, сыпали махоркой, пили молоко, справлялись о земляхъ, спрашивали— надуютъ ли съ продналогомъ? — Предсѣдатель съ торжественнымъ лицомъ, предложилъ было спѣть интернаціоналъ, — послали къ черту — влѣзли на велосипеды, поѣхали дальше, опять, точно на гонкахъ, шараша сельскихъ собакъ.

Въ Сапроновѣ на околицѣ парнишка было спросилъ: — А вы зато куда ѣдете? — но ему отвѣчали: — «Въ политбюро», — и опять зашарашили собакъ. Алешка высунулся было въ окно — обмеръ и опрометью, задами, побѣжалъ въ Филимоновъ оврагъ, куда вскорѣ собрались и другіе дезертиры. Ручная мельница на селѣ крякнула и смолкла.

Только пѣтухъ въ полдникѣ взлѣтѣлъ на жердину и крикнулъ:

— Ку-ку-рк-куу!..

Пожелтѣвшее уже объявленіе Нила Ниловича Тышко комиссія сорвала, прикрѣпила новое: —

«Ждемъ крокодила въ комиссіи» — подписи.

Въ этой комиссіи былъ тотъ второй, — человѣкъ еврей, коммунистъ. Онъ ѣхалъ сзади всѣхъ, должно быть, потому, что было жарко въ кожаной курткѣ, — но въ комиссіи были не только коммунисты.

Въ коммунѣ ждала комиссію вол'ячейка Р. К. П.,— въ комиссіи не всѣ были членами Р. К. П. — но на засѣданіе пошли всѣ. Засѣданіе открыто и закрыто было интернаціоналомъ, засѣданіе сдѣлали въ людской избѣ, мухи летали смерчемъ, пищали цыплята на столахъ, на

столѣ же засѣданій поставили жбанъ квасу. Интернаціоналъ пѣли оба раза съ начала до конца, со скукой, въ зноѣ. Субботникъ хотя субботы и не было, отмѣнили. Почему-то у всѣхъ членовъ ячейки были бѣлесые глаза — почти бѣлые, пустые, — и сидѣли глаза у всѣхъ поразному: — смотрѣли этими глазами люди изъ разныхъ угловъ — то волчьими, то лисьими, то совиными. Братья Мериновы, Липатъ, Логинъ и Сидоръ, сидѣли за столомъ въ рядъ по младшеству, — предсѣдатель, секретарь и завхозъ, — торчали изъ-за стола корягами, ибо были какъ коряги. Лица были расположены такъ, что Мериновы смотрѣли въ небо, — были лица, какъ коряги изъ пруда, даже позеленѣли отъ плѣсени бѣлыхъ глазъ, — затылки выродились въ шеи, не было шей: не то звѣрье, не то рыбы, — и все-же лица разныя, — у Липата лисье лицо, острое, сплошная веснушка, торчали уши и глаза сѣли рядомъ, взглядъ бѣгалъ быстро, незамѣтно, мѣтко, — у Сидора глаза сѣли надъ ушами и прорѣзаны были не вдоль, а поперекъ, и глаза были, какъ пуговицы отъ кальсонъ, а вѣсили каждый по пуду, самымъ широкимъ въ лицѣ были скулы, носъ торчалъ утицей, ротъ дырочкой безъ волосъ. Липатъ Мериновъ говорилъ по всѣмъ правиламъ — и присѣдалъ при каждомъ словѣ.

— Оглашаю повѣстку дня. Предлагаю пропѣть сперва интернаціональный рабочій гимнъ. Кто желаитъ перестановитъ?

— Когда ты будешь очевидецъ внутренности человѣка, гражданинъ, тогда ты будешь знать, что я желаю говорить.

Въ текущихъ дѣлахъ, случайно какъ-то, обсуждали: отобрать или не отбирать у буржуя-учителя корову? Съ одной стороны, учителя надо наказать за контръ-

революцію, а съ другой — безъ коровы онъ съ голоду помретъ. Расписывались подъ протоколомъ не всѣ — не всѣ были грамотны, членъ вол'ячейки Р. К. П. Марія Юрьевна Скурлатова сообщила истерически:

— Товарищи. Я избрана корреспонденткой нашей газеты. Прошу васъ доносить мнѣ весь любопытный и полезный матеріалъ.

На докладъ о продналогѣ никто изъ крестьянъ не явился. Нилъ Ниловичъ Тышко прислалъ записку, о томъ, что ждетъ съ чаемъ. Осматривали коммуну. На коммуну въ ту весну напалъ жукъ — испанская мушка, вся коммуна пропахла псиной, мушка лѣзла за шивороты, въ рукава. Усадьба располагалась несуразно, въ лѣсу, службы, варокъ, инвентарный сарай разметались по холму, кузница стояла подъ горой у плотины, главный домъ былъ заколоченъ. Къ осмотру коммуны приходилъ изъ своей землянки Егоръ Егоровичъ Комынинъ, ходилъ ухмыляясь вмѣстѣ съ хромой Марьей Юрьевной Скурлатовой. Членамъ комиссіи, должно быть, не дано было видѣть, — и, должно быть, наблюдать имъ было не къ чему. Все же былъ составленъ протоколъ. Въ Коммунѣ коммунистами были только братья Мериновы, — братья Мериновы ходили съ комиссіей, не оставляя ее ни на минуту.

Въ протоколѣ осмотра коммуны было написано, — чтобъ протоколу кануть въ вѣчность.

«Читальной комнаты нѣтъ, книгъ много, но про нихъ не всѣ знаютъ. — Въ коммунѣ есть не знающіе: члены ли они (слесарь и мальчишка — пастухъ)? Общихъ собраній не припомнятъ. — Крестьяне, входящіе въ коммуну, берутъ съ собой и свои надѣлы, избы на деревнѣ сдаютъ въ наемъ».

Одна:

— Да, што-же, родимый, погорѣли мы, до тла погорѣли, вотъ и пришли въ камуню. Ѣсть, вѣдь, надоть.

— Нищая я, касатикъ. Спаси ихъ Христосъ за кусочекъ хлѣбца старушкѣ. Полы я зато мою и коровъ дою, за хлѣбушко.

Въ коммунѣ только четыре семьи: три брата Мериновы и ихъ двоюродный братъ. Остальные — бобыли. — Живутъ въ двухъ домахъ и банѣ. Въ банѣ живетъ многосемейный Сидоръ Мериновъ. Одинъ домъ — дача 12×12, 4 комнаты и кухня, живутъ восемь человѣкъ: 2 брата Мериновы съ женами, родственникъ съ женой и двѣ дѣвки. Второй домъ 11×14, живетъ 23 человѣка, окно заткнуто рогожей. Въ домѣ, гдѣ живутъ Мериновы, чрезвычайно много кроватей, чисто убрано, на столѣ скатерть, на стѣнахъ слѣды отъ раздавленныхъ клоповъ, бабы молодыя, чистыя, здоровыя, въ башмакахъ, вяжутъ за столомъ. Въ людской избѣ (тамъ же и кухня) — грязно, низко, темно, мушиный смерчъ, все старики и старухи, въ лаптяхъ, — спятъ въ повалку. — Книги оказались въ главномъ домѣ, въ ящикахъ, пересыпанныхъ листовымъ табакомъ, чтобы не ѣли мыши. Книги очень цѣнныя, классики, много англійскихъ, — Мериновы на деревнѣ имѣли одну избу, одну душу, жили недѣленно, младшій и средній служили въ городѣ, въ дворникахъ.

	Коммуна.	Деревня.
Десятинъ пахотныхъ.	200.	70.
Озимыхъ засѣяно.	24 дес.	20. (больше не позволило мѣсто).
Лошадей	14.	11.
Коровъ	13.	15
Свиней	8.	—
Вѣялки, сѣялки, молотилки, плуги.	—	— сохи, бороны.
Домовъ	3.	18.
Людей.	31.	78.
Ѣдятъ съ мясомъ		щавель.

Культурнаго сельскаго хозяйства нѣтъ ни въ коммунѣ, ни въ деревнѣ. Деревня сдавала по развертцѣ зерно, мясо, масло, яйца, картошку, шерсть. Коммуна ничего не сдавала.

Протоколъ этотъ писалъ — тотъ второй человѣкъ, еврей, коммунистъ. Комиссіи было очень весело, больше ничего она не увидѣла, ибо всѣ встрѣчали комиссію молчаніемъ. Въ коммуну приходилъ торопить Нилъ Ниловичъ Тышко, но на нѣсколько минутъ задержали комиссію мужики, — пришли съ деревни, обступили кругомъ, стащили шапки, загалдѣли разомъ.

— Теперь революція кончена, теперь ты погоди, мы господъ комиссаровъ спросимъ, товарищевъ. Теперь революція, говорю зато, кончена, къ примѣру.

— Онъ, можно сказать, въ городу жилъ, а мы въ двадцатомъ годѣ цѣлину драли. А енъ — по ядакамъ!.. Опять же — камуня...

— Вре! Она у те гулящая, земля те! Жрецъ какой, за восемь душъ истъ хочешь...

— Погодите, гражданины. Мы господамъ комиссарамъ по порядку какъ передъ Богомъ. Вотъ, къ примѣру, они двадцать годовъ въ городу въ звощикахъ ѣздили, а мы землю драли зато. А какъ теперь въ городу недостача — они: по я-да-камъ!... А у нихъ обратно ни скоту, ни струменту, одна изба, въ громъ подбита!... Вотъ...

— Вре! Она у те гулящая!

— Жрецъ, знамо жрецъ!

— Снять его съ полъ-работника!

— А што, сикулятничать? сгноилъ въ землѣ картошку-те?

— Вре! У меня есть дѣвка, а я дѣвку выдалъ, а ее засѣяли, она, значитъ, родила, — опять улигуровка по ядакамъ выходить?

И — вдругъ посыпались печенки, селезенки, глаза, рты, души, становыя жилы, которыя мужики хотѣли изнасиловать другъ у друга. Нилъ Ниловичъ Тышко сказалъ:

— Ребята. Я вотъ сейчасъ возьму бумагу и буду писать протоколъ. А кто хоть разъ еще матюгнетъ, того отправлю въ волость на отсидку — и двойной нарядъ на гужевую.

Мужики замолчали — помолчали — и — ушли.

Нилъ Ниловичъ, гмыкая, поставилъ у себя на терасѣ въ рядъ пять ведеръ воды, и комиссія мылась, окатывая по очереди изъ ведеръ другъ другу головы. Сапогами раздували сосновыя шишки въ самоварѣ, который ставили на лужайкѣ у бесѣдки (на лужайкѣ дѣтскій крикъ). Нилъ Ниловичъ блестѣлъ лысиной и кожаной задницей. Изъ коммуны прислали хлѣба, меда и молока. Приходилъ Сидоръ Мериновъ, стоялъ и кланялся, чая пить не сталъ. Марья Юрьевна ковыляла съ тарелками. Комынинъ, какъ легъ на травку, такъ и лежалъ, пощуривая пятки въ туфляхъ, сшитыхъ Еленой, въ небо. Чай пили въ обѣденныхъ тарелкахъ. Вечеромъ небо чертили стрижи, падалъ на землю пепелъ вечера, чтобы ночи стать синей. Послѣднія иволги свистѣли точно флейты, и сладостно пахло яблоновымъ цвѣтомъ. Еще за чаемъ стали почему-то пѣть студенческія пѣсни, хотя студентовъ, кромѣ Тышки, не было. Впрочемъ, студентами называлъ комиссію и Егоръ Егоровичъ Комынинъ, лежа по

прежнему — пятки въ небо — передъ тарелкой, пощуриваясь и толкуя съ членомъ комиссіи — съ тѣмъ вторымъ человѣкомъ, евреемъ, коммунистомъ.

— А вотъ-съ, позвольте васъ спросить, господинъ стюдентъ, — откуда пошло слово товарищъ?

— Не знаю, — отвѣтилъ тотъ второй.

— А я вамъ скажу, господинъ стюдентъ. Когда разбойники на Волгѣ, у Жигулей барки грабили, они кричали: — «Сарынь на кичку, товаръ ищи»... отсюда и пошло, господинъ стюдентъ... А что такое женскій вопросъ, господинъ стюдентъ?

— Не знаю, — сказалъ членъ комиссіи.

— А я вамъ скажу, господинъ стюдентъ, — оскорбленіе.

— Почему?

— Когда женщина проситъ, — значитъ мужчина дуракъ, импотентъ. Оскорбленіе за мужчину, господинъ стюдентъ. А что такое барищня, господинъ...

Но Егоръ Егоровичъ не докончилъ, потому что всей компаніей пошли къ Марьѣ Юрьевнѣ Скурлатовой. Марья Юрьевна коммунистка, вмѣстѣ съ сестрой жила въ домѣ, передѣланномъ изъ каменной оранжереи. У двери висѣли конскіе черепа. Въ домъ же войти было страшно, потому что тамъ — не покоились, а неистовствовали — грязь, мухи, тараканы, пауки, пыль, причемъ пыль была не сѣрой, а какъ терра-де-сіенна, — терра-де-сіенноваго цвѣта были и стѣны, и потолки, и стекла, и книги въ углу на полу, Глѣбъ Успенскій и Герценъ. Преувеличенно много валялось всякой рухляди, какъ на чердакахъ, — и хотя здѣсь жили, все таки было какъ на чердакѣ.

Марья Юрьевна сѣла на диванъ, изъ котораго съ жалобнымъ пискомъ выскочили пружины, и крикнула истерически:

— Садитесь, товарищи. Я совсѣмъ мужичка, живу по-мужицки, чертъ-те что... А съѣстного у меня рѣшительно ничего нѣтъ... — и сказала правду, ибо всегда голодала и питалась кое-какъ только, когда покормятъ въ коммунѣ, ибо была — какъ-то ни такъ, ни сякъ — членомъ коммуны. — А чертъ-те что — истинная коммунистка, у меня нѣтъ ничего своего, — разсмѣялась, напрашиваясь на поощреніе, а сказала же опять правду, ибо у дома, въ мѣстахъ трехъ начинала рыть грядки — да такъ и бросила, раздумавъ и разочаровавшись.

— А позвольте васъ спросить, господа стюденты, — сказалъ Егоръ Егоровичъ ни къ селу, ни къ городу, — что такое женская эманципація?

Помолчалъ, пощурился и отвѣтилъ:

— А то, что всѣ женщины и барищни раздѣляются на дамъ и не дамъ. Вотъ-съ, господа, стюденты.

Изъ второй комнаты, откуда Елена не выходила, она крикнула:

— Прогоните Егорку!

— А вы, барищня, почему спрятались? — отвѣтилъ Егоръ Егоровичъ, оживляясь.

— Я не одѣта, мнѣ жарко. Я собираюсь купаться.

— А позвольте удостовѣриться?

Сидоръ Мериновъ, что стоялъ почтительно въ дверяхъ и смотрѣлъ благодаря особенной ихъ, мериновской, посадкѣ черепа, въ потолокъ, помоталъ почтительно головой. Егоръ Егоровичъ толкнулся въ дверь, дверь была заперта. Тогда онъ сказалъ:

— А позвольте васъ спросить, господа студенты, что есть барищня?

Но отвѣтить ему не пришлось, ибо въ избу ввалились мужики, и снова пошелъ галдежъ.

— Мы, какъ по-Божьи, мы безъ матерщины, а что мы выражаемси, къ примѣру, темный мы, значитъ, народъ.

— Вре, она у те гулящая — земля-те!

— Повремените, ребята. Я какъ по-божьи передъ господами товарищами: ... Когда... щеки накрасила, се и.., — а какъ она, значитъ, вымылась, краска съ ей слѣзла — она никому и не нужна!

— Мы на войнѣ за совѣты кровь проливали, а какъ революція кончилась — намъ и земли нѣтъ. Пересомить жилають...

— И опять посыпалось. —

Ночевать члены комиссіи пошли въ коммуну, ихъ положили въ сараѣ. За открытыми воротами небо, ставшее четырехугольнымъ, въ бѣлыхъ пустыхъ звѣздахъ, чертили летучія мыши, и лягушки въ пруду, сзади сарая, кричали такъ свирѣпо и громко, точно каждая лягушка была съ собаку. Въ сараѣ, кромѣ шпанскаго гнуса, пахло крысами, и жжужали комары такъ же тонко, какъ тонки ихъ носы. Члены комиссіи лежали вповалку на ватныхъ одѣялахъ, сшитыхъ изъ треугольныхъ лоскутьевъ. На вѣсахъ стоялъ жбанъ кваса. Въ сарай залетѣла сова, метнулась за летучею мышью, крикнула глухо и улетѣла въ ночь. Гдѣ-то на дальнемъ концѣ коммуны у забитаго главнаго дома — послышалось, должно быть, пѣніе церковнаго тропаря, и сейчасъ же стихло. И тогда въ воротахъ сталъ Сидоръ Мериновъ, оперся плечомъ о воротину.

— Спитя? — сказалъ онъ. — Спросить мы хотѣли васъ... Подите кто-ни-то, скажу, то-ись.

Одинъ изъ членовъ комиссіи подошелъ. Сидоръ Мериновъ громко прошепталъ, такъ, что слышали всѣ.

— Бабочковъ вамъ не надоть-ли? Есть у насъ хорошія бабочки, и желаютъ вамъ услужить.

Члены комиссіи согласились, кромѣ одного. Этотъ одинъ былъ тотъ второй, человѣкъ, еврей, коммунистъ; вѣдь онъ мечталъ о еврейской дѣвушкѣ, и онъ былъ аскетически чистъ. Этотъ второй повернулся на животъ, потянулся, — потомъ всталъ и ушелъ въ ночь отъ русскихъ.

Сидоръ Мериновъ втиснулся въ сарай, присѣлъ на корточки и зашепталъ:

— Толькя выходить вамъ отсюда никакъ нельзя. Подозрятъ. Вы ужъ размѣщайтесь по угламъ, что-ль какъ. А то подозрятъ. Выходить отсюда никакъ нельзя, то-ись .. Сейчасъ кликну. Ворота отворю обратно.

Сидоръ Мериновъ ушелъ, притворивъ ворота. Члены комиссіи растащили по угламъ свои одѣяла, почему-то всѣ поспѣшили выпить квасу, и въ сараѣ стало очень тихо, только ныли комары.

Скрипнула воротина, образовалась узкая щель, въ синемъ треугольникѣ неба появились двѣ женщины и голова Сидора Меринова, женщины въ щели воротъ показались огромными, передняя локтемъ закрыла лицо, вторая шла бокомъ, — члену комиссіи показалось, что это тѣ, которыхъ онъ видѣлъ за столомъ въ домѣ у Мериновыхъ, должно быть Мериновскія жены. Воротина вновь скрипнула, въ сараѣ сталъ кромѣшный мракъ, четверть минуты было напряженное молчаніе. Потомъ бабы сказали, обѣ сразу:

— Ой, что ты дѣла-иишь! .. — это игриво-плаксиво, одна.

— Куда итить-то? — это покойно-дѣловито, другая.

Изъ-за воротъ прошепталъ Сидоръ — испустилъ духъ:

— Въ углахъ они, въ углахъ, къ примѣру . . .

Въ тотъ же часъ въ другомъ концѣ коммуны, на конюшнѣ въ проходѣ у денниковъ стояли Логинъ и Липатъ Мериновы. Мальчишка племянникъ будилъ въ людской избѣ слесаря:

— Иди, иди скорѣй-ча! Липатъ Иванычъ, Логинъ Иванычъ зовутъ скорѣйча!

Драный мужиченко всталъ, почесался, расправилъ бороду, спалъ въ томъ же, въ чемъ ходилъ днемъ, подтянулъ портки и поспѣшно пошелъ, — мальчишка побѣжалъ впередъ. Липатъ Мериновъ, обыкновенно смотрѣвшій въ небо, скорчился дугой, чтобы заглянутъ бѣлесыми своими глазами въ божьи-глупые глаза слесаря. Логинъ скорчился съ другой стороны.

— А — а, ты не членъ? — прошепталъ Липатъ.

— Ааа, ты не членъ? — повторилъ Логинъ.

Липатъ выпрямился и ударилъ лѣвшой слесаря въ ухо. Логинъ тоже выпрямился, подпрыгнулъ и, крякнувъ, ударилъ слесаря по шеѣ.

Слесарь икнулъ, крякнулъ, ткнулся носомъ впередъ и повалился въ ноги.

— Касаатики ! . .

— Ааа, ты не членъ ? . . Начальству болтать — ты не членъ? ! . .

. . . И этой же ночью передъ разсвѣтомъ Нила Ниловича Тышко разбудили въ его бесѣдкѣ странные шорохи. Смерчемъ летали комары, щели въ двери и ставняхъ позеленѣли. Горько пахло березой, простыни и рубашка на Нилычѣ отсырѣли отъ росы. Первой Нилычъ услышалъ кукушку, — потомъ придавленные людскіе голоса.

— Тише.

— Да нѣтъ, онъ спитъ...

— Вотъ старый дуракъ, какъ испугалъ...

Шептались женщины.

— Знаешь, раньше мушки носили при себѣ, въ табакеркахъ, и вырѣзывали ихъ изъ черной тафты. И потомъ на бокахъ приклеивали ихъ, со значеніемъ: мушка у праваго глаза — тиранъ, на щекѣ — разлука, на подбородкѣ — люблю, да не вижу. Я у бабки въ дневникѣ прочла.

— Онъ въ тебя влюбленъ.

— Да, но онъ дуракъ. Гмыкаетъ и не понимаетъ, что я хочу быть... — послышался звукъ удара ладони по голому тѣлу. — Фу, какъ кусаютъ, всю кровь выпьютъ, чтобъ!.. А обмороки тоже были разные: обморокъ Дидоны, капризы Медеи, ваперы Омфалы, обморокъ кстати...

— А какъ мнѣ надоѣла эта коммуна. Вѣдь ты понимаешь — они... вотъ, я не знаю, они обезпечены, сыты — и вотъ поэтому у нихъ нѣтъ правды, а они ее ищутъ, эти Мериновы... Не знаю, какъ сказать... Вотъ этому и Егоръ Егоровичъ...

— Слушай, а Егорка — что?..

— Онъ тебя покоритъ, Елена. Только онъ не дастъ семьи и уюта, ничего не дастъ... какая тоска, Елена... А Тышко — сильный и молодой... Ѣсть хочется.

— Да, Марья, сильный и молодой... А Егорка — омутъ...

Близко затрещали кусты, звякнула колотушка, послышалось усталое сопѣнье. Женщины побѣжали въ сторону. Дверь въ бесѣдку съ трескомъ растворилась, въ дверяхъ сталъ Сидоръ Мериновъ, въ тулупѣ, въ мѣховой шапкѣ, съ колотушкой въ рукахъ.

— Здѣся?

— Кто?

— Онѣ. Видѣлъ?

— Кого?

— Ихъ. Нагишемъ.

— Ты про что, собственно, — про кого?

— Пошелъ къ кузнѣ на плотину и подозрилъ. — Какъ-акъ онѣ мимо меня сиганутъ нагишемъ, волосы по вѣтру, по плотинѣ въ омутъ, Марья Юрьевна косоногая и обратно Елена Юрьевна... Завизжали, словно ихъ за пупъ ухватили, — и подъ воду, и ни гу-гу, только пузырьки пускаютъ. Я кричать: — а-ля-ля-ля-ля!.. Они выскочили, завизжали и — въ оврагъ. Ну, думаю, — либо къ тебѣ, либо къ Ягору Ягорычу. Ежели, думаю, къ тебѣ — защекотаютъ.

— Ну, ходили купаться. Зачѣмъ онѣ меня щекотать станутъ? — спросилъ Нилъ Ниловичъ.

Сидоръ по-ослиному склонилъ голову, чтобы всмотрѣться бѣлесыми своими глазами въ Нилыча, и прошепталъ со страшкомъ:

— Вѣдьмы.

— Чтоо?

— Вѣдьмы зато, обѣ. А Ягоръ Ягоровичъ — обратно ведьмѣдь.

— Ерунду ты говоришь, Сидоръ, — сказалъ Нилъ Ниловичъ.

— Ярундуу?!. Ягоръ Ягоровичъ — всѣхъ бабъ мутьянитъ, мужики и то попадаются, — Марьинъ любовникъ, теперь къ Аленѣ подъѣзжаетъ. А прошлой осенью, ночью, приходитъ ко мнѣ въ сарай, — и сѣно стерегъ, — Марья-то, толстая, въ одной исподней, волосья по грудямъ, лѣзетъ обниматься, — «Милый, говоритъ, робеночка

хочу» — и вродѣ плачетъ. А обратно, въ этой бесѣдкѣ, въ щелочку видѣлъ, что съ ней выкорячивалъ Ягоръ Ягоровичъ — днемъ — днемъ!.. а она потомъ опять плакать, косоногая: «У тебя, говоритъ, позорная кровь, безсѣменный зато ты», и опять про робеночка. А зачѣмъ ей робенокъ? — чтобы кровь дѣтскую испить, къ примѣру. Я-рун-дуу!..

Нилъ Ниловичъ въ то утро разжигалъ въ ночномъ горшкѣ сосновыя шишки отъ комаровъ и выводилъ на ватманской бумагѣ:

«Буду къ шести часамъ средне-Европейскаго времени. —

Н. Тышко».

А яблони — а яблони цвѣтутъ каждый годъ.

Каждую весну цвѣтутъ яблони, сыплетъ яблоновый цвѣтъ въ ночи бѣлыми снѣгами, — неизвѣстно, неважно, кто пришелъ. Домъ такой, какъ у гоголевскихъ старосвѣтскихъ помѣщиковъ, — также двери скрипятъ и низки потолки, и лѣсенки, и около разрослась сирень, вся въ цвѣту. Богомъ ли, чертомъ ли спасенные нынѣ помѣщики остались въ своихъ помѣстьяхъ. — Неизвѣстно, неважно, кто пришелъ, — это я пришелъ, авторъ. — И отъ развалennаго варка встрѣчаютъ длительной мадьярской руганью: это одно, чему научились въ деревняхъ отъ военно-плѣнныхъ. А по корридору шумитъ протезъ, — вышелъ не прежній, изящный офицеръ, — лицо въ щеринѣ, гимнастерка безъ пояса (ибо вылѣзаетъ гимнастерка изъза пояса отъ костыля), мертвая брюка мертво болтается на мертвой ногѣ.

— Надо бы спроситъ: — живы еще? — но спрашивается:

— Не спите? ну, какъ, что хорошаго?

— Ничего, слава Богу, плохо, — говоритъ уже затверженное Юрій Юрьевичъ Ерликсовъ. — Заходите — и куда-то въ темноту: — Иванъ дома? Лантушъ вернулся? — Заходите, голубчикъ. Очень рады.

Гость старается не шумѣть.

— Не безпокойтесь, никто не спитъ, — говоритъ Юрій Юрьевичъ громко, и тихо добавляетъ: — Раньше, когда громили, — ждали. Поджигали все на разсвѣтѣ. Выработалась привычка не спать ночами.

Въ корридорѣ темно, въ столовой горитъ свѣча. Отецъ-старикъ, генералъ Юрій Георгіевичъ сидитъ за пасьянсомъ, одинъ, въ заячьей курткѣ, очки смотрятъ строго, лобъ съ красными межъ волосъ взлизами, — тоже строгъ: старый генералъ, отбывшій двѣ кампаніи. Чтобы поздороваться, встаетъ съ кряхтеньемъ.

— Не большевикъ? — говоритъ строго и басомъ старый генералъ. — Посмотрю-ка. Ишь, темно, — не видать какой сталъ. Хлѣба привезъ? — хлѣба нѣтъ, коровъ отобрали, лошадей ре-кви-зи-ро-ва-ли, кху! Вотъ, ни денегъ нѣтъ. Вотъ, поднеси свѣчку къ лицу, — посмотрю. Темно. Керосину — нѣтъ.

— Будетъ, папа, не волнуйся, — говоритъ сынъ.

Старикъ вспыхиваетъ, точно порохъ, краснѣетъ, топаетъ ногами:

— Не большевикъ? — Если большевикъ — вонъ! Ступай къ Машкѣ, къ хромой чертовкѣ!.. Тамъ у нея компанія — Тишки-Тришки, Нилы-Ніонилы!..

Сынъ Юрій кладетъ руку отцу на плечо, говоритъ строго:

— Перестань, успокойся, успокойся, отецъ.

Старикъ злобно тасуетъ карты и раскладываетъ безконечный пасьянсъ, строго смотрятъ очки, свѣча горитъ тускло. Входитъ Нина Юрьевна, курсистка, не ѣздившая уже много лѣтъ въ Москву, здоровается вяло, съ пледомъ на плечахъ, садится на лѣсенкѣ.

— Какъ поживаете, Нина Юрьевна?

— Ничего, слава Богу, плохо, — улыбается, смотритъ очень серьезно.

— Какъ поживаетъ? — отецъ откидывается къ спинкѣ кресла, нарочито смѣется, разводитъ руками. — Никакъ! — понялъ? ни-какъ! Дѣвкѣ учиться надо, годы проходятъ, — нѣтъ денегъ! Позоръ. Дѣвкѣ повеселиться надо, платья, конфекты тамъ, цвѣточки, покататься на тройкѣ, къ сосѣдкѣ съѣздить. — Нѣтъ лошадей. Волки, а не люди.

— Папа, опять! Не надо.

— Ну, хорошо, ну, хорошо. Уйду. Буду молчать. Скоро издохну. Правда глаза колетъ. Все — большевики!..

Поздно ночью гость и Юрій Юрьевичъ стоятъ на террасѣ. Зеленый лунный свѣтъ бороздитъ прогнившія доски, луна зацѣпилась за липы, соловей чокаетъ въ трехъ шагахъ, въ сирени.

Гость и Юрій Юрьевичъ долго молчатъ. Юрій Юрьевичъ съ трудомъ садится на барьеръ.

— Ну, что же, о литературѣ, музыкѣ, политикѣ, о войнѣ, — о чемъ говорить? — говоритъ Юрій Юрьевичъ и горбится не по-офицерски.

Гость молчитъ.

— Да-да... — Юрій Юрьевичъ долго молчитъ. — Складывалась жизнь, а тутъ... тоже, собственно, сложи-

лась... Отецъ сходитъ съума или, можетъ, уже сошелъ. Каждый разъ спитъ на новомъ мѣстѣ, кричитъ во снѣ, представляется, что пришли. А однажды приползъ — понимаете? — приползъ ко мнѣ и проситъ спасти его, хочетъ жить. Я понимаю, стихія, человѣческая лава, ничего не поможетъ, — отецъ не понимаетъ, не пойметъ. Гадостей никогда не дѣлалъ, былъ честнымъ человѣкомъ и — генералъ. Никогда не пойметъ. Я вотъ видишь, — съ култышкой. Всю войну былъ невредимъ, оторвало подъ Тарнополемъ.

Соловей щелкаетъ, какъ сумасшедшій, не жалѣетъ своихъ кубковъ.

— Глупо. Очень глупо, старыя привязанности, помѣщичья кровь. Надо бы бросить все, уѣхать. Гордость не позволяетъ, — и трусость. Когда громили всѣхъ — насъ не тронули: рабы. Струсили: — живые не дались бы, всѣхъ бы перестрѣляли.

— И вы, стрѣляли бы? — спрашиваетъ гость.

— И я. Съ наслажденіемъ! — Юрій говоритъ по-отцовски. — Съ нас-лаж-де-ні-емъ!.. Къ черту! Рабы! Измучали. Тогда не пришли. А потомъ пришла властъ. Взяли лошадей, взяли коровъ, на нашихъ земляхъ пашутъ, коммуна, — отъ отца скрываемъ. Нина, сестра — сапожница, веревочныя туфли бабамъ шьетъ, за молоко. Марья Скурлатова обликъ потеряла, живетъ, какъ вошь, пошла въ коммунистки, — не понимаю, какъ взяли?.. Не могу... Душитъ! Понимаете — душитъ!

... А на разсвѣтѣ, у края сада, на полянкѣ, повстрѣчалась Нина, въ бѣломъ платочкѣ, съ лопатой.

— Ахъ, это вы? — улыбнулась смущенно. — Я картошку сажаю и фасоль. Вѣдь у насъ отобрали земли...

— Покраснѣла, должно быть, — въ лунномъ свѣтѣ изъ подъ пенснэ глаза смотрятъ виновато.

— Только, пожалуйста, не говорите папѣ, что я копаю, будетъ недоволенъ, — говоритъ тихо.

И видно въ разсвѣтномъ свѣтѣ: на груди, на ситцевомъ старенькомъ платьицѣ яблоновый цвѣтъ приколотъ, розово-бѣлые лепестки. Боже мой, милая молодость!..

Каждую весну цвѣтутъ яблони и будутъ цвѣсти, пока есть земля. Утро пришло ясное, съ радостнымъ солнцемъ, съ прохладой росы и зеленой тѣни. Утромъ на террасѣ, гдѣ виноградникъ вырѣзывалъ зеленыя рѣки на бѣлой скатерти, Нина разливала чай. На столѣ лежали шахматы.

Юрій Юрьевичъ озабоченно ходилъ по террасѣ, шумя протезомъ.

— Что съ вами?

— Но въ коммуну пріѣхала вчера какая-то комиссія. Лантушъ дома?

На столѣ лежали шахматы.

Вошелъ старикъ, сказавъ бодро:

— Въ шахматы играли? Поди, не умѣете. Ну-ка, я васъ поучу. Ну-ка ставьте.

— Да, — да, отецъ, ну-ка, проучи его!

И Нина въ корридорѣ прошептала, поднявъ и раскрывъ широко свои глаза:

— Только, пожалуйста, проиграйте папѣ. Онъ, вѣдь, совсѣмъ больной.

Каждую весну цвѣтутъ яблони, и будутъ цвѣсти, пока есть земля, осыпаясь бѣлыми цвѣтами своего цвѣтника.

„СКЛАДЪ БЮРО ПОХОРОННЫХЪ ПРОЦЕССІЙ“.

(Вывѣска).

Вселяясь, Коммуна Трудъ приняла по описи инвентарь, и Сидоръ Мериновъ, мусоля чернильный карандашъ, писалъ на каждомъ столѣ: — столъ, и на каждомъ стулѣ: — стулъ, чтобы было точно, — и только тогда расписался въ описи, въ знакъ пріема столовъ и стульевъ. Въ сущности, этого не требовалось дѣлать: — въ домѣ и на чердакѣ валялось много и не описанной рухляди. Усадьба принадлежала князьямъ Ростиславскимъ, старикъ Ростиславскій, инженеръ, исходилъ въ свое время по изысканіямъ полъ Россіи и прошелъ всю Сибирь, — въ главномъ домѣ, въ комнатѣ, за его кабинетомъ, кучей сложены были теодолиты и астролябіи: Мериновы, безъ описи, отвинтили сферическія стекла, и, по веснѣ, когда стало пригрѣвать солнце, — закуривали этими стеклышками, чтобы экономить спички, и даже въ людской избѣ положили на окнѣ большое стекло для всѣхъ. Въ тотъ годъ была безснѣжная зима, и весна пришла ранняя, въ вѣтрахъ. Мериновы проживали зиму скучно, въ бездѣльѣ, у Липата— предсѣдателя — сошли съ рукъ мозоли, — зиму просидѣли въ тепломъ дому, жрали и спали, часто выходили за

варокъ къ проселку и стояли тамъ часами, глядя въ снѣжныя пустыя поля. Мериновы на деревнѣ имѣли одну душу, жили въ одной избѣ, Липатъ и Логинъ подростками ушли въ городъ, служили въ дворникахъ, — Липатъ еще тогда выбился въ люди: устроился къ рязанской купчихѣ въ любовники, и какъ разъ съ тѣхъ поръ сталъ сохнуть со спины и съ заду, всегда ходилъ въ валенкахъ, ѣздилъ къ доктору и къ бабкамъ, лечился отъ срамной и всѣмъ говорилъ, что у него — грызь, — и тогда же, съ города, Мериновы отучились отъ мужицкой работы. Впрочемъ, Мериновы, конечно, не типы. Сидоръ же Мериновъ, — старшій, привыкшій всю жизнь гнуть спину и дѣлать что-либо, отъ зари до зари, чтобы ѣсть, сначала наслаждался сытостью, — потомъ затомился въ бездѣльи, — выбитый изъ колеи не зналъ себѣ мѣста: это онъ навинтилъ сферическихъ стеколъ, пересыпалъ книги отъ мышей махорочьимъ листомъ и писалъ на столахъ — столъ, а на стульяхъ — стулъ. Мужики на коммуну смотрѣли косо, злобно, недовѣрчиво, сторонились коммунаровъ. Кругомъ въ деревняхъ хлѣбъ къ тому времени подобрался, мужики стягивали покрѣпче гашники и парили мякину, какъ всегда, впрочемъ, веснами, — коммуна была сыта, изрѣдка, изъ города — за картошку — привозили спиртъ, тогда запирались у себя въ домѣ къ ночи, пили и орали пѣсни. — Великимъ постомъ изъ центра пришелъ приказъ — убрать изъ коммуны иконы, — иконы вынесли на чердакъ, въ главномъ домѣ, и къ Богу тогда отнеслись безразлично. Сидоръ-же Мериновъ снялъ и спряталъ въ землю съ иконъ ризы. Въ ту весну дули вѣтры, — вѣтры весенніе, должно быть, ворошатъ души русскихъ, какъ птицъ, манятъ вѣтры весенніе — бродить къ перелетамъ. Мериновы не сдѣли дома, — было парно, и кисло пахло

отъ добротной жизни, — ходили по усадьбѣ, выходили на проселокъ, сидѣли часами въ кухнѣ на коникѣ, выткнувъ тряпки изъ рамъ, къ солнцу, — за бездѣльемъ не успѣвали во время приготовиться къ весеннимъ работамъ. И на пятой недѣлѣ, когда повалился снѣгъ и пошли долгіе дни въ ручьяхъ и грачиномъ крикѣ, — всполошились мужики: два брата Мериновы, ихъ племянникъ и двоюродный братъ прогнали женъ съ семьями, Мериновы пустили своихъ женъ по-міру, братъ и племянникъ вселили въ избу на деревнѣ, — и всѣ четверо стали сватать себѣ новыхъ бабъ. По округѣ невѣстъ не нашлось: изъ ближнихъ деревень никто не хотѣлъ итти безъ вѣнца, а вѣнчаться Мериновы не могли. Невѣстъ найти помогъ Кацеповъ — старикъ, лѣтъ тридцать державшій трактиръ на выселкахъ у проселка, не то хлыстъ, не то молоканинъ, не то скопецъ — хоть и была у него семья такихъ же безъ бровыхъ и безбородыхъ. Нѣсколько дней Мериновы ходили тайкомъ къ Кацепову, и Кацеповъ къ Мериновымъ, — потомъ Кацеповъ закладывалъ каураго жеребчика, надѣвалъ суконную бекешку и — обязательно въ ночь — уѣзжалъ — въ глухіе весенніе дни — сыскивать невѣстъ. Бабъ Кацеповъ сыскалъ нескоро и все дебелыя, грудастыя, срамныя, ѣздилъ за ними въ разные концы, верстъ за шестьдесятъ: двухъ взялъ отъ огородниковъ въ Каширѣ, — двухъ тоже не то отъ скопцовъ, не то отъ молоканъ, откуда-то съ Гуслицкихъ выселковъ, гдѣ всегда жили конокрады. Бабы пошли за Мериновыхъ безъ вѣнца, за деньги, — сели въ чистомъ домѣ, засорили на крылечкѣ сѣмячками, и мѣсяцъ въ Мериновскомъ домѣ прошелъ въ блудѣ, срамѣ и весельи. Въ этотъ мѣсяцъ прошли благословенные весенніе дни земного цвѣтенія, когда поспѣшно цвѣли травы, на Бѣлоомутскихъ и Дѣдиновскихъ

лугахъ глушилъ осотъ, осѣнцы и пыреи, — въ этотъ мѣсяцъ напала на Коммуну шпанская мушка, гнусъ, томила запахомъ псины, лѣзла за шивороты, жужжала, какъ зной. А потомъ прошли знои, такъ же не падала даже роса и не было отдыха въ ночи, пришла жуть. Солнце вставало зміемъ и зміемъ ложилось. Загорѣлись, задымились Чернорѣченскіе лѣса, солнце стало оранжевымъ, нечѣмъ было дышать, высохли даже болота и провалилась въ землю, какъ Китежъ, деревня Кобылина. Мужики вставали и ложились въ тоскѣ, смятеньи и мольбѣ о дождѣ. Коммуна жила глухо, и о ней молчалось.

И въ этотъ же мѣсяцъ на коммуну пришла старуха Анфуса, мать одной изъ новыхъ мериновскихъ женъ, вся въ черномъ, съ лицомъ, какъ у галки. Анфуса затормошилась въ усадьбѣ хозяйкой, воркотливо, хлопотливо, комнату выбрала себѣ въ главномъ домѣ, какъ разъ ту, гдѣ лежали раньше теодолиты, и усердно молилась, иконъ не взяла къ себѣ, но потребовала отъ Сидора ризы, вновь убрала иконы и развѣсила ихъ на чердакѣ, въ полумракѣ подъ крышей, расчистивъ передъ ними мѣсто и заставивъ, скрывъ ихъ чердачной рухлядью. Въ первый же вечеръ она пошла къ Кацепову, — и ночью видѣли ихъ троихъ — ее, Кацепова и Егора Егоровича Комынина. Говорили, что Егоръ Егоровичъ въ тотъ же вечеръ изнасиловалъ Анфусу, но это было не вѣрно, ибо Анфуса знала Егора Егоровича, когда онъ былъ еще земскимъ начальникомъ. Хлыстъ и Егоръ Егоровичъ стали своими въ коммунѣ, хлыстъ и Анфуса хлопотали, тормошились въ главномъ домѣ, а Егоръ Егоровичъ полеживалъ на солнцѣ. — И тогда старуха, — а за нею четыре бабы, — потребовали властно, чтобы Егоръ Егоровичъ Комынинъ исповѣдывалъ и перевѣнчалъ ихъ съ Мериновыми. Исповѣ-

дывалъ Комынинъ у себя въ землянкѣ, съ глазу на глазъ вѣнчалъ на чердакѣ главнаго дома, тайно, въ присутствіи Анфусы, Кацепова и Сидора Меринова, — и на первомъ же вѣнченіи, въ восхищеніи и экстазѣ, Кацеповъ заговорилъ о *новомъ богѣ Егорушкѣ*.

Къ этому времени и Сидоръ Мериновъ, старикъ, — прогналъ свою жену, и новую жену почему-то перевѣнчали сначала съ Егоромъ Егоровичемъ, а потомъ уже съ Сидоромъ, — въ попахъ ходилъ уже скопецъ Кацеповъ. Скопецъ-же привезъ откуда-то пѣсни на драныхъ лоскуткахъ, и Мериновы зубрили эти пѣсни, чтобы пѣть ихъ по ночамъ на чердакѣ. Елену Скурлатову рѣшили отдать въ богоматери Егору Егоровичу.

— Стопъ!

— Стопъ!

— Стопъ! — Все это, конечно, пишу я, авторъ. Ничего этого не было, — ничего этого не было бы, если бы не было меня: что Коммуна Трудъ выродилась въ сектантскую коммуну (коммуну-ли?), потому что Мериновы отступили отъ мужичьяго какого-то правила. Чертъ его знаетъ — былъ или не былъ городъ Ростиславль? —

— Впрочемъ, въ Россіи выходитъ «Продовольственная газета», и тамъ напечатано, какъ разъ въ день, когда я пишу эти строки:

«Надежда на урожай хлѣбовъ пропала окончательно. Рожь выгорѣла безъ налива. Яровые мѣстами не взошли совершенно, а въ нѣкоторыхъ волостяхъ пробиваютъ высохшую и затвердѣвшую корку, и гдѣ взошли — пожелтѣли отъ бездождья. Даже кар-

тофель, послѣдняя надежда чувашей, пропалъ во многихъ мѣстахъ. Чуваши обращали свои мольбы и къ языческимъ и къ христіанскимъ богамъ. Подъ развѣсистыми деревьями приносили они кровавыя жертвы: закалывали овецъ, лошадей».

Такъ пишетъ «Продовольственная газета», изданіе Наркомпрода.

— И еще, впрочемъ: —

читатели любятъ знать какъ, если въ повѣсть пришелъ человѣкъ, — какъ онъ изъ нея вышелъ. Поэтому:

— поэтому: —

Нилъ Ниловичъ Тышко утромъ выпилъ крынку молока, переодѣвалъ нѣсколько разъ брюки, чистилъ зубы и ботфорты, прикрѣплялъ къ двери объявленіе:

«Буду къ шести часамъ среднеЕвропейскаго времени.

Н. Тышко».

и собирался ѣхать за пятнадцать верстъ къ товарищу-землемѣру, обѣдать. И тогда къ нему пришли, гуляя, должно-быть, Егоръ Егоровичъ Комынинъ и Елена Юрьевна.

Стройная Елена сидѣла на ступенькахъ террасы, закинувъ руки за голову и откинувшись къ перильцамъ. Елена говорила:

— Знаете, въ старину бывали разные обмороки: обморокъ Діаны, капризы Медеи, ваперы Омфалы, обморокъ кстати. А на балахъ дамы передавали секреты мушками, мушки и мужчины наклеивали себѣ: мушка у праваго глаза — тиранъ...

— А позвольте васъ спросить, господинъ студентъ, что такое женьщины? — сказалъ Егоръ Егоровичъ. —

Женьщины-съ, господинъ стюдентъ,—труболетки-съ, вотъ — что. Вѣдьмы-съ. Каждую ночь въ трубу летаютъ.

— Все вы глупости разсказываете, — отвѣтилъ Нилъ Ниловичъ.

— А позвольте вамъ сказать, господинъ стюдентъ, — очень оживляясь, воскликнулъ Егоръ Егоровичъ, — что такое барищня? Барищня, господинъ стюдентъ, — насосъ, у котораго дырочка заперта, а его накачиваютъ-съ. Вотъ — что.

Елена истерически захохотала, — крикнула, закричала:

— Уйди, негодяй, уйди, уйди, хамъ! Сейчасъ все разскажу!

Егоръ Егоровичъ всталъ и ушелъ, шлепая пятками туфлей. И, когда Егоръ Егоровичъ ушелъ, Елена, возбужденная и растерянная, утащила Нила Ниловича, вмѣсто обѣда, въ Филимоновъ оврагъ. Въ Филимоновомъ оврагѣ валялись черепа, росли папоротники. Елена хохотала, усмѣхалась, возмущалась, фыркала, говорила о какихъ-то тайнахъ, которыя дураки задумали учинить съ ней, рвала по привычкѣ папоротники. А въ зарослях сосняка, гдѣ до головной боли пахло смолой, неожиданно, со слезами на глазахъ, какъ дѣвочка, просила Нила Ниловича — спасти ее отъ Егора Егоровича, стараго черта, липкаго лѣшаго. Нилычъ обезкураженно гмыкалъ. Елена сѣла на обрывѣ, посадила рядомъ Нилыча, положила руки ему на плечи, сидѣла тихо, беззащитная, какъ дѣвочка, — и вдругъ въ глазахъ Елены побѣжали мутные огоньки, задышала нервно, откинула голову, и съ закрытыми уже глазами, въ зноѣ, днемъ, когда до головокруженія пахло смолой, стала искать своими полуоткрытыми губами губъ Нила Нилыча. Губы были влажны, солено-

ваты, горячи. Нилычъ, должно быть, тоже закрылъ глаза, потому-что ему показалось, исчезъ свѣтъ — и посыпались лишь лиловыя искры, — что весь онъ погружается во влажное, соленоватое, горячее. Елена упала на землю. На мгновенье Нилычъ опять увидѣлъ свѣтъ, зной, сосны, Елену.

Елена прошептала:

— Поцѣлуй здѣсь...

И губы Нилыча ощутили холодокъ пота между грудей Елены, — пахнуло всегдашнимъ женскимъ, горьковатымъ и у Елены почему-то смѣшаннымъ съ запахомъ свербиги. Зной сосенъ и дня, должно быть, сталъ плавиться въ этомъ холодкѣ, между грудей, — груди были крѣпкими, молодыми, еще не испитыми, съ ровными сосками: — это опять зноемъ — въ свѣтѣ, злое солнце, соскахъ — увидѣлъ Нилычъ. Больше, въ сущности, не было Нилыча.

И тогда заплакала громко Елена, поднимаясь поспѣшно съ земли.

— Не надо. Не надо. Вѣдь ты не Егорка! Вѣдь Егорка приноситъ хлѣбъ и мясо!.. Не ходи за мной сейчасъ, уйди... — и Елена ушла, скрылась въ соснахъ.

Нилъ Ниловичъ былъ чрезвычайно взволнованъ и обезкураженъ: весь день онъ провалялся у себя въ бесѣдкѣ, то гмыкая, то пряча голову въ подушку. Весь день у него никого не было, только баба приносила къ шести часамъ средне-европейскаго времени крынку молока. Въ сумерки къ нему заходила Елена, — вошла заботливо, какъ старый другъ. Нилычъ не успѣлъ встать, она сѣла около него, поцѣловала тихо въ лобъ, молчала долго, — а потомъ опять говорила о тайнахъ, о Егорѣ Егоровичѣ, —

чтобы не оставлялъ ее этой ночью Нилъ Ниловичъ—сказала, чтобы ждалъ ее въ саженцѣ.

Солнце сѣло раскаленнымъ тазомъ, земля въ ночи осталась въ дыму отъ лѣсныхъ пожаровъ, темнота пришла жухлая, мутная, какъ стекла на чердакахъ, — точно почерствѣли, какъ хлѣбъ, ночи. Птицы и лягушки въ тотъ годъ смолкнули въ маѣ, — одиноко ухалъ въ оврагѣ филинъ, и отъ крика его пахло пылью. Нилъ Ниловичъ ждалъ Елену долго и не дождался. У опушки въ саженцѣ была помята трава, и кто-то въ нетерпѣньи, должно быть, и волнуясь, ломалъ прутья, — Нилычъ понялъ, что здѣсь стояла и ждала Елена: и на минуту запахло отъ саженца бодрымъ запахомъ молодой кобылы.

Въ саженцѣ затрещали сучья и прямо на Нила Нилыча вышелъ Сидоръ Мериновъ. Сталъ молча.

— Тебѣ чего здѣсь надо? спросилъ Нилъ Ниловичъ.

— Такъ что вы, господинъ стюдентъ, спать ступайте,— отвѣтилъ строго Сидоръ. — Ягорушка вамъ велѣлъ по ночамъ не шататься.

— Это еще какой Егорушка?

— Ягоръ Ягоровичъ Камынинъ. А еще, къ примѣру, Алену Ягоровну также не трогать, они сами просили про нее не безпокоиться. Спать вамъ надоть, господинъ стюдентъ.

И Нилычъ — и Нилычъ — ушелъ! Но пошелъ сначала въ землянку къ Егору Егоровичу, — тамъ никого не было, дверь была отворена, торчала шерстью солома, точно ряженый на святкахъ въ вывороченномъ тулупѣ, и кругомъ была притоптана земля. Тогда Нилъ Ниловичъ вошелъ въ коммуну. Въ коммунѣ было темно, и только въ главномъ нежиломъ домѣ — въ слуховомъ окнѣ, онъ увидѣлъ свѣтъ и оттуда неслось церковное пѣніе. Ни-

лычъ пошелъ ближе, — и въ это время изъ главнаго подъѣзда вышли: впереди парой Егоръ Егоровичъ и Елена, сзади кучкой — Анфуса, скопецъ, бабы, Мериновы. Елена была во всемъ бѣломъ, въ фатѣ, шла съ опущенной головой, Нилычъ караулилъ. Елена, Егоръ Егоровичъ, Анфуса, скопецъ — пошли къ Егору Егоровичу въ землянку. Въ землянкѣ остались Егоръ Егоровичъ и Елена, дверь притворилась, появился и погасъ свѣтъ, скопецъ и Анфуса нѣсколько разъ поклонились земно и ушли. Нилычу показалось, что изъ землянки, — изъ тишины — послышался стонъ: — Нилычъ, со всего размаху, махнулъ въ дверь землянки камнемъ, зажатымъ въ рукѣ еще отъ коммуны, — и что есть духу побѣжалъ домой.

Нилычу хотѣлось и плакать, и хохотать, и драться, и спрятаться отъ страха. Вспомнилъ онъ себя въ кровати, раздѣтымъ, почувствовалъ, что ему чрезвычайно жарко и онъ весь мокръ. Ночь ему показалась не черной, а красной, совсѣмъ кумачевой, въ какихъ-то красныхъ пирамидахъ. Вспомнилъ, что всю ночь, — весь перезвонъ ночи — заглушало сердце, и что саднитъ ногу, съ тѣхъ поръ, какъ онъ свалился въ оврагъ, когда убѣгалъ съ землянки. Почувствовалъ, что у него жаръ, ломится отъ боли голова и бредовыя — въ жару — воспріятія, потому что вотъ уже долго путаются несуразно мама, Константиновскій межевой институтъ, какая-то скамья — и нѣтъ Елены. Нилычъ не понялъ сразу, дѣйствительно ли вошла къ нему хромая Марья Юрьевна Скурлатова, съ распущенными волосами, въ одной рубашкѣ, размякшая, съ грудью, какъ вымя.

Марья Юрьевна, должно быть, въ припадкѣ истерики, закинула сначала негнущуюся свою ногу, легла ря-

домъ съ Нилычемъ, охвативъ его шею, зашептала истерически:

— Не прогони, не прогони... вѣдь я женщина, я мать... замучили. Егоръ вѣдь безсеменный,—они звѣрье, не могутъ безъ боговъ... Я ребеночка хочу, вѣдь я женщина. Все потеряно, ничего не осталось... они сыты, я голодная... Не прогони, не прогони...

У Нилыча ломилась голова, — мать, константиновцы, скамья мельтешили, суматошились, какъ красная ночь, вся въ красныхъ треугольникахъ. У Марьи Юрьевны оказалась огромная сила, — она очень легко подняла Нила Нилыча. Неизвѣстно, гдѣ была воля, — Нилъ Нилычъ все время проваливался куда-то, въ какую-то скамью, въ константиновцевъ-межевиковъ, въ маму, когда черепъ ломится пополамъ.

Подъ ночью, —
— раскорякой —
— потная, подлая, дебелая,
— валялась —
— Баба-Рязань.

«Въ рѣкѣ Трубежѣ купаться строго воспрещается, такъ какъ рѣка Трубежъ заражена сифилисомъ».

«Складъ бюро похоронныхъ процессій».

Подъ ночью — въ ночи — потная, подлая, изнасилованная сотни разъ, съ гнойной слизью въ морщинахъ овраговъ, съ кремлемъ, поникшимъ на животѣ, къ Трубежу
— а въ этомъ кремлѣ въ тысяча сто пятьдесятъ третьемъ году жилъ князь

Ярославъ — и отсюда тогда выдѣлилъ сыну Ростиславу — Росчиславль городъ надъ Окою,

— Рязань-баба —

— съ домами о пяти фундаментахъ въ охрѣ, спеціально для крысъ и клоповъ, гдѣ глушили рѣшетками купцы своихъ бабъ, — лежала Рязань-баба, умирая, хрипя хрипомъ гарклуба и автомобилей въ ночи. Какой-нибудь Спасъ — на-кладбищѣ — такъ и стоялъ на кладбищѣ, засрамленный купцомъ и домами, какъ баба. И той ночью въ домѣ, какъ баба, въ антресоляхъ безъ нужника, прежде чѣмъ составить стулья и положить на нихъ перину, сидѣлъ человѣкъ, еврей, сіонистъ, сидѣлъ у стола и зубрилъ арабскій лексиконъ, чтобы зубоврачевать въ Палестинѣ и говорить тамъ съ арабами по-арабски: Палестина и арабы съ большими зубами, которые уничтожали древне-еврейскій — и въ сосѣдней комнатѣ спалъ человѣкъ, еврей, коммунистъ, который заперъ телефонъ, ибо «здѣсь нѣтъ никакого зубного врача, здѣсь военный комиссаръ».

И той же ночью на Астраханской, что-ли, улицѣ въ совѣтскомъ общежитіи не спалъ человѣкъ, русскій, князь. Разбитые башмаки въ чемоданчикѣ и чемоданчикъ лежитъ подъ головой, — съ поднятымъ воротникомъ, въ надвинутой плотно кепкѣ, князь лежалъ съ глазами, широко открытыми, устремленными черезъ потолокъ куда-то.

Декретъ-ли приволочился съ газетами на поѣздѣ, радіо ли три дня переправлялось въ Рязани съ площади за вокзаломъ на Астраханскую или на Астраханскомъ трактѣ провыли провода приказомъ: было по веснѣ въ лѣто тысяча девятьсоть двадцать первое. Знаемо, что земли,

если земли меньше двухсотъ десятинъ и если помѣщики сами хотятъ обрабатывать, — земли вновь отдаются помѣщикамъ, старымъ владѣльцамъ.

Князь много ходилъ сбитыми ногами по Исполкому и Земотдѣлу въ Рязани: подъ головой въ чемоданчикѣ, съ разбитыми башмаками, лежала *бумага.* Князь Ростиславскій много ходилъ въ эти годы. — А тогда, послѣдній разъ, онъ вышелъ изъ усадьбы къ сумеркамъ, шелъ въ этихъ же пальто и кэпи, съ также приподнятымъ воротникомъ, съ лицомъ, какъ ноябрь и какъ волчье въ ноябрѣ, — а былъ августъ, князь не пошелъ деревней, гдѣ избы хихикали, какъ старички,—въ Филимоновомъ оврагѣ повстрѣчались мальчишки съ корзинками грибовъ, пахло въ оврагѣ осенней грибной плѣсенью, и мальчишки улюлюкали такъ-же, какъ когда травятъ волковъ: а-ля-ля-ля-ляа!

Много прошли въ эти годы княжьи разбитыя ноги!.. — а въ чемоданчикѣ — бумага. А Рязань спитъ, какъ спали эти вотъ сорокъ человѣкъ въ общежитіи, въ комнатѣ, безъ оконъ и лишь съ рѣшетками, удушенной этими сорока спящими, ибо во снѣ не грѣшатъ... О чемъ думалъ ночью князь — предъ — завтра? Вѣдь завтра кости на старое мѣсто? — Что думалъ!

И надо спѣшить, потому что вотъ князь всталъ еще ночью, — въ городахъ исковеркали ночи двумя съ половиной часами впередъ, — долго надѣвалъ башмаки и закручивалъ обмотки, безъ кряхтѣнья сгибаясь. — Третьимъ интернаціоналомъ гремитъ трактъ Астраханскій, а луга Бѣлоомутскіе, поэзія Огарева, легли просторомъ поочіи, въ дуроломѣ осота. Итти — и не думать, какъ раньше о верстахъ — не гарцевать же пѣшеходу, какъ велосипедисту! Сколько исхожено. И въ Филимоновскомъ оврагѣ — къ вечеру — не было уже никакихъ

мальчишекъ и не пахло грибами, валялись почему-то конскіе черепа.

Липатъ Мериновъ вышелъ въ валенкахъ, съ шарфомъ на шеѣ — въ сухоткѣ спинного мозга. Поздоровался дружелюбно, за руку, — сѣли въ Мериновскомъ флигелѣ, въ большой комнатѣ, гдѣ стояли кровати, каждая, какъ Рязань, въ жирныхъ клопиныхъ подтекахъ. Бабы вышли изъ комнаты, съ семячками на крыльцо. Липатъ заговорилъ слабымъ голосомъ, умиленно больнымъ :

— Какъ же, какъ же, Юрій Георгіевичъ, слыхали. И бумагу зато получили дивствительно выселить генерала Ерликсова и туда переѣхать. Спать-то, спать-то, гдѣ васъ уложить? Въ главномъ домѣ прикажете? или обратно здѣся? — бабовъ дивствительно прогонимъ въ сарай... Чайкю приготовимъ.

Князь ушелъ въ главный домъ. Чтобы мыши не ѣли, въ ящикахъ подъ листовой махоркой, въ кабинетѣ лежали книги. Князь наклонился было живо надъ книгами, но раздумалъ и медленно всталъ. Зарайскія земли — у Христа за раемъ: князь подумалъ, — къ чему вернулся, зачѣмъ. — Такъ же, какъ тамъ, въ общежитіи, онъ снялъ башмаки, положилъ въ чемоданчикъ, изъ чемоданчика вынулъ далматскій порошокъ, посыпалъ имъ диванъ и легъ въ пальто и въ кэпи, чтобъ уснуть сейчасъ-же: князь привыкъ спать вездѣ одинаково — не надо думать, зачѣмъ пришелъ? — Заходилъ безшумно Сидоръ Мериновъ и смотрѣлъ — сохранилась-ли на столѣ надпись столъ, — чтобы сдать все по описи князю.

А яблони — а яблони цвѣтутъ бѣлыми снѣгами каждую весну. Каждую весну цвѣтутъ яблони и будутъ цвѣсти, пока есть земля и пока

земля не засыпала окончательно, навсегда бѣлыми снѣгами. На груди, на ситцевомъ, старенькомъ платьицѣ, тогда у Нины яблоновый цвѣтъ былъ приколотъ, розово-бѣлые лепестки, милая молодость, — это вѣдь Нина просила шепотомъ проиграть папѣ партію въ шахматы, и это при Нинѣ Сидоръ Мериновъ писалъ, мусоля карандашъ, чернильнымъ карандашомъ, на каждомъ столѣ — столъ, и на каждомъ стулѣ — стулъ, — чтобы принять по описи именіе у Ерликсовой Нины, — и чтобы глаза Нины изъ подъ пенснэ смотрѣли: ви-но-ва-то, — за папу и брата, которые не были достаточно горды.

ГОРОДЪ РОСЧИСЛАВЛЬ

Лѣтъ десять тому назадъ декабрями въ переулкахъ кричали торговцы:

— Ря-азззаань! Ря-зззаань — яблокооо! —

Слова мнѣ, какъ монета нумизмату. Рязань—яблоко, въ декабряхъ, когда дни коротки и каждый день — какъ бѣлый дымъ въ переулочкѣ, съ каминомъ и длиннымъ вечеромъ у книгъ, — приносили антоновскія яблоки, замороженныя до костей и морозящія до лопатокъ, въ яблокахъ тонкими иглами сверкали льдинки, яблоки казались гнилыми — пахнули такимъ старымъ и крѣпкимъ виномъ. Тамъ въ декабряхъ, далеко отъ лѣта: и яблоки въ декабряхъ казались гнилыми — ихъ страшно было коснуться — и яблоки пахли древнимъ виномъ. Это мимо Рязани идетъ трактъ Астраханскій, — это въ Рязани стоитъ Казанская Божья Матерь и Спасъ на Кладбищѣ. Тотъ человѣкъ, еврей, коммунистъ въ ту ночь въ коммунѣ Трудъ — всю ту ночь пробродилъ по оврагамъ, потому что мечталъ о еврейской дѣвушкѣ; но черезъ недѣлю онъ снова былъ въ коммунѣ Трудъ, и съ тѣхъ поръ каждую субботу приходили къ нему по очереди жены Мериновыхъ — въ Рязань, на такую-то улицу, въ антресоли дома, какъ баба... — Ночь. Палестина и арабы, у которыхъ надо лечить зубы и съ которыми надо говорить по-арабски, — древняя Палестина, — какъ древ-

нее вино Рязани-яблока, — передъ периной на стульяхъ: «здѣсь нѣтъ никакого зубного врача. Здѣсь военный комиссаръ» ... — И вотъ второй человѣкъ, еврей, коммунистъ, — не постучавшись, входитъ къ первому и садится на стулъ, — всѣ грани прейдены.

— Уйдите, прошу васъ.

— А вотъ не уйду. Зубришь, старикашка? Въ Палестину песокъ повезешь?

— Уйдите, прошу васъ, — въ голосѣ перваго мольба о пощадѣ и испугъ. — Зачѣмъ вы издѣваетесь надъ человѣкомъ?

— А вотъ хочу, — и въ голосѣ второго презрѣніе и та кровожадность, какая бываетъ у охотниковъ на травлѣ. — Убѣжала жена отъ стараго дурака, на молоденькую позарился, — съ горя собрался въ Палестину? .. Муку въ сундучкѣ бережешь, рядомъ съ арабами. А сегодня по телефону ...

— Слушайте, зачѣмъ вы меня мучите? за что? у васъ сила, я ничего съ вами не могу сдѣлать, вы меня можете ударить по щекѣ, отнять мой хлѣбъ: я буду молчать. Вѣдь я молчу, что вы воруете пайки. Вѣдь я молчу, что вы насильно одолжили у меня пудъ муки. Вы отобрали у меня телефонъ, вы запираете отъ меня на ключъ уборную ... Вы вселились въ мою квартиру безъ вещей, и вы все отобрали у меня, піанино ...

— Ну, такъ что же? Жена же все равно убѣжала, некому играть на инструментѣ.

— Ночь.

Впрочемъ, не только въ Рязани есть Казанская Божья Матерь и Спасъ на Кладбищѣ: въ Москвѣ на Лу-

бянкѣ — Гребенская Божья Матерь — и на Арбатѣ — Успенье на Могильцахъ, церкви поставлены Богу, звонницы смотрятъ въ небо, къ небу звонятъ, — и такъ же пришелъ иной вѣкъ, и купцы поставили пудовыя свѣчи и говорили: «извините, Богъ, конечно, единъ и первый, но экономическая необходимость вынуждаетъ-съ, касательно того, чтобы застроиться, конечно, небоскребами» и ставили небоскребы, заслонявшіе небо отъ церкви, зажавшіе церкви, въ переулочки, прекраснѣйшія церкви, памятники мистики, старины и культуры. Рязань-яблоко.

— Тра-трак-трак-тра! — автомобилья поступь.

Старъ трактъ Астраханскій.

Третьимъ интернаціоналомъ провода трубятъ въ Рязань.

Рязанскія земли — зарайскія, — у Христа за раемъ Третьимъ интернаціоналомъ, въ исполкомахъ, не застращаешь ребятъ. Зной, какъ ж, и пыль, какъ ш.

Голодъ. — Не нашимъ большакамъ разсказывать о голодѣ, нуждѣ и зноѣ. Тамъ, въ хлѣбородной, въ какомъ-нибудь Курдюмѣ, Нурлатѣ, или въ Курячьихъ какихъ-нибудь Титькахъ, — все погорѣло въ тотъ годъ, до тла. Мужику нашему, — какъ дикарь, — сла-вя-ни-ну! —рѣшиться, рѣшить: не впервой, чай, ходить по землямъ, кочевать, бѣгать. Рѣшать день, рѣшать два, — всю жизнь гнувшему спину — безъ дѣла на коникѣ часами сидѣть передъ коровьимъ пометомъ, — и рѣшать и рѣшить:

Надать... ѣхать... жена, — женѣ впервые сказалъ жена, а не сука, не сволочь, безъ зуботычины.

Сваливать въ бѣду все имущество — два одѣяла, перину, икону, — въ день перерѣзать, продать, промѣнять — корову, теленка, овцу: — день работать, шею ломать,

какъ всегда, какъ всю жизнь. А къ вечеру (обязательно въ ночь надо выѣхать!) — зайти послѣдній разъ въ избу, взглянуть, какъ десятки лѣтъ, въ красный уголъ — въ пустой уголъ, не перекреститься даже, ибо уголъ пустъ, хлопнуть въ раздумьи себя кнутовищемъ по колѣну.

— Ну, что же, трогай, жена!... — и самому итти рядомъ, тысячу верстъ до могилы...

Тысячи верстъ. Не впервые тысячамъ намъ растворяться въ тысячахъ путинъ и верстъ.

Ша-ша! — Ночь! — Рязань-яблоко — вино дорогъ, гдѣ зной, какъ ж, и пыль, какъ ш.

— Все это пишу я, писатель. Меня зовутъ Борисъ. Какъ-то въ Москвѣ, на Поварской во дворцѣ Искусствъ, я игралъ въ шахматы съ итальянскимъ художникомъ, — и онъ спросилъ меня: — мое имя Борисъ не въ честь-ли русскихъ разбойниковъ?

— Какихъ разбойниковъ? — спросилъ я.

— У васъ, у русскихъ, былъ періодъ исторіи, когда княжили, — кажется? — разбойники Ярославы, Олеги, Ярополки, Борисы, Игори. Первому Риму — Третій Римъ: исторія каторжниковъ. Какъ же понять имъ — Рязань-яблоко?

Надъ Окою небо. Подъ холмомъ посѣвы. Холмы же въ рытвинахъ, камняхъ и курганахъ, не то каменоломня, не то, по-истинѣ — городъ Росчиславль. Кто знаетъ?— Какъ въ тысячелѣтьи нашего трехполья — каждый годъ овсы замѣняютъ гречи, потомъ идетъ паръ и на пару сѣютъ озимые, а за озимыми вновь овсы, — такъ каждое столѣтье, пересѣваются лѣса: столѣтье шумитъ моремъ

и плавитъ смолою воздухъ сосновый лѣсъ, подъ нимъ растетъ чахлая елка — и еловыя пилы столѣтьемъ чертятъ небо, — и тогда возрастаетъ береза, бѣлая, наша, какъ дѣвица въ семикъ плететъ вѣнки, — и за бѣлой березой идетъ паръ землѣ, на столѣтье. Надъ Окою небо и пары, холмы лысы, лишь подъ обрывами сосны. Надъ землею іюль, пьяная маята мая прошла. И страшенъ и страненъ въ тотъ годъ былъ іюль, ибо, какъ къ сентябрю, опустѣли поля, ограбленныя человѣкомъ, и кучами по осеннему собирались на пажитяхъ грачи — въ дняхъ, какъ сентябрьскій хрусталь, — но вѣдь спутали люди недѣли новыми и старыми числами, — іюль, какъ іюнь, — тушилъ дни, сжигая ночи долгими іюньскими зорями, когда надо обнять міръ — и весь міръ впереди.

Вотъ тамъ былъ городъ Росчиславль: такъ зову его я. Въ книгахъ объ этомъ не читалъ. Соврали мнѣ о городѣ Росчиславлѣ — или не соврали? — что вотъ тамъ былъ городъ еще тогда, когда не было ни Тарусы, ни Каширы, ни Коломны, — тамъ стоялъ городъ, сторожилъ Поочье, — и сидѣли въ немъ Ростиславичи. Больше я ничего не знаю объ этомъ, городъ былъ огороженъ оградами стѣнъ и надолбами, — можно строить новый Китежъ, ибо исторія — не наука мнѣ, но поэма.

Я же сижу въ Коломнѣ, въ Гончарахъ, у Николы-на-Посадьяхъ, въ избѣ о пяти окнахъ, въ комнатѣ съ книгами, за столомъ противъ окна, откуда видно Николу, въ которомъ молился Дмитрій Донской, — двѣ сквозныхъ нищихъ ограды и домъ, какъ комодъ — домовина. Солнце и луна, которые ходятъ по небу, какъ само небо, какъ мгла за Москвой-рѣкой, что видны слѣва, — въ дыму, ибо кругомъ горятъ лѣса — въ зноѣ, удушьѣ. Тамъ за Москвой-рѣкой, въ Бобреневѣ, мужики ѣдятъ конят-

никъ, такую траву, потому-что у нихъ нѣтъ хлѣба, но есть луга. На столѣ у меня почему-то рулетка, которой мѣрятъ, собачій черепъ и словари — русско-французскій, русско-нѣмецкій и Даль, котораго я купилъ на базарѣ у бабы за десять рублей, ибо бумага въ немъ не годится для цигарокъ. — Это мой Росчиславль: отсюда я ѣзжу грабить: — себя-ли? Россію-ли? — и себя, и Россію.

Лѣто тысяча девятьсотъ двадцать первое, пятый годъ революціи, пожары, зной. По суходоламъ, въ курганахъ, выкапываютъ иной разъ каменныхъ бабъ, во мхахъ, — намъ, художникамъ, эти бабы — прекрасная красота, — но, если поползти мельчайшему насѣкомому по груди каменной бабы, отъ груди къ шеѣ, — грудь бабы — путь насѣкомаго — не будетъ-ли вся въ рытвинахъ и ухабахъ, въ зноѣ камня, въ удушьи мховъ, въ томленіи, въ потѣ, въ пустынѣ? Надо стать въ ростъ каменной бабы, чтобы увидать, что она прекрасная красота, — и тогда преклониться предъ ней, какъ кланялись Мурома, Мещера, Веся. Но вѣдь и баба эта каменная, изъ раскопокъ, — красота прекрасная, — и не замѣтитъ того, ползущаго,— хотя, впрочемъ, насѣкомое будетъ знать путь мховъ и рытвинъ. — Кто станетъ въ ростъ — тысяча девятьсотъ двадцать перваго года? Девятьсотъ девятнадцатый — обнаженный и голый — канулъ въ исторію.

Я, художникъ, мнѣ все все равно. Я перебираю слова — Росчиславль, Таруса, Кашира, Коломна, Гончары, Никола-наПосадьяхъ: старыя слова — мнѣ: какъ монета нумизмату. Нумизматика словъ — исторія. Если же повторять одно слово — Коломна, положимъ, — то это будетъ уже не годъ, съ исторіей въ тысячелѣтье, съ кремлемъ, монастырями и нищими, на трактѣ Астраханскомъ, — смыслъ слова утеряется, вывѣтрится его содер-

жаніе, — и останется только смыслъ звуковъ слова: Коломна — что-то такое круглое, бѣлое, облое, совнаркомъ — что-то такое крѣпкое, ночное, совиное, — а — гувузъ: крикъ лѣшаго.

Московскій Кремль сѣдъ, во мхахъ. На Спасскихъ воротахъ часы бьютъ:

— Кто-тамъ-заспалъ-на-Спасъ-башнѣ-е?

Чтобы пройти въ Кремль въ лѣто тысяча девятьсотъ двадцать первое, — въ лѣто, какъ каменная баба изъ кургановъ, — надъ Москвой бѣлесыя ночи въ іюлѣ и декреты спутали время на два часа, — чтобы пропустили въ Кремль бѣлесой ночью, изъ Кутафьи башни звонятъ въ комендантуру. Кремль стоитъ сѣдой, въ ночной, какъ мхи, бѣлесой мути стоятъ солдаты — въ шлемахъ, и въ рубахахъ, похожихъ ночью на кольчуги.

Изъ комендантуры точто спрашиваютъ объ имени и мандатахъ — и тогда пропускаетъ стража въ шлемахъ — по Троицкому мосту, въ Троицкія ворота — въ Кремль. Пушки во мхахъ мути стоятъ, какъ столѣтье, Дворцовая улица пустынна.

Изъ древняго дворца, съ терассы, откуда Иванъ Грозный бросалъ котятъ за Кремлевскую стѣну, — вся Москва у ногъ. Сердце у Ивана Грознаго было, должно быть, какъ поджаренная жаба. Внизу, по стѣнѣ, по зубцамъ, ходитъ часовой. Замоскворѣчье легло блюдцемъ, — тѣмъ, съ котораго купцы пьютъ чай. Арбата нѣтъ, Румянцевскій музей замѣнилъ горизонтъ, чертитъ небо осьнадцатымъ вѣкомъ. Лобъ Лубянскаго холма, сталъ товарищемъ. И огни, огни, огни. И бѣлесое небо

во мхахъ. И вся Москва въ дыму, ибо кругомъ горятъ лѣса. Это стою тамъ, гдѣ стоялъ Грозный, я, писатель, — и рядомъ со мною стоитъ человѣкъ, писатель и большевикъ, имя котораго въ революціонномъ синодикѣ поставлено въ первой пятеркѣ. Автомобиль, уставшій стоять, весь день кроилъ Москву, но — человѣкъ усталъ, и вотъ онъ стоитъ въ нижней рубашкѣ съ растегнутымъ воротомъ, сутулясь. Тамъ — Москва, Рязань, Помосковье, Поочье, Поволжье, — Россія... Здѣсь Совнаркомъ, власть октябрьскихъ воль, — и — тоже Россія... Кремль сѣдъ.

Въ комнатѣ, гдѣ, должно-быть, молился Иванъ Грозный, — столъ, диванъ, стулъ, шкафъ съ книгами — и больше ничего, а за окнами конюшьи башни, вотъ въ этой комнатѣ — мнѣ спать. Мы говоримъ. На Спасскихъ воротахъ бьютъ часы.

— Кто-тамъ-зас-палъ-на-Спасъ-башнѣ-е?

Человѣку — встать въ ростъ каменной бабы, чтобы не увидать въ пути отъ груди къ шеѣ рытвинъ и поръ, — чтобы увидать, какъ художнику, — прекрасную красоту. Надо-ли цѣловать ея колѣна? Надъ Москвой, надъ Россіей, надъ міромъ — революція, прекрасная воля. — Какой чертъ, вопреки черта и Бога, махнулъ земнымъ шагомъ въ межпланетную этну? — Что такое — мистика? если зондомъ хирурга покопошить въ язвѣ Успенья-на-Могильцахъ, что застроили купцы язвами небоскребовъ, — что такое мистика? Мхи на каменной груди бабы!.. Встать въ ростъ каменной бабы — съ зондомъ хирурга, — а вѣдь этимъ бабамъ молилась меря.

Но человѣкъ усталъ, и такъ много въ немъ человѣческой нѣжности.

— Надо спать.

— Спите, голубчикъ.

Кремль сѣдъ. Соборы въ Кремлѣ стоятъ музеями. Автомобиль раскроилъ Кремль къ Спасскимъ воротамъ. И подъ звонъ часовъ — я думаю, думаю.

— Кто-тамъ-заспалъ-на-Спасъ-башнѣ-е? . .

— Я! Я! Я! Я! Я! — отвѣчаютъ часы пять, и разсвѣтъ, красное полымя, заря съ зарей близки.

А другимъ утромъ, онъ, въ первой пятеркѣ синодика революціи, раннимъ утромъ, разбудилъ меня шелестомъ бумагъ, — Наркомъ, — машина двинута, — машина въ каменную бабу октябрьскихъ воль. Съ террасы же — дневная, рабочая небоскребная Москва, безъ хлѣба и съ конятникомъ.

Въ комендантурѣ солдаты въ шлемахъ и рубашкахъ, какъ кольчуги. Дворцовая улица, Троицкія ворота, Троицкій мостъ, Кутафья башня и — Москва:

— Иии! Ааа! Эээ! . . Ира, селедки, холера . . . — заботная, дѣловая, небоскребная: Москва.

Если повторять много разъ — небоскребъ, — похабное слово.

Два человѣка, должно быть.

Дымъ, лѣсные пожары, людскіе пожары въ въ Россіи, болотныя лихорадки, метели, — анафолесъ лихорадокъ, пожаровъ, метелей, — одолѣлъ человѣка: вся Россія въ сыпномъ тифѣ, и человѣчки въ немъ — язвинки, а Украина спорила съ Поволжьемъ, Донцемъ и Литвою — какъ рука у горячечнаго — съ сердцемъ и колѣно съ плечомъ. — Это девятьсотъ девятнад-

цатый годъ. Егорки, Нилычи, Мериновы, Ерлек совы, Ростиславскіе: —

— слова — мнѣ, какъ монета нумизмату.

Но вѣдь я же ходилъ въ городъ Ростиславль: тамъ его зовутъ Росчиславъ. Небо надъ холмами, подъ холмами — поемы, луга, Ока, лѣса за Окою, — древнее, какъ тысячелѣтье, кругомъ. Іюль, — страшенъ былъ іюль въ тотъ годъ, знойный, какъ іюль и пустой, какъ сентябрь, въ грачиныхъ таяхъ на пажити, — какъ разъ на томъ мѣстѣ, гдѣ былъ городъ. Нѣту города Ростиславля, а есть погостъ Расчиславъ: въ шестьдесятъ восьмомъ году поставили новую церковь, тогда подрядчикъ перехитрилъ церковнаго старосту, — или оба сжульничали мужичьими пятаками? Съѣли церковь, по современному выстроили изъ известняка плохую кордегардію. И все же на церкви надпись: — о томъ, что церковь та поставлена на мѣстѣ, гдѣ былъ нѣкогда городъ Ростиславль. — Городъ же Ростиславль построенъ былъ княземъ Рязанскимъ Ярославомъ въ 1153 г. одновременно съ городомъ Зарайскомъ, для сына Ростислава.

Это же о томъ, что городъ Ростиславль въ 1153 г. построенъ былъ, — разсказываетъ и попикъ. Попикъ же разсказываетъ, какъ погибъ городъ: — въ смутное время Иванъ Заруцкій съ Мариной Мнишекъ и съ сыномъ Ивашкой — воренкомъ — подступили къ городу, переправились черезъ Оку — вонъ тамъ, пониже (такъ и зовется съ тѣхъ поръ это мѣсто — Пристанъ), — спалили, разгромили, расчистили городъ до тла (такъ зовется съ

тѣхъ поръ городъ — не городъ Ростиславль, а Расчиславъ). Иванъ Заруцкій отъ Росчислава хотѣлъ итти на Зарайскъ, но про это пронюхали мужики (такъ и зовется село Пронюхово), — князь Зарайскій вышелъ навстрѣчу, далъ сраженье — дрались въ тѣ времена сѣкирами — такъ и осталась деревня Сѣкирина. — Вотъ и все о городѣ. Въ Рязанскихъ епархіальныхъ вѣдомостяхъ писалось еще, что въ городѣ Ростиславлѣ собирались князья тульскіе, рязанскіе, суздальскіе, — чтобы ходить бить мордву и мещеру. Вотъ и все о городѣ Ростиславлѣ, — да и это, должно быть, не вѣрно.

И еще. Въ восьмидесятыхъ годахъ какая-то княгиня — на памяти у стариковъ, но не помнятъ уже имени, черная была, въ черномъ, и съ глазами какъ угли — выгнала съ погоста священника, задумала устроить монастырь, набрала скитницъ, выискала заштатнаго попа, посылала сыновьямъ — конногвардейцамъ по пяти тысячъ, епископъ Рязанскій, Мелетій, собутыльничать съ ней, бумаги у нея были царскія. Выселять ее пріѣзжалъ — вице-губернаторъ.

Вотъ и все.

Вотъ и все.

Городъ Рас-чи-славъ. Городъ — корень слова: городить. И въ тотъ годъ говорили по землямъ Рязанскимъ, Зарайскимъ — за раемъ у Христа, — что революція кончена.

Въ тысяча пятьсотъ девяносто третьемъ году, пятнадцатаго мая, когда убивали въ Угличѣ царевича Димитрія, ударили въ Угличѣ въ колоколъ. Борисъ Годуновъ сослалъ въ Пелымъ, колоколъ казнилъ, отрубили ему ухо и, корноухаго, сослалъ въ Сибирь. На колоколѣ надпись: «присланъ изъ города Углича въ Сібіръ въ

ссылку въ градъ Тобольскъ къ церкви всемилостиваго Спасса, что на Торгу, а потомъ на Софійской колокольнѣ былъ часобитный».

Въ революцію колоколъ возвращенъ въ Угличъ, на прежнюю колокольню.

Былъ или не былъ городъ Росчиславль? — объ этомъ я не читалъ въ книгахъ. Коломна, Кашира, Таруса — если повторять слово много разъ, вывѣтрится содержаніе и придастъ новый смыслъ — звуки слова.

Го-родъ-Рос-чи-славль. Слова мнѣ, какъ монета нумизмату. Нумизматика словъ — исторія. Гу—вузъ: крикъ лѣшаго.

Рязань-баба.

Рязань-яблоко.

Мое имя Борисъ, мнѣ сказали, что имя это — разбойничье. Тотъ же шоффферъ, Пугинъ, что-ли, что укралъ самъ у себя половину овцы, назвалъ своего сына — Моторомъ.

О ХЛѢБѢ

Коммуна Трудъ.

— А ты куда идешь?

— Въ Сапроново.

— Ну, тогда иди.

— А что?

— Не пущаемъ мы зато селомъ коммунскихъ.

— А что?

— Не пущаютъ они наше стадо своимъ выгономъ.

— Не пущаютъ они наше стадо своимъ выгономъ, обратно продовольствіе прижимаютъ. Ну, мы зато и не пущаемъ.

Частушками-ли иллюстрировать бытъ — или бытомъ частушки? — «Я на бочкѣ сижу, а подъ бочкой каша. Вы не думайте, . . . , что Россія ваша». Разговоръ этотъ — про сапроновскихъ коммунскихъ у околицы былъ. — У каждаго еврея извѣчное въ глазахъ, то, что оставила красная нить іудейства, сшившая человѣчество. — Еще Іисусъ Христосъ сказалъ: — «не единымъ хлѣбомъ сытъ будеши» — но и приваркомъ. Человѣкъ, еврей, сіонистъ — въ соломенной шляпѣ, въ ситцевомъ костюмчикѣ съ манишкой изъ целлюлеида съ тросточкой и корзинкой, — и съ глазами, какъ третій вѣкъ до Рож-

дества Христова, — пришелъ къ Алешкѣ Куроводову, въ Сапроновскія Горки за продовольствіемъ.

— А-а! Самому главному, Максиму Горькому!

Тѣ дни были днями юдолей іюля, когда сѣла Рязань на картошку, и былъ праздникъ. На заваленкѣ бесѣдовали мужики:

— По разверсткѣ хучь съ насъ брали — девяносто, то-ись, пудовъ, а теперь, дивствительно, сто двадцать, по налогу, то-ись. Опять же шерсть, масло, яйца, къ примѣру. По насъ хучь-бы разверстка зато, одинъ амманъ. Опять-жа ранѣ брали, фахтъ, съ пяти домовъ богатѣющихъ. Теперь-жа — у меня восемь ѣдоковъ, а онъ самъ-другъ — ядакъ, а все одно фахтъ, плати съ надѣлу.

— А разверстку, по ядакамъ то-ись, не хотятъ мужички. Какъ жили, такъ и проживемъ, говорятъ.

Алешка сказалъ матери:

— А ты, что стоишь, глаза вылупила? Самоваръ поставила и проваливай къ сосѣдкѣ.

Въ избѣ всѣ стѣны въ плакатахъ были — въ дезертирахъ и буржуяхъ. На полу — коврики, подъ образами — лампада. Алешка — въ лаковыхъ сапогахъ, при часахъ, пахнулъ, какъ Нилъ Ниловичъ Тышко, блестѣлъ, какъ зеркало. Уходилъ изъ избы, вернулся — съ вечинкой, съ чернилами и бумагой, — изъ кармана вынулъ бутылицу. — Далъ бумажку прочесть:

«Дорогой Ликсей Семенычъ я про Васъ скучилась, выходите ком мне на свиданиѣ».

— Выпей для храбрости. Хорошій самогонъ. А потомъ пиши мнѣ письмо покрасивши. Вотъ. — Пиши. Пиши, что я объ ей сохну, но выйтить никакъ не могу. А

еще пиши Дунькѣ Климовой, чтобы выходила гулять. А картошку устроимъ, у насъ сегодня въ Комсомолѣ спектакль, приставленіе, опосля и устроимъ—у коммунскихъ, у Мериновыхъ. Другіе не дадутъ, сами конятникъ подмѣшиваютъ.

Ввалилась компанія парней, съ гармоникой.

«Нѣту казенки, нѣту вина, —
«Пей политуру, ребята, до дна!..»

— Жрать нечего, — жить весело!

По небу стрижи чертились — по-осеннему, къ вечеру, — зной же спадалъ по-іюльски, по всей деревни пѣтухи кричали, — и опять по-осеннему рѣдко, единично, сейчасъ же за задами, въ садахъ воркотали горлинки. Черезъ улицу, въ амбарѣ, жевала рожь ручная мельница, храпѣла на всю деревню. — А сумерки нашли на Сапроновы Горы зеленой мутью іюля и холодомъ сентября. Луна поднялась медленно: горажане, исковеркавшіе числа и часы, забыли ночи и іюли.

Вечеромъ въ школѣ (— э,эхъ, школа земская стояла, э-эхъ, стояла да упала! Собрался тутъ сельскій сходъ, обсуждали цѣлый годъ!) — вечеромъ въ школѣ подъ вывѣской: —

«Сапроновский культурно-просветительный кружокъ Р. К. С. М.». —

— былъ спектакль. Человѣка, еврея, сіониста, съ глазами какъ вѣкъ — по недоразумѣнію, разумѣется, — Алешка потащилъ съ собой, и былъ еврей — единственный старикъ, сошедшій за молодого, ибо былъ бритъ. Въ парняхъ, дѣвкахъ, подросткахъ, набитыхъ, какъ въ теплушкѣ на желѣзной дорогѣ, — въ стѣнѣ тѣлъ, въ буферахъ женскихъ грудей, въ пискѣ, визгѣ, гармоникѣ, въ сизомъ дымѣ махорки, въ запахахъ пота, помады, пуд-

ры, даже іодоформа, — было святочно, какъ на святкахъ, — и на партахъ сцены, рядомъ съ Марьей Юрьевной Скурлатовой, предсѣдатель РКСМ стоялъ — въ бѣлыхъ лосинахъ взабувку.

— А сосалу-мокалу, совѣтскому голубчику, Лексѣю Семенычу!

— Сами сосалъ-мокалки. Вотъ я васъ — того-съ! — и присвистнулъ.

— Гдѣ-ужъ намъ-ужъ — мы-ужъ-такъ-ужъ!

— Больно ты ядовитый . . .

Предсѣдатель въ лосинахъ, что есть мочи крикнулъ:

— Товарищи! Сіанцъ сейчасъ начинается. Прошу потише и потушить лампы въ залѣ.

Его перебила хромая Марья Юрьевна Скурлатова.

— Товарищи. Въ пьесѣ выступаетъ офицеръ съ золотыми погонами. Золотопогонники теперь упразднены, — это только по пьесѣ . . .

Въ притихшемъ мракѣ шептали:

— Ликсѣй Семенычъ, прошу васъ, — не щепитесь за то. Ликсѣй Семенычъ-жа . . .

На партахъ играли безъ суфлера — замѣняли пьесой отмѣненные курьерскіе, — не костюмы — а опять святочный маскарадъ. А среди пьесы шумъ, трескъ ! . . съ парты упала лампа. Закричали, загамили, завыли, — въ разбитое окно потянуло ночью, землей. Лампу потушили. Предсѣдатель РКСМ, въ лосинахъ, спросилъ:

— Товарищи! . . Упала лампа, спрашиваю васъ, начать приставленіе обратно сначала или съ того мѣста, гдѣ пожаръ ? . .

— Вали сызнова ! . . Ооо! Ааа!

Человѣкъ, еврей, сіонистъ, съ глазами какъ вѣкъ, — ушелъ потихоньку со спектакля, уюркнувъ отъ Алешки.

— Тетка Ульяна, Алешкина мать, на печи лежала, — гость на лавкѣ легъ. Лампадка горѣла въ тишинѣ, по-осеннему трещалъ сверчекъ. На деревнѣ пѣтухи пѣли.

— Спишь?

— Нѣтъ.

— Что же теперь будетъ-то, объясни, Христа ради.

— А что?

— Я уже не говорю про житье, — голодъ зато и голодъ, недостача, Богъ послалъ... Съ народомъ-то, что исдѣлалось? Объясни, ты образованный. Ты смотри — Лексѣй меня, старуху, — матку — по зубамъ шваркаетъ чѣмъ-ни-попадя, ханжу бузуетъ, дѣвокъ портитъ... А дѣвки? ни единой разъединой нѣтъ не порченой — только и дѣвокъ, что по овинамъ съ парнями шмурыгать... Да что дѣвки... онѣ малоумныя, — бабы, мужики взбѣленилися, по третьему разу женятся, къ Ягоркѣ бѣгаютъ, — и все дуромъ, и все дуромъ зато. Амманъ, сикуляція, денной грабежъ... Царя отмѣнили — такъ, малоумный былъ. Ну, а Бога, за что отмѣнили? — Объясни, Христа ради, образованный...

Старуха ноги съ печи свѣсила, сидѣла лохматая, страшная. — Лежать на печи, слѣдить за тараканами и думать: — картошки-бы... А глаза: тѣ, что смотрятъ на таракановъ, были еще въ третьемъ вѣкѣ до Рождества Христова.

— Молчишь зато? — Я тебѣ скажу. Ан-чи-христъ пришелъ. Вотъ что. Анчихристъ конецъ свѣту.

А поздно ночью ввалился въ избу Алешка. Зашумѣлъ, свистнулъ.

— Вставай. Идемъ.

— Куда?

— Куда-куда. Въ комуню зато...

Вышли, пошли. Прошли оврагомъ — буеракомъ Бирючьимъ, — около поблескивалъ ручей, а тумана не было, роса сѣла осенняя, холодная, — посырѣлъ ситцевый костюмчикъ. — Небо въ клочьяхъ деревьевъ, свисало ризой. Ночь. Осень. — Контрабандисты, въ сущности: — если бы поймали, избили бы.

— Забирай по днищу. Хоша не караулють, а можа— стерегуть. Днысь одного избили, се-таки, городского. Курить тоже нельзя... А Дунька Климанова — гулять выходила. Огулялись... Сичасъ придемъ.

Гдѣ и какъ тутъ въ оврагахъ чертъ ногу сломалъ? — Баня на ерликовской усадьбѣ стала къ обрыву задомъ, — уперлись въ баню. Деревья спутали разстояніе, — небо вырвалось изъ-за деревьевъ огромной льдиной, въ звѣздахъ; въ небесахъ творились чудеса сентября, литургія льдовъ... А усадьба стояла въ мокромъ мракѣ, въ пустотѣ, — въ ночи... Алешка знакомой тропой подошелъ къ крайнему оконцу, постучалъ въ оконце, еще разъ, еще.

И очень просто вышелъ человѣкъ Логинъ Мериновъ, секретарь Коммуны Трудъ, не мужикъ, а коряга изъ пруда, съ валенками на двухъ коряжинахъ снизу.

— Ты, Лексѣй?

— Логинъ, ты? Выноси.

— А еще кто?

— Свое.

— Ну, сичасъ. Еще вечоръ все отвезъ. Три мѣшка картошки, пудъ пшена, масла чухонскаго полпуда. Гостьто московскай?

— Нѣтъ, изъ города. Получай монету. Все вѣрно, какъ говорили.

— Ну, знакомы будемъ. А желтыхъ тысячевъ нѣтъ?—

у насъ мужики очень желтые обожаютъ... Когда надо загляни, господинъ, — знакомы будемъ. Конешно запрещаютъ, ну, намъ н...

Погрузились и потащили — въ ночи, подъ синими льдами небесныхъ чудесъ. Въ оврагѣ, на своей сторонѣ, сѣли отдохнуть, закурили.

— Слышь, а слышь — сюды. Соломонъ Моисеичъ, что тебѣ скажу.

— Что?

— Я тебѣ по-товарищески, по своей цѣнѣ показалъ, гдѣ... что я тебѣ скажу... Купи мнѣ — лисипедъ..,

— Чего?

— Лисипедъ.

— Зачемъ тебѣ?

— Купи мнѣ, пожалуйста, лисипедъ. До страсти мнѣ хочется. Купи, пожалуйста, а то съ меня три шкуры въ городу сдерутъ. Можетъ, гдѣ по знакомству, — скажи, — за картошку можно, за масло. Ужъ очень до страсти мнѣ хочется лисипедъ.

...Избы на селѣ стояли по-ночному, по-осеннему, въѣлись въ землю, вкопались — съ картошкой, на картошкѣ. — Глаза у человѣка тысячелѣтьями. И это онъ смотрѣлъ ими въ небеса, въ небесные льды, гдѣ творилась уже страшная, холодая, нѣмая зима.

Филинъ прокричалъ гдѣ-то въ оврагѣ — лѣшимъ:

— Гу-ву-узъ!

1 августа 1921.

Коломна — Никола-на-Посадьяхъ.

Оовоселки — усадьба бѣвш. Вильяшевыхъ.

АЛЕКСѢЙ РЕМИЗОВЪ

ГОРИ-ЦВѢТЪ

Весенняя русалія

Заковали студеному вѣтру колючія губы —
не велѣли холодомъ дуть
и морозъ-трекунъ, засыпанный снѣгомъ —
сѣлъ отдыхать въ холодномъ царствѣ на полночи.
Пришло теплое время.
Земля пробудилась —
а еще спятъ подъ землею и трава и цвѣты.

Вылѣзъ изъ-подъ коневой головы самъ бѣсъ рогатый — —

Тихой поплавью дружно плывутъ по теплому небу перелетныя птицы.

По полетному облаку прилетѣлъ тихій ангелъ,
распустилъ бѣлыя крылья —
заря занялась.

2

Вышли травы, развѣтвились, разлистились, покрыли пригорки —
зазеленѣли луга,
Только цвѣты еще спятъ подъ землей.

— Просыпайтесь!
— проснитесь!
— идите на землю —
тамъ свѣтло,
тамъ играютъ птицы,
кукуетъ горькая кукушка.
— Пойте, птицы,
и вечеромъ и утромъ
всѣмъ намъ веселье!

И пробудились цвѣты-первоцвѣты —
по лугамъ развѣтвнулись.
Весь лугъ загорѣлся цвѣтами.

Закружила весна бѣсенятъ — загомозились зажиги
по пенькамъ,
по колодамъ.
На цвѣты зачесались цѣпкія лапки.

Ангелъ и ангелята осѣняютъ крыльями робкій шопотъ цвѣтовъ.
— Будутъ цвѣсти цвѣты —
будетъ ихъ алый цвѣтъ безмолвной весенней пѣсней.

3

Пробудилась гвоздика —
зарумянились бѣлыя щечки.
— Залучить черноглазку въ бѣсячій кругъ, э-ва! — шурхаютъ бѣсы.
Ангелъ дышитъ тепломъ.

— Гори,
разгорайся вольный огонекъ!

Протянула ромашка бѣлыя ручки — —
золотая, загорѣлась на солнцѣ —
звѣздная риза.

Не налюбуешься — не наглядишься.
А бѣсенята курлычатъ:
— То-то бъ погоняться съ полевой звѣздой!

4

Незабудка проснулась —
заискрились синіе глазки.
Вѣетъ ангелъ бѣлымъ крыломъ:
— Будетъ намъ сестрица!
А бѣсъ тутъ-какъ-тутъ:
— Своего не упустимъ.

Кивнула голубая фіалка —
— Здравствуйте, сестры!

5

Ангелъ и бѣсъ надъ цвѣтами,
Эй, зацвѣли всѣ лужайки и рощи!

Посылаетъ ангелъ ангелятъ за цвѣтомъ.

— динь-динь-динь!
— кто тамъ?
— ангелъ.
— зачѣмъ?
— за цвѣтомъ?
— за какимъ?
— за незабудкой.

Вышла незабудка.
Прижалъ ее ангелъ къ теплому бѣлому крылышку —
и полетѣлъ —

*

Посылаетъ бѣсъ бѣсенятъ за цвѣтомъ.

— стукъ-стукъ-стукъ!
— кто тамъ?
— бѣсъ.
— зачѣмъ?
— за цвѣтомъ.
— за какимъ?
— за ромашкой.

Вышла ромашка.
Подхватили ее бѣсенята на мохнатыя лапки —
и прощайте —

*

— динь-динь-динь!
— кто тамъ?
— ангелъ.
— зачѣмъ?
— за цвѣтомъ.
— за какимъ?
— за фіалкой.

Вышла фіалка.
Приголубилъ ангелъ черноглазку —
и полетѣлъ.

*

— стукъ-стукъ-стукъ!
— кго тамъ?
— бѣсъ.
— зачѣмъ?
— за цвѣтомъ.
— за какимъ?
— за гвоздикой.

Вышла гвоздика.
Бѣсенята ее въ охапку —
готово!

7

Колокольчикъ да колотушка разобрали цвѣты —
раздѣлили лужокъ.

Ангелъ со своими цвѣтами на пригоркѣ.
— хорошо на пригоркѣ подъ солнцемъ!
— тихо цвѣсти цвѣтамъ: бѣлыя крылья вѣютъ прохладой.
Одно — уговоръ:
— изволь не смѣяться!
— кто засмѣется, тотъ пойдетъ къ бѣсу.

— Въ чемъ ты грѣшна, фіалка? — исповѣдуетъ ангелъ.
Насупила бровки фіалка.
— Въ чемъ ты грѣшна, незабудка?
Незабудка потупила глазки.

Гладятъ тихонько цвѣточки бѣлыя крылья.

8

Нагулялся бѣсъ со своими цвѣтами —
разсѣлся рогатый у кустика.
То-то любо ему со цвѣтами!
Поджигалъ бѣсъ цвѣточки:
самъ рожицы корчитъ
— и цвѣточки за нимъ —
Все перенимаютъ, по-бѣсьи.
Звонко у бѣса.

*

— Въ чемъ же грѣшна ты, фіалка?
А той вѣдь все видно бѣсячье —
крѣпилась-крѣпилась и расхохоталась.
— Иди, иди къ бѣсу!
И пустилась фіалка отъ ангела къ бѣсу.

— А ты въ чемъ грѣшна, незабудка?
Незабудка губки кусаетъ — вотъ разсмѣется.
— Иди, иди къ бѣсу!
Незабудка не вытерпѣла и расхохоталась.
— Наша! наша!
Да ангелъ не хочетъ:
— какъ отпустить отъ себя полевую звѣзду!
Бѣсъ вступился:
— Незабудка его — такой уговоръ.
И побѣжала синеглазка съ пригорка къ бѣсу.

Всѣ цвѣты — смѣхуны —
всѣ цвѣты перебѣжали отъ ангела къ бѣсу.

Звонко у бѣса —
— и тѣшься и смѣйся!

9

Тутъ прибѣжали семь бѣсенятъ,
и еще семь бѣсенятъ
и еще семь —

И такую возню подняли, такого рогача-стрекача задавать пустились —
закрутили,
закружили

и кувыркались
и сигали
и скокали
и бодались.

Измятыя цвѣточки качаются.
— Попить! — просятъ.

Высоко на небѣ стояло солнце —
играло по лугу зайчикомъ.

10

Ангелъ поднялся съ пригорка —
поманилъ бѣлымъ крылышкомъ темную тучку.

— — — приплыла темная тучка — — —
улыбнулась —
дождикъ пошелъ — —

Бѣсенята въ кусты.
Бѣсенята дождика не любятъ,
потому что они и не пьютъ.

11

Ангелъ видитъ:
— довольно цвѣточкамъ водицы —
махнулъ бѣлымъ крыломъ:
— Будетъ, тучка, плыви себѣ!

— — поплыла тучка — — —

показалось солнышко

Ангелята развернули разноцвѣтную радугу.

12

— Радуга! радуга!
Ожили цвѣточки —
да бѣгомъ горѣлками въ чистое поле —
— Гори, гори ясно!
Бѣсенята за ними.

Радуга — застава.

Покрутились, повертѣлись —
и канули въ темный овражекъ.
А съ ними и бѣсъ — зажига рогатый.

*

цвѣты мои полевые
колокольчики
и ты, кудлатая нечисть,
водная, земляная, воздушная!

В. ЛИДИНЪ

АПРѢЛЬ

Черное утро — и развертывается изъ него сѣрый день, медленный день оттепели. Снѣгъ грязенъ, слабъ, иглы въ лужахъ, и понесетъ вдругъ снова малый косой снѣжокъ, заметая талой метелицей. Но просѣетъ снѣгъ, сыро ревутъ на вокзалахъ ранніе паровозы. И уже спѣшатъ люди. Вотъ возникаютъ они изъ метельнаго сырого тумана съ мѣшками, съ лямками саней. Черезъ весь городъ, съ вокзала и на вокзалъ, влачатъ свою ношу — и отходитъ поѣздъ въ снѣжную глухую Русь. Куда гонитъ судьба, безкормица, неуемный духъ человѣка? Женщины въ платкахъ, солдаты въ окаянной пятистрадной шинели — нахохлились на крышахъ вагоновъ; и торчатъ въ разбитыя окна мѣшки, плечи, углы сундуковъ. Идетъ поѣздъ подъ ревъ и стрѣльбу — въ черномъ дыму, а валитъ уже съ другого пути новая толпа съ прибывшаго, волоча въ мѣшкахъ добычу. Синѣетъ синь марта, расклеиваютъ на заборахъ и стѣнахъ сырые газетные листы — и налипаютъ мухи на липкій листъ, пряча руки въ карманы, носы въ поднятые воротники, переступая съ ноги на ногу: налетятъ на ходу, и увязли уже лапки и хоботокъ...

— Рабочее движеніе въ Испаніи разростается...

— Союзъ пищевиковъ объявляетъ...

— Въ Германіи скончался знаменитый бактеріологъ.

— Дѣйствія и постановленія...

— Роста... Роста... Роста...

— Вечеръ состязаній... поэты прочтутъ...

Аборты Маріи Магдалины...

— Роста... Роста... Роста...

— Диспутъ «Религія и гипнозъ»...

— По постановленію коллегіи... тридцать два... семь за бандитизмъ...

Роста... Роста... —

— И бѣгутъ дальше, согрѣвая носы въ воротникахъ, въ учрежденія, учрежденія — въ особнякахъ, въ шестиэтажныхъ домахъ, въ банкахъ, въ пассажахъ... комнаты № 1... 34... 66... 3-й этажъ... справочная... Выметаютъ изъ №№ 1... .34... 66... съ 3-го этажа, съ 6-го уборщицы конверты и соръ тысячи бумагъ — и уже расползаются служащіе по комнатамъ, этажамъ, за столы, бюро, конторки, дамскіе столики съ ободраннымъ сукномъ и ножками рококо, за машинки «Ундервудъ», «Смисъ Премьеръ», «Ремингтонъ», «Монархъ», «Роаяль»... работаетъ всемірная канцелярія, — вотъ сдунуло время, слетѣла пыль — не такъ же ли вмѣсто сухого коклюша машинокъ сипѣли бронхи гусиныхъ перьевъ и кашлялъ проситель въ руку, какъ кашляетъ теперь, и поднималъ чиновникъ пустые безцвѣтные глаза — и поднимаетъ теперь синіе, каріе, сѣрые барышня, отставивъ пальчикъ съ розовымъ ноготкомъ, вся въ мѣху, какъ нѣжная марабу отъ холода, и медленно всасывается навѣки проситель въ мягкій студень невидящихъ глазъ. Но — скрипятъ колеса, перескакиваетъ цѣпь съ зубца на зубецъ.....

— «Дорогая, безцѣнная мамочка. Я измучилась отъ всей этой жизни и стала совсѣмъ слабая. Какъ-то ты тамъ, дорогая моя? Навѣрно, и недоѣдаешь, и вообще трудно приходится тебѣ, родная... Я живу сейчасъ съ Нюсей въ одной комнатѣ, комната хорошая. Одно страшно изводитъ — громадная и никакъ не согрѣешь. Дровъ достать негдѣ, приходится очень экономить. Какъ бы хотѣла повидать тебя, мамуся! Руки распухаютъ отъ холода и болятъ, но ничего, съ тепломъ все пройдетъ. Ахъ, мамочка, какъ вспомню о теплѣ, о нашей милой Любимовкѣ, прямо хочется плакать. Неужели никогда не вернется это время...» —

— ...« общее собраніе сотрудниковъ постановило: распустить хозяйственную комиссію въ прежнемъ ея составѣ и собрать новую въ лицѣ...» —

—«Все равно, разойдемся. Нина. Это одно мученіе. Я ломалъ себя и такъ и этакъ — видно, переломить себя не могу, такой ужъ характеръ». —

—«Свѣдѣнія о численномъ составѣ... на 31-ое число людей, дошадей и повозокъ...» —

и выметаютъ, выметаютъ бумаги изъ этажа въ этажъ, звонятъ во всѣхъ этажахъ звонки, стучатъ машинки, взбираются съ одышкой на шестой этажъ посѣтители.

— Разрѣшите узнать...

— Станьте въ очередь...

— Мнѣ только справку.

— Всѣмъ справка, гражданинъ.

— Каждый, достигшій 16 лѣтняго возраста имѣетъ права на ... кб. сант. воздуха и ... кв, арш, помѣщенія ... —

— это дворникъ № 6 — справка для всѣхъ гражданъ объ уплотненіи, выселеніи, реквизиціи, конфискаціи ...

«По талонамъ корешка дѣтскихъ $^1/_4$ ф. крупы, медицинскій персоналъ — 2 штуки воблы, карточка ломовой лошади $^1/_2$ ф. хлѣба, прочіе граждане завтра, если будетъ хлѣбъ». —

— ходитъ гимназистъ въ очкахъ вдоль очереди, поворачиваются къ нему бабы, дѣти, старики спиной — ставитъ имъ мѣломъ номеръ — и ходятъ нумерованные: отставной генералъ, серія В., красные лампасы и мѣдные задники на галошахъ, беременная женщина съ ребенкомъ — серія А и № 1, попикъ въ рясѣ — серія Д, — ничего нынче не выдаютъ, завтра, если останется. Ступай себѣ, попикъ, служи обѣдню натощакъ. — Пронизываютъ туманъ, мглу свиной хрявъ, дроздиные посвисты, лѣшій вой — носятся, какъ черные дьяволы, машины — Фигаро здѣсь. Фигаро — то бишь не Фигаро — секретарь члена коллегіи тов. Снеткова:

— «Подождите на углу, товарищъ шоффёръ» ... — и соскакиваетъ въ туманъ въ нѣжномъ своемъ котикѣ, вся какъ зимній звѣрушка, ножки въ копытцахъ, оттороченныхъ мѣхомъ, подъ мышкой портфеликъ, заиндевѣла отъ дыханія вуалька. Стучатъ копытца по лѣстницѣ, остановилась на площадкѣ, достала зеркальце, сдунула пыль съ пуховки. На двери написано: — Одинъ звонокъ Трофимовымъ, два звонка доктору Катцу, три

звонка монтеру Иванову, четыре звонка Глаголину, пять звонковъ Нюшѣ... — И звонитъ Снеткова четыре раза. Вотъ самъ Глаголинъ — выбритый, синещекій, цѣлуетъ въ дырку, перчатки. — Я на минутку, машина ждетъ на углу... въ три засѣданіе комиссіи, — и вываливаются изъ портфелика съ бумагами, печатью и бланками губной карандашъ, пудра, розовая лента, синяя лента... — Вотъ чудно, и печурка горитъ. — Вчера чистили, тянетъ отлично, — и садится у ногъ Глаголинъ. — Буду цѣловать ручки и ножки, каждый пальчикъ... — Сидите такъ, смирно, прочтите стихи. — Какіе стихи, дуся? — Гофмана или Ахматовой... «Я на правую руку надѣла перчатку съ лѣвой руки». —

> Кто желаетъ высказаться по вопросу о введеніи въ штатъ губернской инженерной дистанціи двухъ обозныхъ повозокъ? Товарищъ Снеткова, занесите въ протоколъ особое мнѣніе.

Горятъ свѣчи въ церкви, въ синеватой мглѣ, какъ золотые анютины глазки, это у Николы Богоявленнаго на углу, и вбиваетъ, вбиваетъ въ сырость колоколъ мѣдную свою тоску. По мертвымъ плачь, живымъ — напоминаніе. По Арбату ѣдетъ въ Дорогомилово еврейскій катафалокъ, покрытый чернымъ платомъ съ восьмиугольной звѣздой, на козлахъ еврей въ котелкѣ. Бей, бей себя въ перси, сѣдая мать, сиди на полу семь сутокъ «шивы», и, дѣти, цѣпляйтесь за гробъ отца вашего! Не обидьте нищихъ у воротъ кладбища, иначе закидаютъ покойника проклятіями...

— Донъ-донъ... — Поэтъ Бальмонтъ въ рваныхъ галошахъ переходитъ лужи — встанетъ ли передъ нимъ въ туманѣ золотая Океанія? — проходитъ въ вытертомъ

бобрѣ, на рыжихъ усахъ сырость. «Будемъ какъ солнце, оно золотое...», а дровъ нѣтъ — и руки пухнутъ. И возглашаетъ священникъ подъ круглыми сводами Николы Богоявленнаго, возглащаетъ глухо, въ самые своды, откуда смотритъ смуглолицая, миндальноглазая Византія: «Азъ, недостойный іерей, властью мнѣ данной...» — это покойникъ-профессоръ въ досчатомъ гробу. Бѣлый узкій носъ, взъерошенные въ жизни сѣдые волосы приглажены, навѣкъ унесъ съ собой тайны санскрита... — «новопреставленнаго раба Юрія...» Сидитъ на телѣгѣ возница и дожидается — телѣга изъ Трамота, спѣшитъ, надо отпѣвать, обидится и уѣдетъ. — Надо бы въ музей книжки покойника, а придется къ писателямъ, въ Леонтевскій, больше платятъ... — И кадитъ дьякъ, въ узкихъ окнахъ — синь, и синій дымъ плыветъ къ Богу.

И повезли на полкѣ изъ Трамота. Разминулись покойники — одного на Ваганьково — впереди попъ въ галошахъ, на полкѣ возлѣ гроба жена, какъ мѣшочекъ, — а встрѣчнаго въ Дорогомилово — правовѣрно, безъ гроба, въ одномъ саванѣ — Якова Абрамовича, зубного врача. Гдѣ теперь твои щипцы, козьи ножки, креозоты? Бѣдный еврейскій Іорикъ!

На одномъ кладбищѣ талый снѣгъ, кресты, вороны, вода въ могилѣ. — Былъ прахомъ и пребудешь во прахѣ... — и звякнетъ цѣпь кадила. На другомъ — талый снѣгъ, бѣлыя плиты съ надписями справо налѣво, вороны, вода въ могилѣ — будетъ семь сутокъ сидѣть на полу жена на Маросейкѣ, и дѣти будутъ сидѣть на полу, и все будутъ раскачиваться. Въ Эллизіумѣ встрѣтятся профессоръ Юрій Вячеславовичъ Сморогинъ и врачъ, зубной врачъ Яковъ Абрамовичъ Давидзонъ...

А въ учрежденіи третье засѣданіе, и смѣняется караулъ у военнаго училища, гдѣ военный и революціонный совѣтъ, — сидитъ генералъ безъ погонъ за картой, на которой здѣсь отступаютъ наши, а тамъ отступаютъ они, а кто «мы» и «они», — хе-хе, каламбуръ не для здѣшнихъ мѣстъ, придетъ товарищъ комиссаръ, живо на Лубянку моншера. Внизу, въ корридорѣ, въ очереди, выдаютъ хлѣбъ, — товарищи Плотникова, Прове и Жемочкина постукиваютъ копытцами, а солдатня кисло воняетъ сапогами и овчиной. — Милочка, душечка, къ Пасхѣ по полпуда бѣлой муки, ей Богу... Товарищъ Подскакухинъ, мнѣ горбушечку.

А въ вегетаріанской столовой «Убѣдись и примирись», что на Арбатѣ, возлѣ портного Самсонова, — щи, бифштексъ изъ моркови, желудевый питательный кофе— все восемьдесятъ. И убѣждающіеся и примиряющіеся обжигаютъ носы въ капустномъ пару, а старушечка, такая сухенькая, какъ носикъ ее, какъ кукушечье перышко на ея шляпкѣ, ходитъ и высматриваетъ: кто не доѣлъ — и дохлебаетъ щецъ или найдетъ корочку. Дѣвка бѣлорожая, съ грудями по шести фунтовъ, на лбу чолка подъ синей лентой: — «Мадамъ, сколько разъ говорить вамъ, не проѣдайтесь».

«Прибыло семь вагоновъ зерна... роздано въ пріюты... ясли... столовые... Басманная... Благуша... Лефортово. —

кряхтитъ продовольственный диктаторъ, скрипитъ перомъ. — На завтра объявить — выдачи не будетъ. — Это значитъ въ Балагушѣ въ Лефортовѣ, на Зацѣпѣ — похлѣбайте разсольникъ изъ воблы безъ хлѣбца, рыбка наваристая — до чего пропахли воблой всѣ лѣстницы, всѣ корридоры — ложись и умри.

Но — четыре часа, шипятъ тормоза, и набѣгаютъ уже въ вечернюю синь — товарищи барышни, товарищи бывшіе прокуроры, товарищи присяжные повѣренные, — всѣ спѣшатъ посреди мостовой (не оступишься и привольней по занесеннымъ трамвайнымъ путямъ) — съ саночками и мѣшочками, а мороженная кортошка течетъ на спину изъ мѣшка своей зловонной, черною жидкостью— но ничего, въ рыбьемъ жирѣ отварить котлетки — вродѣ котлетокъ изъ анчоусовъ, особенно если съ рубленной смѣшать селедкой. — Поэтъ, поэтъ куда спѣшишь въ расхлябанныхъ валенкахъ по рельсамъ — дома маска Пушкина, морковный чай и Laclos на тридцать седьмой страницѣ, котораго переводишь усердно въ шубѣ и перчаткахъ, — холодно зимой въ нетопленномъ домѣ. Сквозь разбитыя стекла на лѣстницѣ дуетъ вѣтеръ, на обмерзлыхъ ступенькахъ снѣгъ, и тащитъ кто-то ведро за ведромъ на пятый этажъ, а за нуждой бѣжитъ на пустырь, гдѣ снесли особнякъ: присядетъ за стѣнкой, чтобы не задувало, и хорошій стишокъ придетъ на умъ, пока раздираетъ нутро колючее хоботье. Сосѣдъ побогаче — вечеромъ затопитъ печурку, печетъ оладьи, сидитъ и напѣваетъ: « Я сижу у камина» ... Мальчика Жоржика посылаютъ передъ сномъ къ сосѣду Карлу Ивановичу погрѣться, — Жоржикъ сидитъ передъ печуркой на корточкахъ и грѣетъ руки то ладошкой, то тыломъ. Мальчикъ серьезный, сѣроглазый, наизусть уже изъ «Руслана» знаетъ и сцену изъ «Бориса Годунова» — на границѣ Литвы.

А черныя машины все шныряютъ и шныряютъ въ ночной тьмѣ — съ пленума на митингъ въ Домѣ Народа.

— Товарищи, тѣ кто хочутъ костлявой рукой голода ... Во-перьвыхъ транспортъ ..., объявляю голосо-

ваніе прямымъ поднятіемъ рукъ — кто несогласные, поднимите руки... Выходитъ — всѣ согласные единогласно, занести въ протоколъ.

— Теорія прибавочной цѣнности, развиваемая Марксомъ...

И рыщутъ во тьмѣ.

— Кто дежурный по домкому? Вы, товарищъ гимназистъ? Отоприте.

Бѣжитъ вихрастый гимназистъ, дергаетъ веревку колокола — Бомъ-бомъ... Налетъ шайки бандитовъ... всѣ съ револьверами... Всѣ граждане выходите! — И гудитъ лѣстница, оживаетъ весь домъ отъ гула, бѣгаютъ внизъ, вверхъ въ одномъ бѣльѣ и съ одѣялами на плечахъ. — Вы предсѣдатель Домкома, вы идите и объяснитесь, — Вамъ хорошо: вы — одинъ, а у меня трое...

— Фу, чортъ возьми, обыскали и только... да и обыскали то неважно, а я ужъ думалъ бандиты...

— Пишите, товарищъ преддомкома: квартира № 4 — два пуда ржаной муки, 2 четверти керосину, мыла пять кусковъ...

И темъ на улицѣ, одинъ Домъ Народа плыветъ въ этой тьмѣ, какъ освѣщенный корабль.

— Представленная пьеса «Шельменко денщикъ» показываетъ, товарищи, всю соціалистическую неправду насчетъ офицерей и нашего брата, который до ихъ благородій долженъ сапоги лизать... — Вѣрно! Правильно! Долой прихвостневъ, буржуевъ. Нажаривай, товарищъ, польку...—... которую за грудки взялъ и тутъ же подъ лѣстницей, ей-Богу.— Баба — это главная пропаганда.—

Товарищи красноармейцы, вы краса и гордость... — Остервенѣла, ей-Богу... за ухо укусила, говоритъ вся твоя тутъ. Ну, я оглянулся... а мнѣ отъ ей теперь пропадать, отъ стервы... двѣсти рублей пролѣчилъ — и конца не видно. —

— Товарищи, пока не завоюемъ весь міръ, до тѣхъ поръ свора банкировъ и фабрикантовъ... — Ходи ногами... ловко играетъ, такъ ноги и ходютъ. — Нѣтъ, кончено, теперь все для народа... —

Кто въ черной тьмѣ идетъ весело, насвистываетъ?

— Товарищъ матросикъ, угости папироской. У тебя «Ада» — все есть что надо или «Риже» — поближе да пониже. Я больше «Бальныя» люблю, мундштукъ длинный... Ей-Богу, страстная я всякаго замучаю. Попробуй — не ошибешься. — Ахъ, кобыла, какъ брешетъ! Ты ее не слушай, вотъ я угожу, не отвалишься. Ты постой, толкомъ говори — на разъ или на всю ночь? Дорого — а мясо почемъ, конина и та дороже. — Тьфу, отроду конины не ѣла. — Не бреши, сука... одну кобылятину жретъ, оттого такая мордастая. Сукинъ онъ сынъ, и ничего больше. Муфту скунсовую продалъ, ботики продалъ байковые, серьги продалъ съ аментистами, а самъ съ Вѣркой путается, деньги отбираетъ... желтые сапоги на снуровкѣ завелъ, котуетъ съ другими...

На вокзалѣ гудки, просятся на пути паровозы, стукаютъ по стрѣлкамъ. Уходитъ снѣжный путь въ глухую страну. Стоитъ въ сторонѣ, на запасномъ, длинный занавѣшанный вагонъ: снаружи — спитъ, а внутри — въ свѣту, сидитъ въ салонѣ на зеленыхъ сафьяновыхъ подушкахъ черноволосая женщина, щиплетъ густыя струны гитары.

«Ночи безумныя, ночи безсонныя... все же стремлюсь я къ вамъ памятью жадною...» — И дергается къ ней человѣкъ. — Я на семи фронтахъ былъ... съ бѣлыми дрался... съ зелеными дрался... все — сволочь. Пей. — И пьютъ. — Я, хочешь, сейчасъ караулъ разбужу, военную тревогу... въ двѣ минуты... одни латыши — и умрутъ. — «Ночи послѣднимъ огнемъ озаренныя...» — Поѣдемъ со мной, все будетъ. Ахъ, душа! — Путь, путь, путь, путь, путь, пу—уть — кричитъ паровозъ, и переводитъ его стрѣлочникъ на путь. Ночь, мгла, туманъ, подъ утро морозецъ. И пахнетъ снѣгъ весной.

II

На углу, гдѣ гремитъ своимъ ржавымъ желѣзомъ безглазый выгорѣвшій домъ, налипаютъ мухи на клейкій газетный листъ, проносятся колясочки съ хряканьемъ, торгуютъ мальчишки обсосаннымъ ирисомъ. Безъ четверти десять на круглыхъ электрическихъ часахъ, на которыхъ прыгаетъ, словно возбуждаясь, стрѣлка, — ровно безъ четверти десять разминались на черныхъ своихъ ревущихъ машинахъ товарищъ Урываева, взлетающая каждый разъ на одномъ и томъ же буеракѣ — въ серебряныхъ очкахъ, въ мѣховой курткѣ, съ портфелемъ, бѣлолицая, близорукая, въ кожанной мужской фуражкѣ — свисали изъ-подъ нея прямыя пряди, — и на черной же машинѣ проносился навстрѣчу ей товарищъ Женишокъ, полулежа на мягкихъ подушкахъ, съ кудрями до плечъ изъ-подъ матросской шапки и съ голою грудью съ синимъ дракономъ — въ непогоду и вѣтеръ; ѣхали: товарищъ Урываева завѣдывать учрежденіемъ и товарищъ Женишокъ, матросъ, для отвѣтственныхъ порученій — пресѣчь, изъять, выяснить...

И ровно же, безъ четверти десять выходила на тотъ же уголъ зубной врачъ Клара Борисовна Талантъ — встать въ хлѣбную очередь и купить молока у красноражей молочницы въ сапогахъ.

Но дальше неслась уже тов. Урываева по Никитской и Моховой, по площадямъ Свободъ, Революцій, Возстаній, улицамъ Маркса, Спартака, Радищева — къ бѣлому особняку, гдѣ стоялъ у входа часовой со штыкомъ, пушистымъ отъ синихъ пропусковъ, и гдѣ во всю гигантскую свою ширь тяжело осѣлъ на площадкѣ бѣлокаменный Карлъ, среди толстопузыхъ генераловъ, поповъ въ рясахъ у пушекъ и городовыхъ, отдающихъ честь — на пестрыхъ плакатахъ.

Ровно безъ пяти десять проходила Урываева слабой походкой въ свой кабинетъ, садилась въ фуражкѣ въ низенькое шелковое креслице — и лежали воззванія, постановленія, программы на ломберныхъ столикахъ съ точеными ножками (сукно было ободрано и пошло на милыя, зеленыя, женскія шапочки, на которыхъ прозрѣвали иногда теософы запись давняго преферанса); лежали программы — на столикахъ съ инкрустаціями и въ креслицахъ изъ будуара купчихи Сомовой, — а дѣтскія вещи — книжки, плюшевые Мишки и мячики розданы были дѣтямъ сотрудницъ, камергерскій же мундиръ, три шапокляка, цвѣтной архалукъ купеческій, утренній — пошли въ Культпросвѣтъ для постановокъ — репетировали уже въ самодѣятельной драматической студіи Культпросвѣта «Кленъ, Баронъ и Агафонъ».

Начинала Урываева свой день, а со стѣны смотрѣли на нее сурово вожди — одинъ красногубый, въ мѣховой шапкѣ со звѣздой, другой — съ сощуреннымъ глазомъ,

лысый, и третій — съ пальцемъ за бортъ сюртука, съ сѣдыми кудрями и со стеклышкомъ на шнуркѣ, — смотрѣли вожди, и отъ 10 утра до 12 ночи работала она непрерывно, принимала людей, кашляла въ телефонъ, засѣдала, прочла въ перерывѣ семь страницъ Гильфердинга о финансовомъ капиталѣ, сама ходила за стакановъ мутнаго чаю, чтобы не безпокоить курьершу личными услугами, ѣла на подоконникѣ положенный вобляной супъ — плату справедливую за трудъ и равную для всѣхъ, ибо всѣ ѣли на подоконникахъ вобляной супъ. Никого никогда не любила тов. Урываева и не имѣла близкихъ, такъ же ровно служила до тридцати семи своихъ лѣтъ въ библіотекахъ, была дѣвицей, прочла много книгъ — всего Маркса, Каутскаго, Бебеля, Лассаля, Бельтова, сидѣла въ тюрьмѣ и опять читала, работала въ подпольѣ, была сослана — и опять читала и знала наизусть, на какой страницѣ говоритъ Марксъ о заработной платѣ, и когда былъ третій объединенный съѣздъ соціалъ-демократической партіи.

И все свое рвеніе, и всю свою неотданную человѣку любовь отдала она дѣлу, для котораго вставала въ 8, сидѣла до 12 ночи въ маленькой своей комнаткѣ за бумагами, сама носила себѣ на пятый этажъ воду, хотя могла жить и въ лучшемъ домѣ въ первомъ этажѣ — былъ тайный ея вожатый тотъ, надъ книгами котораго провела она всю жизнь — сѣдоволосый, мудрый, единственный. Онъ глядѣлъ со стѣны своими черными глазами изъ-подъ кисточекъ сѣдыхъ бровей, облокотя одну руку и играя другою шнуркомъ со стеклышкомъ — и развертывались въ жизни его книги, вставалъ міръ справедливости, для котораго жила она всю свою жизнь. Чисто вымытыя ея большія уши выглядывали между прямыхъ прядей волосъ, кожа ея была бѣлая, крупно-пористая, двѣ глубокія

складки шли отъ носа къ блѣднымъ губамъ — улыбалась она рѣдко и только смотрѣли въ большія стекла очковъ выцвѣтшіе, синіе, кроткіе глаза безулыбчиво.

Были ночныя засѣданія — и несла на нихъ Урываеву черная машина сквозь холодъ и непогоду по ухабамъ и рытвинамъ. Вѣтеръ свистѣлъ на углахъ, мутно лоснились окна домовъ и только свѣтились ворота, за зубцами которыхъ — въ древнемъ городѣ — крутило на площадяхъ сырую метелицу, и гнало снѣгъ съ Москва-рѣки на Чудовъ монастырь. Въ комнатѣ съ полукруглыми сверху окнами, теплой отъ цвѣтистаго ковра, съ бѣлыми изразцами печи, начиналось засѣданіе, доставала она изъ портфеля докладъ и читала ровнымъ голосомъ; предсѣдатель игралъ карандашикомъ — и вокругъ круглаго стола сидѣли въ шубахъ и шапкахъ, хотя было тепло и никуда не торопились.

Въ глухой же часъ ночи поднималась она къ себѣ на пятый этажъ, и долго еще смотрѣли вожди, какъ бѣгала по бумагѣ худая рука, и дымились папироска за папироской, какъ годы дымились назадъ на Гласьеркѣ въ Парижѣ, тоже въ пятомъ этажѣ — сидѣла у подъѣзда толстая консьержка и фыркала, глядя, какъ идетъ она въ библіотеку, съ книжкой, въ стоптанныхъ своихъ башмакахъ... а тамъ, гдѣ была тишина, шорохъ страницъ, портретъ Тургенева между полокъ — тамъ встрѣчались les camerades, и начинали шопотомъ яростный споръ, и продолжали его яростно уже вслухъ, черезъ весь безконечный бульваръ Saint-Germain, толкая прохожихъ, размахивая руками, а французы пучили глаза на нихъ и удивлялись и пересаживались подальше за столикъ въ кафэ, куда вваливались они шумной толпой... И лучистымъ воспомина-

ніемъ смотрѣли близорукіе глаза въ туманъ, уже въ четвертомъ часу безсонницы.

Но готовили въ драматической студіи Культпросвѣта «Кленъ, Баронъ и Агафонъ» — и разъ въ мѣсяцъ отдыхала Урываева въ клубѣ — въ залѣ дома бывшей купчихи Сомовой, гдѣ на потолкѣ нарисованы были тигры и лотосы, и стояли вдоль стѣнъ зеркала въ человѣческій ростъ, — отдыхала Урываева въ самодѣятельномъ театрѣ — и уѣзжала до танцевъ: гремѣли танцы до третьяго часа, и шептались парочки въ шубахъ на подоконникахъ, въ темныхъ канцеляріяхъ и кабинетахъ — безчисленныхъ дѣтскихъ, столовыхъ и будуарахъ купчихи Сомовой.

III

И въ черную ночь, чернѣй черной послѣдней мглы, съ открытою грудью, съ такими же рослыми, какъ и самъ онъ, въ матросскихъ шапкахъ, — садился Женишокъ въ черную машину. Зналъ онъ эти темные холодные дома, растревоживаемые ими, какъ муравейники, любилъ глядѣть въ мучительные испуганные мужскіе глаза и въ женскіе — умоляющіе, округлые отъ страха и плѣняющіеся всей этой дикой ночной силой, неудержимо ворвавшейся въ ночь, въ сонъ, въ тьму...

Одолѣвала снѣгъ упорная машина, навстрѣчу февральскому вѣтру, сѣкшему глаза, какъ сѣкъ онъ, когда стоялъ Женишокъ на дозорной своей вахтѣ, — и упорно зарывался въ кипящую балтійскую воду стремительный миноносецъ... Былъ Женишокъ новороссійскій, безродный — любилъ ту вольную, опасную жизнь, когда одинаково весело и бродяжить неуемному человѣку, и одолѣвать переваливающуюся морскую громаду.

Вотъ безглазый домъ, теряющійся во мглѣ верхними этажами — и слѣдуютъ они семеро наготовѣ по холодной лѣстницѣ, гдѣ свиститъ на площадкахъ вѣтеръ въ разбитыя цвѣтныя стекла — и сразу свѣтъ, страхъ, смятеніе... Пробѣгаетъ лысый сырой человѣкъ въ нижнемъ бѣльѣ — и смотритъ въ глаза женщина дикими черными глазами, и все прикрываетъ грудь, — и чувствуетъ Женишокъ, какъ ползетъ отъ вида всего этого изъ конца пальцевъ тягучая, мутная, сладкая сила, — такъ бы вотъ часами глядѣть на эти растерянныя лица, презирать жизнь эту малую, заползшую въ пятые этажи, обставленную мебелью, хламомъ, — и увозить въ машинѣ крѣпкоскулаго молчаливаго человѣка въ офицерской безпогонной шинели, или зябкую женщину, все кутающуюся и кутающуюся въ мѣхъ.

И изъ ночи въ ночь, изъ одного въ другой концы города, зарываясь упрямо въ волны февральской метелицы, носился черный миноносецъ, — летѣли назадъ, въ тьму, безглазыя окна, пустыри, развалины, хромая луна выплывала на мигъ въ пустой глазницѣ недостроеннаго дома, — и входилъ въ послѣднюю гавань: сразу слѣпитъ обвѣтренные глаза слѣпучая бѣлая скатерть, блестятъ тарелки и плечико бутылки — проходитъ близко, задѣвая пахучею своею близостью, теплоглазая, мягкогрудая женщина, — а въ глуби, гдѣ коверъ, подушки, гдѣ еще звенятъ въ печуркѣ угольки, — бездонно бѣлѣетъ постель; и блестятъ теплосучьи женскіе глаза на раскидываемый шелкъ и на мыло въ пахучихъ оберткахъ...

Дологъ разсвѣтъ — и не отрывны уста, и жалятъ, словно душу хотятъ вышить, и податливы теплыя размянутыя колѣнки... Сладокъ сонъ на зарѣ, когда гонитъ косой предутренній снѣжокъ, дымится день сизымъ ту-

маномъ, — не проѣдутъ шажкомъ стрѣльнинскіе голубки, брякая бубенцами, и не вопитъ мертвый городъ фабричными трубами, — летитъ въ туманѣ съ грохотомъ грузовикъ, по краямъ штыки и поднятые воротники шинелей — кого везутъ и куда... И вползаетъ бѣлесый день съ гусиными глазами, уже спѣшитъ людъ изъ Петровскаго-Разумовскаго и Сокольниковъ, чтобы поспѣть на службы, — а у часовщика Лейбовича еще огонь, желчно горящій въ сизой мути, — всю ночь просидѣлъ Лейбовичъ надъ своими винтиками, стерженьками, пружинками со стекломъ въ глазу, чинилъ малый механизмъ, чтобы вѣрнѣй отмѣрялъ онъ людямъ ихъ бѣдные сроки. Сладко поютъ послѣ любви усталыя вѣки, но вотъ размыкаетъ ихъ день — и хоть утренно еще темнѣютъ ямки на голыхъ локтяхъ и подъ мышкою нѣжный пушокъ, — но лѣзетъ уже сонная нога въ узкій холодный сапогъ — и какъ только нога въ сапогѣ — готовъ человѣкъ къ жизни и идетъ въ нее съ красными вѣками и ладонями, теплыми отъ вялаго запаха.

Три склада, три тяжелыхъ лабаза, съ тяжелыми желѣзными дверьми, съ тяжелыми замками, — не сторожитъ ихъ уже сторожъ замоскворѣцкій въ тулупѣ, — ждутъ его Женишка, и ломаетъ онъ красныя печати. Скоро ли освоиться глазамъ въ этомъ сумракѣ ѣдко воняющемъ звѣриными запахами, мѣхомъ и шкурами, — сотни ихъ висятъ подъ желѣзными сводами, и десятки ихъ, самыхъ дорогихъ, игольчато-соболевыхъ, и дымчато-шелково-шеншиловыхъ, и горчично-сѣдыхъ-бобровыхъ въ узкихъ ящикахъ, — вся россійская таежная нѣдра, вся добытчицкая удача сметливыхъ спиртоносовъ, и остяцкій щуплый усишко подъ шмургающимъ пьянымъ носикомъ — все здѣсь, подъ желѣзными сводами... Но уже перетряхаютъ, за-

писываютъ, слюнявятъ чернильные карандашики — и позднѣе всѣхъ обходитъ подъ сводами Женишокъ, задвигаетъ засовы, вѣшаетъ тяжелый замокъ, прижигаетъ печать — и мѣшаетъ подъ мышкой набитый портфель государственный, а положишь подъ голову — мягко, сибирская думка — сонница, и сны приснятся...

IV

Клара Борисовна, зубной врачъ, вставала безъ четверти восемь, — высовывала изъ-подъ шубы носъ и дышала, восходилъ жемчужный дымокъ, а окна изнутри покрыты были тончайшимъ инейнымъ узоромъ. Но, подышавъ, вылѣзала она все же, и пока спала еще Таточка на двухъ сдвинутыхъ стульяхъ, доставала синими пальцами щепочки и старый томъ «Русской Мысли» и растапливала печурку, — горѣлъ, выгибаясь дугой, листъ съ повѣстью Боборыкина, окна начинали течь, слабѣе курился дымокъ изъ Таточкинаго логовища — шубы, халата и одѣяла, въ которомъ просверливала Таточка щелку. Если былъ вѣтеръ сѣверный, то задувало печурку, и шелъ назадъ дымъ, но, растопивъ все же, надѣвала Клара Борисовна шарфикъ и вытертую шубенку, смотрѣла въ пузырящееся зеркало на свое синее личико и уже бѣжала съ шестого этажа на уголъ, къ развалинамъ дома, купить молока, или стать въ очередь, если день былъ счастливый и давали колючую горбушечку хлѣба. Мужа у Клары Борисовны не было — загнали слабосильнаго зубного техника Талантъ въ самыя болота подъ Пинскъ, и тамъ кончилъ онъ немудрую свою жизнь, — была лишь дочечка Таточка, семилѣтняя, сѣроглазая, слабогрудая, нѣжная,—

сидѣла на постели и говорила: — Только мышка заскребетъ гдѣ нибудь зубами, Котъ Мурлыка тутъ какъ тутъ съ острыми когтями... — рѣдко улыбалась, продавала своимъ кукламъ Сонѣ и Манѣ товары изъ игрушечной лавочки, а на пакетикахъ написано было: «Куклины пирожные», «Куклины платья»...

И становилась Клара Борисовна въ очередь, покупала молоко, бѣжала назадъ добросать въ печурку щепочекъ, стирала тутъ же посреди комнаты Таточкино худое бѣльишко, бѣгала доставать деньги, таскала въ мѣшкѣ тома «Вселенной и человѣчества» или «Отечественной войны» къ писателямъ въ книжную лавочку — и смотрѣла испуганными, просящими и понимающими глазами, какъ философъ въ вытертыхъ бобрахъ листалъ руками въ перчаткахъ ея книги и лазилъ по лѣсенкѣ, тяжелый, — а руки, которыя вынималъ изъ перчатокъ онъ рѣдко, были у него маленькія и бѣлыя, привыкшія къ кабинету — листать неспѣша книжки въ теплѣ, съ сигареткою между пальцевъ.

Но дальше бѣжала уже Клара Борисовна въ своихъ разбитыхъ ботинкахъ, заморенная, съ непрерывной этой тягой куда нибудь спѣшить, что нибудь дѣлать — сквозь туманные переулки, туманныя площади — служить: въ народной лѣчебницѣ для бѣднѣйшихъ, и приходили бѣднѣйшіе со своими флюсами, надкостницами, обломками и корнями, покрытыми зеленою плѣсенью, со своими кровоточащими деснами — сверлила она эти обломки, съ хрустомъ таскала корни, — и бѣжала назадъ, черезъ вечерѣющій городъ, домой, гдѣ ждала ее голодная Таточка въ холодѣющей комнатѣ; снова растапливала Клара Борисовна печурку, готовила обѣдъ, а Таточка смотрѣла на нее грустно, сѣрыми взрослыми глазами; дымила печур-

ка — сѣверный былъ вѣтеръ — и разогрѣвала Клара Борисовна неизмѣнное пшено, которымъ всѣ въ городѣ набивали себѣ желудки. А когда вечерѣло совсѣмъ, начинала домашній свой пріемъ: стояла въ бѣломъ халатѣ посреди холоднаго своего кабинета — и влѣзалъ тусклый человѣкъ въ шубѣ и валенкахъ на эшафотъ, вскидывала она ногой его выше — и вотъ освѣщалъ рефлекторъ всю рдяную его пасть, запѣвала машина сверлильную свою пѣснь, и уже входила слѣдомъ перевязанная, со страшнымъ своимъ флюсомъ, Аннушка изъ 17-го номера... Но едва лишь облегчивъ Аннушкины страданія, спѣшила уже Клара Борисовна, снявъ на ходу халатъ, съ ведрами за водою, тащила ихъ наверхъ, замирая отъ сердцебіенія, останавливаясь на площадкахъ, — а еще надо было разбить для печурки дрова, и помыть свѣтлую Таточкину головку; и пять минутъ, пять единственныхъ минутъ, отдохнуть, ни о чемъ не думать и ничего не дѣлать, чтобы хоть на пять минутъ почувствовать себя человѣкомъ, призваннымъ къ жизни, чтобы жить...

Смотрѣла на нее Таточка серьезными, нездѣшними глазами — и была вся какая-то нездѣшняя, грустная, немолодая. Знала недѣтскій этотъ взглядъ Клара Борисовна и мучилась, словно читала въ немъ отрешенность, и вспоминала всю себя, мечту свою юную, любовь свою недолгую, слабосильнаго зубного техника — мужа ее, котораго погнали на какую-то темную, безумную войну и сгубили въ болотахъ. Ничего уже не хотѣла она отъ жизни, одно лишь хотѣла: чтобы была весела и здорова ея дочечка, но становилась съ каждымъ днемъ все печальнѣй и задумчивѣй дочечка, цѣловала ее на ночь своими теплыми губами, и была въ поцѣлуѣ этомъ словно нѣкая ласка близкаго прощанія...

Такъ съ утра и до предѣла ночи — однимъ страданіемъ и трудомъ наполнена была ея жизнь — и откуда въ ней бралась эта непрерывная лихорадка къ дѣлу и тяга къ труду — волокла жерновъ свой, миловидность свою давно потопила въ старческомъ равнодушіи, и какъ-то разъ, въ свободные, человѣческія пять минутокъ поглядѣла на себя въ зеркало — и равнодушно глянула оттуда бѣлокровная, худая, изможденная, впалогрудая, простоволосая женщина, даже сердце зашло: она ли это Кларочка, которую по веснѣ на скамѣйкѣ у Храма Спасителя поцѣловалъ разъ красивый студентъ Кривцовъ и которую обнималъ съ нѣжностью мужъ...

А день шелъ и восходилъ другой — бѣлесый и мутный, какъ облако.

V

Было засѣданіе комиссіи, читала тов. Урываева ровнымъ голосомъ свой докладъ, и вдругъ подъ конецъ доклада заныло у нея во рту, и чѣмъ дальше читала она, тѣмъ больше ныло — третій зубъ нылъ сверху, съ правой стороны. Были еще пренія и стучалъ предсѣдатель карандашикомъ по стакану, а зубъ нылъ все больше — уже не слыхала она словъ, держалась за щеку, и сливались люди въ туманъ и дымъ. Всю ночь нылъ зубъ, тянулъ кверху тягучею болью — утромъ очнулась она послѣ безсонницы, совсѣмъ больная, въ первый разъ за всю свою службу опоздала на часъ, читала бумаги, держась за щеку, и не понимала ихъ и опять двигались люди, звенѣли звонки въ туманѣ; вечеромъ рѣшила она поѣхать къ врачу: къ бѣлой вывѣскѣ, которую запомнила она за ежедневные свои переѣзды, въ вечерней уже какъ бы полярной тьмѣ мартовской, подвезла ее машина.

И на томъ же креслѣ поползла она вскорѣ подъ ногою Клары Борисовны выше, подъ самый лучъ рефлектора; было въ раскрытомъ этомъ ртѣ нѣчто такое, отчего легла вдругъ морщинка между бровей Клары Борисовны, и долго она мѣняла желѣзки и щипчики, пока не сказала страшное: что зубъ надо рвать. Холодѣя, сидѣла та въ креслѣ, а боль росла и заливала всю щеку, — и надо было рѣшиться и отдать себя этимъ слабымъ рукамъ.

Долго возилась Клара Борисовна, приготовляя, кипятила воду, обложила себя щипцами, козьими ножками — широко открыла смертельный свой ротъ Урываева — наложила Клара Борисовна въ первый разъ щипцы. Разъ — захватила она полый этотъ обломокъ, уперлась рукою въ плечо — и вдругъ съ хрустомъ и скрежетомъ разсыпался онъ на осколки, и завизжала та тѣмъ разительнымъ крикомъ, какъ ревутъ рожающія бабы — и чѣмъ дольше собирала Клара Борисовна въ крови щипчиками эти осколки и уже подводила подъ корни козьи ножки и начала корни выламывать — тѣмъ кричала истошнѣе та, катился по бѣлому лбу ея холодный потъ и кровь текла изъ раскрытаго рта, а въ круглыхъ глазахъ одна лишь послѣдняя человѣческая была мука и мольба о пощадѣ; и жалость къ ней, слабой, овладѣла Кларой Борисовной, положила она ей на лобъ свою руку, какъ мать клала въ дѣтствѣ; и была въ этомъ прикосновеніи какая-то малая человѣческая ласка, отчего глуше становилась боль, ноющей и уже не мучительной, а глаза глядѣли въ глаза — страдающіе глаза въ страдающіе — и уходили другъ въ друга, понимая и любя, какъ разъ только бываетъ въ бѣдной человѣческой жизни, когда малая ласка западаетъ въ нее горчиш-

нымъ зерномъ — и легче становится жить день, часъ, минуту... И если находитъ мука на муку, жалость на жалость — получается та пушистая человѣчья нѣжность, когда своя уже мука какъ бы далече отходитъ и остаются лишь страдающіе больные глаза ближайшаго содруга по жизни...

— Ну, вотъ и прошла боль, — сказала Клара Борисовна и улыбнулась, и почувствовала Урываева, что дѣйствительно боль проходитъ и что знаютъ, вѣрно, эти запавшіе, все еще красивые глаза боль — болѣе долгую и болѣе сокровенную. Ничего больше не было между ними, и было все дальше, какъ обыкновенно: провожала Клара Борисовна посѣтителя до холодной передней, глянули въ открытые двери мракъ и холодъ пятипролетной лѣстницы; спускалась Урываева, держась за щеку, и шла далѣе по мокрому снѣгу до дома, плюя кровью, и чѣмъ солонѣе болъ во рту ея вкусъ, тѣмъ радостнѣй было ощущать его, словно былъ въ немъ соленый слѣдъ нѣжной встрѣчи... А легко развѣ въ безрадостной сей, несущейся жизни встрѣтить взглядъ принимающій и все понявшій до конца? И почему вечеръ этотъ дальше прояснившійся, провела она не за обычнымъ своимъ трудомъ, а въ томъ же креслицѣ своемъ, протертомъ сидѣла, скрестивъ холодныя руки, — и проплывали 37 лѣтъ жизни, ни разу не привлеченной этимъ послѣднимъ человѣческимъ взглядомъ?

Около же печурки своей мыла въ этотъ вечеръ въ тазу Клара Борисовна Таточку, — стояла Таточка, чуть розовѣя худенькимъ тѣльцемъ, съ тѣми милыми припухлостями, которыя такъ нѣжны въ дѣвочкахъ — будущихъ женщинахъ, будущихъ матеряхъ. Стекало съ губки по плечикамъ ея теплое мыло, смотрѣли глаза

Таточки серьезно и покорно, словно знали свою судьбу и принимали ее, и видны были худыя ребрышки, эти дѣтскія голодныя ребрышки — жалость, печаль и мука. Знала ли Клара Борисовна, прикасаясь къ тѣльцу единственному, дочечки своей ненаглядной, что прикасается теплою этой губкой въ послѣдній разъ — и что ждутъ ее восемь дней разставанья, прощанья и разлуки? Но были они въ этотъ вечеръ, какъ двѣ женщины подруги, и вмѣстѣ пили чай за круглымъ столомъ, сидѣла Таточка въ мохнатой простынѣ съ мокрыми кудряшками и знала въ этотъ вечеръ Клара Борисовна, что никакіе усталость и трудъ не страшны ей, пока возлѣ нея эта маленькая сѣроглазая дочка.

VI

Слишкомъ ли мягка ужъ въ тотъ день была думка— вздувался новенькій портфеликъ подъ мышкой у Женишка, или былъ чей то мышій застѣнный взоръ, — но случилось такъ, что никуда уже не поѣхалъ онъ больше въ тотъ вечеръ на черной машинѣ, а поѣхали въ ней другіе — съ портфелями, замкнутые — и повезла ихъ машина знакомымъ вечернимъ путемъ туда, гдѣ ждала Женишка въ теплой комнатѣ и ходила вокругъ стола потряхивая стриженными кудряшками теплоглазая, мягкогрудая женщина. И сразу много вошло людей въ теплую комнату, зачернѣли въ дверяхъ, стали выдергивать ящики, открывать сундуки, выбрасывать легчайшій прахъ женскихъ тканей — и находили, находили: сѣдо-дымчато-шеншиловые, и игольчато-соболевые, и горчишно-бобровыя ... и повезли ее, уже не теплоглазую, а курносую, съ птичьми отъ страху глазами ...

Тамъ, за черной предѣльною дверью, куда столькихъ вводилъ Женишокъ, — тамъ самъ томился онъ эту первую ночь, первую въ своей жизни подневольную — и въ первый разъ было въ немъ смятеніе. А уже зачинался день, блѣдный, дымносиній, день осужденныхъ на жизнь, на рабью свою глухую дорогу.

И потянулся за этимъ днемъ другой и третій бѣлою чередою, — были уже тѣ, съ кѣмъ недавно лишь праздновалъ жизнь Женишокъ, хмурые его тюремщики, вмѣстѣ съ другими водили его они равнодушно по коридорамъ, и съ другими же вмѣстѣ везли его солдаты съ ружьями на громыхающемъ тряскомъ грузовикѣ. Былъ сосѣдомъ его ближайшимъ Моисей Непомнящевъ — утаилъ какое то мыло, и отняли у него это мыло и привезли сюда, — низенькій, веснущатый, съ рыжими бровями, съ рыжими рѣсницами, съ рыжимъ пушкомъ на коротенькихъ пальцахъ — и такъ тосковалъ по дѣткамъ своимъ, такъ всѣхъ боялся, такой заячій горькій страхъ былъ въ коричневыхъ глазкахъ его, что отворачивался Женишокъ, чтобъ не видѣть ихъ, — все сидѣлъ тотъ, и шептали, шептали еврейскія древнія молитвы блѣдныя губки; и молился на разсвѣтѣ и подъ вечеръ, стоялъ въ углу, исполнялъ аккуратнѣе всѣхъ всю тюремную заведенную азбуку — ничего не присылали ему, была семья его гдѣ то на югѣ, — все томился, томился у окна, какъ плѣнная птица, дышалъ бѣлымъ небомъ, тосковалъ и сохъ, и плакалъ потихоньку. И все хотѣлъ услужить, подать, заговорить съ сосѣдомъ въ смертной своей тоскѣ, но отворачивался Женишокъ, презиралъ себя за то, что сидитъ съ нимъ, какъ равный — все хотѣлъ доказать, что вотъ просидитъ онъ день и другой, выяснится ошибка, и поведутъ его отсюда съ почетомъ, снова понесется онъ

на черной машинѣ, — но шелъ день и другой шелъ день, и никуда не выводили его, принималъ онъ уже отъ Непомнящева услуги — мутней западала тоска въ вольную душу, а за мартомъ — апрѣль, когда несетъ отъ талыхъ лѣсовъ вдоль по улицамъ предвесеннею свѣжестью, и подъ мѣхомъ уже начинаетъ звѣриную свою игру горячая женская кровь... И такая злоба поднималась въ душѣ его — растолкать бы камень стѣнъ этихъ и пойти, пойти по простору, глотать свѣжій воздухъ, руками рвать глотку тому, кто станетъ по пути, — заглядывалъ Непомнящевъ снизу просящими круглыми глазками, потиралъ желтопухія ручки, все спрашивалъ, все хотѣлъ услышать одинъ человѣческій голосъ, скоро ли отпустятъ его къ дѣткамъ, — и сказалъ Женишокъ вдругъ, словно выплюнулъ тягучую свою слюну: — Пошелъ ты... жидъ паршивый. — Спряталъ Непомнящевъ рыжую свою голову въ плечи, сжался весь — и ушелъ, мигнулъ только рѣсницами. Захотѣлось Женишку еще поддать ему колѣнкой подъ задъ, толкнуть, чтобы ударился онъ навзничь лицомъ, но не толкнулъ, а легъ, отвернулся...

Была ночь. А утромъ — повезли его черезъ городъ, глядѣлъ онъ на туманныя улицы, спѣшили пѣшеходы, пахло хлѣбомъ, таялъ чернѣющій снѣгъ... Привезли его — и сѣлъ между двухъ солдатъ съ ружьями, проходили недавніе его товарищи, но хмурились, не узнавали — провели его черезъ часъ въ узкую комнатку: огромный въ ней стоялъ столъ, и сидѣлъ за столомъ лысый человѣчекъ въ кожаной курточкѣ, шевелилъ бритой губой, собиралъ щеки и распускалъ ихъ складками; поигралъ по столу пальцами и спросилъ Женишка вкрадчиво... Не запомнилъ Женишокъ въ порядкѣ, о чемъ

спрашивалъ его тотъ — спрашивалъ и объ имени, и о томъ, гдѣ родился и чему онъ учился, что читалъ — отвѣчалъ Женишокъ по порядку, и чѣмъ больше ставилъ человѣкъ вопросовъ и справа, и слѣва, и накидывалъ петельку за петелькой, тѣмъ выступалъ на лбу Женишка чаще каплями потъ, вытиралъ онъ его и отвѣчалъ дальше — и почувствовалъ вдругъ, что летитъ со своими отвѣтами въ душную какую то послѣднюю мглу, что вотъ захлестнулъ его человѣкъ петлями — самъ слабенькій, ударить бы по лысой его головѣ — и кончится разомъ; но закидывалъ тотъ дальше петельки: все спрашивалъ, все выпытывалъ, — молчалъ Женишокъ, вытиралъ ребромъ руки мокрый лобъ и вдругъ понялъ, что погибъ отъ всѣхъ незначащихъ этихъ вопросовъ, погибъ навсегда — и такая тоска, душная, послѣдняя поднялась въ немъ, что глянули противъ воли съ предѣльной человѣческой мукой глаза его въ глаза человѣка, и— вѣрно — такая звѣриная боль была въ нихъ, что осунулся сразу тотъ въ креслѣ, пошарилъ въ бумагахъ, позвонилъ — и повели женишка прочь.

Долго еще водили его изъ конца въ конецъ по коридорамъ — и повезли назадъ, черезъ вечерѣющій городъ. Прорвалась на мигъ бѣлая пелена, золотѣли купола, предвесенняя свѣтилась лазурь, великопостнымъ медомъ своимъ тянулись колокола. А какъ привезли его, такъ легъ онъ навзничь на жесткія нары, и если-бъ могъ заревѣть такъ по бабьи, навзрыдъ, чтобы всю выплеснуть душу — но былъ онъ матросъ, второй номеръ при легкомъ орудіи, — все лежалъ и насѣдала на горло тоска, а какъ поднялъ глаза — былъ уже вечеръ и стоялъ возлѣ него Непомнящевъ, смотрѣлъ въ глаза ему живыми своими страдающими глазами, былъ во всемъ мірѣ

теперь — единственно близкій, все понимающій до конца, не утѣшающій, но горе его, Женишка, принимающій въ себя, — и обнялъ Женишокъ еврейскую слабую шею, прижался щекой къ небритой его щекѣ, — все гладилъ Непомнящевъ его руку — и сидѣли они такъ во тьмѣ, щека къ щекѣ: былъ весь чужой, равнодушный, несущійся міръ ближе и нѣжнѣе — вмѣстѣ шли они къ послѣднему земному предѣлу.

VII

Перекинулась ли плѣсень эта со стѣнъ, съ пузырящихся обоевъ въ слабенькое Таточкино тѣльце, но занемогла она вдругъ, лежала подъ шубами горячая, серьезная, молчаливая, закрывала отъ свѣта больные глаза, — выбивалась уже изъ силъ Клара Борисовна, таскала въ лавочку книжки и покупалъ ихъ, ненужныя, жалѣючи ее, философъ, — и дальше бѣжала она, покупала самое вкусное и дорогое, но ѣла Таточка все равнодушно, просила только не безпокоиться, увѣряла, что ничего не болитъ у нея, только ноетъ затылочекъ, а сама все слабѣла, все горячѣла...

Троихъ уже приводила съ собой докторовъ Клара Борисовна, и всѣ они были серьезны, не узнавали болѣзни, пожимали плечами, но уже не могла сдержать стоновъ Таточка, стонала и плакала, откидывала изъ стороны въ сторону горячую голову, двойныхъ уже видѣла людей — и привезла съ собой къ ней Клара Борисовна самаго знаменитаго, самаго недоступнаго — никуда не ѣздилъ, но такъ молила его, такъ ломала худыя свои руки, что согласился профессоръ и поѣхалъ съ ней въ

домъ. Много видѣлъ онъ страдающихъ маленькихъ этихъ женщинъ и мужчинъ, видѣлъ дѣтскую муку и закалилъ въ ней свое сердце — былъ съ виду сухонькій, съ стриженой сѣдою бородкой, замкнутый, — и сразу узналъ Таточкину муку, узналъ, что немного, меньше недѣли, ей маяться и что ничѣмъ уже не спасти ее и не ускорить конца этой муки, — а будетъ мука, сколько положено ей, Таточкѣ, въ земномъ ея маломъ удѣлѣ...

И прочла Клара Борисовна въ маленькихъ его глазахъ то, чему все не вѣрила, и заметалась: знала, что изъ ста разъ одинъ да бываетъ спасеніе, и вдругъ да будетъ одинъ этотъ разъ на долю Таточки: самое лучшее и дорогое доставала она, любимое Таточкино, вливала въ слабенькое горло, но закидывалась все безсильней головка, какъ гаснущей пичуги малой, глядѣли уже раскосымъ невидящимъ взглядомъ единственные сѣрые глаза ея... За черною ночью пришелъ —

— день. Сразу много, какъ въ несчастьѣ всегда, въ узенькихъ комнатахъ стало народу, пришли женщины и дѣлали свое, женское, и говорили дѣловито мужчины притушенными голосами.

Уже сошла ранняя синь, желто только свѣтился огонь въ окошкѣ часовщика Лейбовича — сидѣлъ за своими винтиками, пружинками, колесиками, да въ угловомъ окнѣ гдѣ стоялъ свинцовый крохотный гробикъ для младенчика — напоказъ и голубѣли фарфоровыя незабудки вѣнковъ, — сидѣлъ тамъ, какъ двадцать семь лѣтъ назадъ сидѣлъ, Епанечниковъ Андреянъ Андреяновичъ, и хоть было гробовое это дѣло уже не его, а № 7 — государственное, но оставили его имъ завѣдывать, и были для голытьбы, смертнаго брата рядового — казен-

ные гроба, досчатые, страшные — ибо глядѣлъ сквозь выпавшій сучокъ покойникъ рыбьимъ глазомъ, все запоминалъ, — и ломовые полки для послѣдней прогулки; но можно было еще, по лучшему соглашенію, и обить гробикъ кашемиромъ, набить галуны и блестящія ручки, дать облупленный катафалкъ, а не срамной полокъ, и лошадь въ попонѣ, откуда глядятъ умные лошадьи глаза въ круглыя трагическія глазницы.

И поджидалъ Андреянъ Андреяновичъ лучшихъ этихъ соглашеній, — а недругъ и тотъ получше предастъ землѣ недруга, чтобы не затаилъ тотъ загробной послѣдней обиды; сидѣлъ, какъ и 27 лѣтъ назадъ, съ хрящеватыми своими ушами, съ усиками сѣдою щетинкой — и какъ раньше читалъ «Московскій Листокъ» — романы Пазухина и Опочинина, такъ и теперь читалъ «Извѣстія Депутатовъ» отъ доски до доски, прочитывалъ и гдѣ кто собирается и кого куда вызываютъ. И не то что другіе торговцы — сидятъ и ждутъ, зайдетъ или не зайдетъ покупатель купить лучшаго сиропу или морковнаго чаю,— а зналъ свое дѣло прочное: о б я з а т е л ь н о утромъ ли, вечеромъ ли да забѣжитъ покупатель ибо каждый день обязательно помираютъ люди — и безъ его, Андреяна Андреяновича, помощи не обойтись. Придетъ покупатель, скажетъ заплаканнымъ голосомъ, что нуженъ гробъ, — и сниметъ Андреянъ Андреяновичъ серебряные свои очки, пойдетъ предлагать — обитый полотномъ съ серебромъ по краямъ, и кашемировый — и даже на ощупь покажетъ добротность, словно покупаетъ для носки тотъ; согласятся — и пойдетъ за нимъ Андреянъ Андреяновичъ мѣрить, сдѣлаетъ аккуратно, и аккуратно встанетъ наутро у дома муругая кляча въ попонѣ, бѣлый цилиндръ на катафалкѣ — отставитъ ногу и будетъ

ждать равнодушно — на Ваганьково ли, въ Новодѣвичій или на Введенскія горы...

Были для него давно уже живые люди — только будущіе его покупатели, переходилъ солдатъ улицу, смотрѣлъ онъ въ окно на него и думалъ: — Экій гвардеецъ... два аршина и двѣнадцать вершковъ, дѣлать-то придется по росту, готоваго не перекроишь. — И на дѣтишекъ смотрѣлъ — какой кому гробикъ лучше придется — мальчикамъ съ серебрянымъ галуномъ, дѣвочкамъ — съ розовымъ... Много заплаканныхъ лицъ, женскихъ и мужскихъ, темныхъ отъ горя, видѣлъ онъ за жизнь свою, — и посмотрѣлъ, уже въ сумеркахъ, равнодушно на лицо Клары Борисовны, хоть и было въ немъ все человѣческое горе. 27 лѣтъ носилъ онъ тотъ же все шелковый цилиндръ — и теперь надѣлъ его на лысую голову, взялъ складной свой аршинчикъ и пошелъ за ней слѣдомъ. Многихъ хоронилъ онъ, богато и бѣдно, съ ангельскимъ хоромъ и съ генеральскою музыкой, и съ каретами, и безъ каретъ, когда шли позади родные до самаго кладбища, и безродныхъ на ломовыхъ дрогахъ, которыхъ не провожалъ никто. И такъ какъ звали его теперь вымѣрить мѣрочку для бѣдныхъ похоронъ, шелъ онъ неспѣша, шаркая своими галошами, отдыхалъ на площадкахъ и дальше брелъ кверху.

Лежала Таточка, скрестивъ блѣдные пальцы на бѣлой фланели матроски и аккуратно расчесаны были свѣтлые волосы, а на худенькомъ личикѣ была такая недѣтская скорбь, и такая нездѣшняя гиблая мука глянула вдругъ при свѣтѣ съ лица Клары Борисовны, что остановился въ дверяхъ Андреянъ Андреяновичъ — такъ вдругъ заскребло на сердце его безлюбомъ. И вдругъ окрестилъ себя маленькимъ крестикомъ, и еще окре-

стилъ, погладилъ мягкія кудряшки, прежде чѣмъ раскрыть складной свой аршинъ, и сказалъ тихонько и почтительно: — Гробикъ выйдетъ отмѣнный-съ, ужъ постараемся...

До трехъ ночи трудился Андреянъ Андреяновичъ надъ гробикомъ, и вышелъ гробикъ поистинѣ отмѣннымъ — обилъ его розовымъ, окаймилъ галуномъ, серебряныя придѣлалъ ножки, и тонкій покровъ досталъ съ кружевами. А какъ положили на утро Таточку въ гробикъ и глянуло оттуда ея дѣтское личико съ недѣтскою горечью и морщинкой у стиснутыхъ губъ — въ кружевахъ покрова, такую умильную почувствовалъ радость отъ ночного труда своего, что если бъ пять богатѣйшихъ ждало его покупателей, не промѣнялъ бы познанной этой муки на лучшія соглашенія. И ушелъ тихонько, все держа у груди шелковый цилиндръ, и принялъ не глядя ненужную плату.

А какъ понесли Таточку на другой день поутру изъ дома, и высоко надъ плечами поплылъ неправовѣрно розовый гробикъ, — окрестилъ себя маленькимъ крестикомъ, и еще окрестилъ, и крестилъ до тѣхъ поръ, пока не скрылись въ мартовскомъ парномъ туманѣ — везла ее кляча туда, гдѣ спалъ уже восемь дней зубной врачъ Яковъ Абрамовичъ...

А навстрѣчу плылъ новый день труда и заботъ.

VIII

Идутъ люди поутру подъ дождемъ изъ домовъ своихъ въ городъ. Горбатые зонты, мокрыя плечи. Еще не отравлены они газетной отравою, не встрѣтили равнодуш-

ныхъ знакомыхъ, которымъ не о чемъ сказать. Вотъ идетъ одинъ неспѣша, словно не надъ нимъ шумитъ дождь, вытянувъ руку, шевеля пальцами, говоря самъ съ собой на ходу — грошовую ли свою вычисляетъ получку. Спѣшитъ старуха въ соломенной шляпкѣ, попробуетъ у молочницы молока и не купитъ и побѣжитъ дальше пробовать, упрекать... Человѣкъ въ кожаной курточкѣ, горбатенькій, почиркаетъ по газетѣ на стѣнѣ острымъ носикомъ — и дальше спѣшитъ съ тугимъ своимъ портфелемъ. Проѣдетъ въ пролеткѣ инженеръ, плотноплечій — покорная расчету и удачѣ ужъ заползаетъ жизнь прирученной змѣею въ тяжелый его портфель. А на колокольнѣ раскачиваютъ било мальчишки, и мѣрно трубитъ мѣдь, разъ-разъ, — ползетъ къ церкви старуха— вся къ землѣ столѣтнею головою, сниметъ картузикъ — столоначальникъ бывшій, тощій, въ австрійскихъ башмакахъ, проковыляетъ на деревяшкѣ герой войны, возславленный въ свою пору и никому ненужный теперь. Ведутъ солдаты съ ружьями, дулами книзу, черную толпу съ узелками — арестованныхъ въ баню. Унылъ этотъ путь по талому снѣгу — прыгаютъ черезъ лужи воришки, и прячутъ въ воротники лица взрослые.

И носятся, носятся со свинымъ, и дроздинымъ, и вѣтреннымъ воемъ машины — впередъ, назадъ спѣшатъ люди, устраивающіе жизнь. Вотъ раздастся вдругъ крикъ, и нахлестываютъ извозчики своихъ клячъ и гонятъ въ разныя стороны, чтобы не вести даромъ задавленнаго... Но и во всей гульливой этой и равнодушной жизни, какъ жадно ищутъ страдающіе глаза состраданія, и лишь въ одной бѣдѣ узнаютъ люди, что нынѣ имъ по пути, и вмѣстѣ идутъ тогда дальше минутку въ человѣ-

ческой близости, вѣрно познавъ уже единые и малые земные сроки.

За дождливымъ, сырымъ мартомъ — восходятъ кроткіе синіе дни въ лазури и золотѣ. Подсыхаютъ лужи, таетъ въ тѣни бурый снѣгъ, и счетокъ обмытый камень. Это весенняя надежда, и уже звучатъ въ тѣни бульваровъ свѣжіе, молодые голоса. Надъ землей, свободной отъ льда и снѣга, снова вѣтеръ, апрѣль, весна.

Сентябрь 21.
Москва.

АНДРЕЙ БѢЛЫЙ

„Я"

(СУМАСШЕДШЕЕ)

Предлагаемый вниманью этюдъ есть отрывокъ изъ повѣсти „Записки Чудака“. Содержаніе **„Я“** — вѣроятно покажется страннымъ. Прошу я читателя воспринимать эти строки — ну такъ, какъ воспринимаетъ онъ „Записки Сумасшедшаго“ Гоголя. Если въ этихъ послѣднихъ запискахъ герой вообразилъ себя испанскимъ королемъ, то въ предлагаемомъ очеркѣ герой **„Я“** воображаетъ, что въ него опустилось Я міровое — въ пробитое темя; произошло неописуемое событіе это, соединенье съ сознаньемъ космическихъ, — въ Бергенѣ (на горахъ); и — три года назадъ. Подплывая черезъ три года къ Бергену, герой, вызванный въ Россію (отбывать военную службу), не понимаетъ, на какую же родину онъ возвращается: на тѣлесную родину, иль на — духовную родину; онъ чувствуетъ, что его **„Я“** раздѣляется; одна половина несомнѣнно же сходитъ съ ума; а другая — чувствуетъ себя чашей, Граалемъ, въ который спускается духъ; перемѣщеніемъ сознанія страдаетъ герой **„Я“**.

Я въ моей „Эпопеѣ“ надѣюсь съ достаточной ясностью показать: перемѣщенья сознанія могутъ кончиться и не однимъ сумасшествіемъ, а чѣмъ-то бо́льшимъ, о чемъ говоритъ Ангелъ Силезскій.

Gott mag nicht ohne mich ein einzig's
Würmlein machen.
Er habt ich's nicht mit ihns, so muss er
stracks zukrachen.

Ну, въ сторону всѣхъ: воспринимайте „Я“ такъ, какъ воспринимаете вы „Записки Сумасшедшаго“ Гоголя. Въ сторону немногихъ: я описываю совершенно реалистически факты сознанія, съ которыми скоро мы встрѣтимся въ жизни; мы на порогѣ образованія въ насъ новыхъ душевныхъ болѣзней; но — помните: не всѣ болѣзни — болѣзни; средь новыхъ болѣзней и — пропасти новаго сверхчеловѣческаго сознанія.

Берлинъ, 20. II. 22 года. *Авторъ.*

ТО — СМЕРТЬ.

Длилась ночь.

Посрединѣ пространства летающей палубы я прислонился къ трубѣ парохода: летали пространства рыдающимъ гудомъ: направо, налѣво, впередъ и назадъ; нападали на носъ, на корму, на бока парохода; дробились пѣнами, шипами, блесками; надъ трубою взлетѣвъ, стая искръ опадала; и гасла: въ рыдающемъ гудѣ; и пѣны и плески валились черезъ бортъ; опадали струею воды; перелетали по палубѣ; и — заливали калоши.

Меня одолѣла безвещность летающихъ далей: и роемъ, и плескомъ; вотъ носъ, зарываясь въ безобразность брызгъ, меня мчалъ — въ никуда и въ ничто: никуда и ничто не осилитъ; стояла горластая молвь всѣхъ нарѣчій — англійскаго, русскаго, шведскаго, датскаго! — въ визгѣ хлеставшей безмѣрности, въ выхлестахъ ночи; прошелъ молчаливо суровый матросъ на коротенькихъ ножкахъ, держа надъ собой фонарикъ — мигавшее око; мелькнули въ столбѣ неживого какого-то свѣта мнѣ прочертни мачты, канатъ и высоко приподнятый мостикъ, откуда крѣнилась въ пространство фигура; мелькнули— и нѣтъ ничего, кромѣ говора выхлестовъ, пьяно плясавшихъ за бортомъ вихрастами гребнями и — упадавшихъ за бортъ, приподнявши его; хлестко шлепались гребни о деревянную палубу, перелетая за бортъ и отдавали со-

леныя брызги на просвистни вѣтра; и въ просвистни несся фонарикъ на мачтѣ средь рваныхъ тумановъ: ничто наступало, ничто обступало, ничто отступало: въ ничто.

. . . . . .

Знаю: въ брызгами льющій, въ холодный, въ соленый просторъ низлетаю извѣчно изъ брызгъ рокового простора; въ каютѣ-компаніи я проживалъ, какъ и всѣ,—тамъ: подъ малою палубою, отдѣляющей жизнь отъ ничто; я сошелъ подъ покровы тѣлесности; и — подъ палубой жилъ, путешествовалъ, мыслилъ, боролся, любилъ; послѣ — умеръ: поднялся по лѣсенкѣ — посмотрѣть на дѣйствительность, отъ которой подъ малою палубой прятались мы; и — попалъ въ послѣ-смертное: въ брызгами льющій, въ темнотный, взлетающій міръ изъ... такого же точно холоднаго міра: мое пребыванье въ каютѣ-кампаніи — въ жизни — моментъ.

Этотъ брыжжущій просвистень — просвистень міра, въ который опущено тѣло; я — вышелъ изъ тѣла.
И тѣло теперь, разлагаясь, качается въ зыби; въ неизъяснимость иныхъ измѣреній растаетъ оно.

— „Не осилить“...

— „Ничто“...

Уже проходили матросы, одинъ приподнялъ неживою рукой круглоглавый фонарикъ; мелькнули въ лучѣ невысокія прочертни мачты, канаты, фигуры:

— „Насъ много!“...

Я понялъ, что эти фигуры — лемуры...

. . . . . .

Онѣ появились давно: въ годъ войны: провожали повсюду меня — на прогулкахъ въ трамваѣ; гонялись

по Базелю, Дорнаху; я, ухватившись за Нэлли, не разъ озирался, спускаясь съ холма:

— „За деревьями прячетеся кто-то!“

Шептали деревья:

— „Насъ — много!“

Я видѣлъ фигуры: фигуры лемуровъ.

. . . . . .

Я — умеръ: не здѣсь — еще въ Лондонѣ (при возвращеньи на родину изъ далекаго Дорнаха): не было Лондона: смерть отъ разрыва — мгновенная смерть! — была въ Гаврѣ; и даже не въ Гаврѣ...

Я умеръ на бернскомъ вокзалѣ; мой трупъ отвезли уже въ Дорнахъ; и Нэлли, — хоронитъ меня; возвращенье на родину есть возвращенье въ старое — въ то, что забылъ, но, что помнилось въ первые миги сознанія.

Спорилъ:

— „Близъ Бергена Я!“

Отвѣчали:

— „Нѣтъ Бергена!“

— „Нѣтъ ничего!“

— „Никого!“

Даже не было Лондона: мысль о Парижѣ и Лондонѣ въ мигъ умиранья держалась; и наконецъ мысль затаяла: образы многомѣрныхъ пространствъ, закипающихъ гудами, шипами, блесками и создающихъ въ сознанье, привыкшемъ цѣпляться за сгустки изъ чувственныхъ образовъ — впечатлѣніе моря, — возстали: —

— зарывшись
въ безобразность брызгъ я летѣлъ отъ Нюкастля до Бергена;

шлепалось о деревянную палубу, перелетая за бортъ, все, что есть; знаю —

— Въ первое

время по смерти иллюзія ощущеній живетъ, какъ огромное тѣло, въ которомъ любой кожный пунктъ ощущая себя отстоящимъ отъ ближняго пункта на разстояніи, равномъ пространству, положенному отъ земли до луны; и всѣ пункты, тоскуя, себя сознаютъ голосящими:

— „О!“

— „Навсегда: ничего, никого“.

Еслибы сознаваніе разложенія тѣла собрать въ смутный образъ, то онъ походилъ бы на грозный ландшафтъ океана гдѣ качалась бы прошлая жизнь, улетая, какъ лодка въ обратномъ порядкѣ до мига рожденья; — дорожденное встало бы...

Прочертилась луна изъ за рваныхъ тумановъ: и тамъ — протуманилась даль; и вставали огромныя волны, рыдающимъ гудомъ бросая на бортъ парохода кипящіе фосфоры; приподнявъ воротникъ у пальто, принадвинувъ на лобъ засырѣвшую шляпу съ полями, брюнетикъ, еврей изъ Ньюкастля, страдающій, какъ и я, подобравшись ко мнѣ, посмотрѣлъ на меня и прошлепалъ сырыми губами мнѣ на ухо:

— „Въ Россію?“

— „Да“.

— „Призваны на военную службу?“...

— „Да, прызванъ, а вы.“

— „Тоже призванъ“...

Соленые выплоски шлепнулись, фосфорѣя, съ размаху; и — промочили мнѣ ноги:

— „Ааа... ааа“ ...

— „Еще долго намъ маяться“.

— „Вамъ очень долго, а мнѣ лишь до Бергена“ ...

— „Какъ, почему“.

— „Но послушайте“ лепетала фигурка „послушайте: стыдно вамъ, взрослому человѣку спѣшить на побоище“... Глазки фигуры блеснули.

Да, да: въ голосящій, въ топочущій, дующій пузырями просторъ я кидался, безумствуя, изъ мигающей пѣны: засмертные свистени, перелетая чрезъ бортъ, упадали въ такіе же свистени дорожденнаго міра.

. . . . . .

„Я — есмь“ послѣ смерти моей оказалось въ томъ именно мѣстѣ, гдѣ „есмь“ ощущало себя до рожденья; протянуто было сознаніе къ дѣтскому тѣлу, которое вскорѣ услышало гулъ необъятности за стѣнами голубенькой дѣтской.

Такъ молніей пронизала меня моя жизнь...

. . . . . .

И блеснула луна, озаряя безмѣрности; палуба опустѣла; я думалъ что блескъ, успокоившій все, водворившій покой (хорошо изъ внѣ жизни разсматривать бывшую жизнь.) — мысль меня утѣшающей Нэлли; мы мыслями помогаемъ покойникамъ; души ихъ, переживая міръ чувствъ, какъ ландшафты, отчетливо знаютъ, когда помогаемъ мы мыслямы имъ; ихъ ландшафты души проясняются блесками мыслей о нихъ.

— „Это — Нэлли“ ...

Луна, озарявшая все — Мысли Нэлли.

. . . . . .

На мокрой поверхности палубы я прислонился къ трубѣ парохода; летали пространства рыдающимъ гудомъ: направо, налѣво, впередъ и назадъ; нападали на носъ, на корму, на бока парахода; дробилися пѣнами, шипами, плесками, блесками; надъ трубою взлетѣвъ, стая искръ, опадала; и — гасла: въ рыдающемъ гудѣ; средь роевъ и плесковъ протянутый носъ парохода, кивая, бѣжалъ въ никуда, гдѣ горластая молвь всѣхъ нарѣчій — англійскаго, русскаго, шведско-норвежскаго, датскаго! — слышалась явственно въ выхлестахъ ночи.

Прошелъ молчаливо суровый матросъ на коротенькихъ ножкахъ, держа круглоглавый фонарь; и — мелькнули въ столбѣ желтоватаго свѣта: мнѣ — прочертни мачты.

МОЯ БІОГРАФІЯ.

Знаю: душа, сбросивъ тѣло, впервые читаетъ, какъ книгу, свою біографію въ тѣлѣ; и видитъ, что кромѣ своей біографіи въ тѣлѣ еще существуетъ другая, которая есть біографія — собственно.

. . . . . .

Знаю, что въ жизии моей ѣсть двѣ біографіи: біографія насморковъ, потребленія пищи, сваренія, прочихъ естественныхъ отправленій; считать біографію эту — моей — все равно, что считать біографіей біографію этихъ вотъ брюкъ.

Есть другая: она безпричинно вторгается снами въ бессонницу бдѣнья: когда погружаюся я въ сонъ, то сознанье витаетъ за гранью разсудка, давая лишь знать о себѣ очень странными знаками; снами и сказкой.

Пересѣкаются параллельныя линіи двухъ біографій въ единственной точкѣ: въ первѣйшемъ моментѣ сознанья.

. . . . . .

Его я запомнилъ: онъ — то, что въ себѣ не могу назвать сномъ; и онъ — то, что въ себѣ я не могу назвать бдѣніемъ, потому что и бдѣнье, и сонъ предполагаются обособленными; первый моментъ сознаванья рисуется памятью явно отличнымъ отъ бдѣнія; сномъ я назвать не могу этотъ мигъ, потому что мнѣ не было отъ него пробужденья.

Представьте себѣ: —

— птеродактили сохранились еще на одномъ только островѣ, гдѣ-то затерянномъ въ океаническихъ даляхъ; однажды корабль подошелъ къ тому острову: маленькій мальчикъ случайно провелъ на немъ ночь: и — увидѣлъ послѣдняго гада; потомъ мальчугана нашли: онъ пытался матросамъ сказать, что съ нимъ было: матросы — не поняли; мальчикъ забылъ что онъ вндилъ: —

— прошло много лѣтъ —

— онъ состарился, переживая современниковъ; старцемъ уже вспомнилъ сонъ —

— безобразный драконъ оцарапалъ его, размахавшись колючками перепончатыхъ крыльевъ: и старецъ сказалъ себѣ —

— „Этого гада я гдѣ-то ужъ видѣлъ“.

Представьте себѣ: —

— его сынъ, знаменитый художникъ: нарисовалъ фантастическій образъ, надъ скалами острова —

— какъ на младенца кидается страшный драконъ, раскачавшійся въ воздухѣ зубьями перепончатыхъ крыльевъ: —

— наслѣдственность передала этотъ образъ отца, разлитой вмѣстѣ съ кровью

во всемъ организмѣ, — художнику — сыну. А старецъ —

— увидѣвъ картину дракона, напавшаго зубьями перепончатыхъ крыльевъ на мальчика, —

— сталъ бы, взволнованный, заговоривъ самъ съ собою:

— „Я — видѣлъ“ . . .

— „То самое“ . . .

— „Гдѣ это было?“

И вдругъ бы — все вспомнилось. Островъ: и — ночь; и — чудовищный гадъ, размахавшійся зубьями перепончатыхъ крыльевъ; но „старецъ“ бы понялъ, что этому все равно не повѣрятъ; на островѣ памяти старецъ бы видѣлъ себя отдѣленнымъ отъ всѣхъ:

— „Я — одинъ“ . . .

— „А ужасная гадина — близко“.

. . . . . .

Такъ сказочность перваго мига есть быль:

— „Нѣтъ, не сонъ это все“.

И Мнѣ ясно: —

— за моремъ невнятности моего обыденнаго сна мнѣ рисуются памятью берега континентовъ, гдѣ въ стаѣ драконовъ, махающихъ зубьями перепончатыхъ крыльевъ, живутъ „птеродактили“ памяти, и предшествуютъ воспоминанію о моментахъ обыденной жизни.

Мой мигъ — насквозь память: о чемъ? Содержаніе памяти возникаетъ впослѣдствіи: папа и мама, и няня, и дядя, и тетя, и — прочее. . . Но, въ ощущеніяхъ

безпредметности, нахожу я предметами — „п а м я т ь“: о кругѣ предметовъ, которые послѣ не встрѣтились мнѣ ни въ кошмарахъ, ни въ снахъ, ни въ реальности прозы. Такъ сны ощущаются мутью угасшаго взора, который еще по привычкѣ старается видѣть.

Они указуютъ: на содержаніе памяти; но содержаніе это — опять таки: п а м я т ь; на днѣ своихъ сновъ нахожу п а м я т ь п а м я т и п е р в а г о м и г а, сонъ сна....

. . . . . .

На сознаніе падаютъ мороки словъ, что родился когда-то въ Москвѣ; изъ тумановъ растетъ представленье иллюзіи: мѣста рожденія; но я забылъ, г д ѣ родился; когда разступились туманы иллюзіи, то обнаружилось: въ мѣстѣ рожденія — дыры.

И нѣтъ, не исторія жизни: мое пребыванье въ арбатской квартирѣ, гимназія, лекціи.

Я полюбилъ Метерлинка за то, что меня повернулъ на себя его міръ; пятилѣтній младенецъ міры Метерлинка носилъ я; читая „Слѣпыхъ“, чрезъ одиннадцать лѣтъ и припомнилъ: „священникъ“ завелъ меня въ дебри, и — бросилъ: въ углахъ. Метерлингъ лишь — напомнилъ... Напомнили образы в ѣ д ь м ы мнѣ: в ѣ д ѣ н ь е силъ, проростающихъ въ ощущеніяхъ дѣтства; и ч о р т ъ былъ ч е р т о й, за которой встрѣчалъ меня міръ; ч о р т ъ — ч е р т а: она тѣнь.

Отойдя за ч е р т у, гдѣ Само обитаетъ, за чтеніемъ „З а р а т у с т р ы“, я вспомнилъ что ч о р т ъ — моя самость: и черти — исчезли.

Самосознаніе вспомнило часъ, когда я прочиталъ т и х і й ч а с ъ Заратустры: отъ этого часа кричалъ по ночамъ.

Ницше — память о прошломъ: не знай я въ себѣ, что роилось въ сознаніи Ницше въ моментъ „Заратусты“, его бы — не понялъ я; въ чтеньѣ затеплилась: жизнь моей жизни, (какъ память о жизни, которая протекала во мнѣ до рожденья); „вліянія“ — память о собственномъ дѣйствіи; и потому-то исторія литературныхъ вліяній читается только въ обратномъ порядкѣ.

Шестнадцати лѣтъ все прочтенное перекрестилося въ точку и бросило блески впередъ и назадъ; все — отчетливѣй вспомнилось.

. . . . . .

Помню: весенній денекъ; перелетаютъ отъ крыши сосѣдняго дома изъ рваныхъ тумановъ вороны: на крышу сосѣдняго дома; торчитъ вдалекѣ каланча: на ней — шаръ: это гдѣ-то пожаръ; я — начитанный отрокъ, ведущій дневникъ, застаю въ кабинетѣ отца втихомолку читающимъ книги — себя: надъ „Вопросами Философіи“ я. Переводъ Вѣры Джонстонъ. „Отрывки изъ Упанишадъ.“ Начинаю читать.

Кое что понимаю я въ Боклѣ; и понялъ я все въ „Бережливости“ Смайльса; я даже читалъ Карпентера.

А это — невнятно.

Слова перелетаютъ изъ строчекъ на душу, сквозь душу — куда? Видишь — вотъ, а понять, что рисуется тайнами словъ — невозможно; душа предо мною моя — вся сквозная.

И отрываюсь отъ чтенья: ворона — ворона-ли? Ахъ, другое какое-то все; непонятно, невидимо. . .

Было. Когда это было? Я тутъ начался; низлеталъ: изъ вотъ этой невнятицы.

Нѣтъ, никогда не входилъ въ эту комнату; нѣтъ, не развертывалъ Бокля. Не росъ, не учился; и нѣтъ —

не родился: рожденіе, ростъ, пониманіе, чтенье — орнаментъ; я вижу ряды миніатюръ; вотъ все т о, что себя сознавало и то, что собя сознаетъ, — занавѣска, отдернутая передъ вѣщей страницею.

Въ „Упанишадахъ“ я жилъ до рожденія.

. . . . . .

Родился для п а м я т и съ этого мига; и, какъ безумный, стоялъ безъ единаго слова; мнѣ чудился взглядъ — безъ единаго слова, рождавшій меня; на себѣ съ той поры ощущалъ этотъ взглядъ я; лица устремленнаго взгляда не видѣлъ: и встрѣтилъ лишь послѣ.

— О н о: —

— его — нѣтъ; и „оно“ — все же есть; все, что было со мной, все то было во мнѣ: —

— возмущеніе водъ: буря на — морѣ, — Голосъ Безмолвія:

— „Жди меня“.

— „Въ маревѣ“ . . .

— „Жди“.

— „Я — раздамся!“

. . . . . .

РАЗВИТІЕ.

„Упанишады“ наполнили душу, какъ чашу, тепломъ.

. . . . . .

Устремленіе болѣе позднихъ годовъ начерталось Ведаитою: Упанишадами; и —

— Шопенгауэръ былъ зеркаломъ; въ немъ отразилась Веданта, такъ именно, какъ отразился въ Ведантѣ —

— Я,
Самъ.

. . . . . .

Возвращаясь домой (изъ гимназій), я затворялъ двери комнаты: броситься духомъ въ ничто —

— и восчувствовать знаніе той стороны . . . .

. . . . . .

Помню: дѣлая видъ, что готовлю уроки, порой замѣчалъ, что часами сижу, отдаваясь въ ничто, иль внимая полетамъ мелодій, звучащимъ мнѣ издали; я замѣчалъ, что отдача — особаго рода наука: летанья на звукахъ; —

— въ летаньяхъ на звукахъ
учился я памяти: —

—„Да это —было“.

„Это“ росло, застилая все прочее; бросилъ науки; и вотъ педагоги отмѣтили, что воспитанникъ Б*_** — сталъ лѣнтяемъ; онъ сталъ —

— пессимистомъ, буддистомъ.

И змученный жизнью, которой учили меня, — прозрѣвалъ. Пессимизмъ былъ несознаннымъ переходомъ къ багатой, клокочущей жизни, которая вскрылась впослѣдствіи.

. . . . . .

Первые миги мои какъ бы сны: сны во снѣ; мои миги вторые — кошмары, въ которыхъ живетъ память прежняго; только впослѣдствіи зажигаются миги, которые мнѣ становятся воспоминаніями о бывавшемъ; они вытѣсняютъ мнѣ первые миги, которые сны прорѣзаютъ, какъ молніи.

. . . . . .

Гдѣ критерій оцѣнки событія сновъ?

— „Никогда не бываетъ“ . . .

— „Живемъ на землѣ“. . .

— „Не летаемъ“. . .

— „Родимся естественнымъ образомъ“. . .

Я попугай, повторяю за взрослыми, позабывъ факты памяти:

— „Сонъ“. . .

— „Не летаемъ“. . .

— „Родимся естественнымъ образомъ“. . .

Я, опрокинувши ложные догматы, потрясенный твержу.

— „Вспомнилъ“.

— „Вижу себя: я — лечу, пересѣкая пустоты и вспоминая, что я оторвался отъ родины“. . . .

— „Было“. . .

. . . . . .

Подъ брызгами, въ выхлестахъ ночи, два мига скрестились во мнѣ: пребыванье на палубѣ парохода „Г а к о н а С е д ь м о г о“; и — пребыванья въ разлетахъ загробнаго, гдѣ летѣлъ, огибая тѣлесную жизнь, въ правду перваго мига; стихіи, какъ звѣздное небо, объемлютъ рожденье и смерть; и изъ смерти видна намъ тропа нашихъ странствій до мига рожденія.

Пароходикъ! Корма — мигъ рожденія; носъ — заостреніе въ смерть; я забѣгалъ по палубѣ: отъ рожденья до смерти; и — повернулся назадъ: за кормою я видѣлъ, что —

— пѣны плевались, слагаясь въ бѣлоусые гребни; и — шлепались въ палубу; дали за ними ходили: рыдающимъ гудомъ и мощными массами; изъ тумановъ бѣжала луна; фосфорѣющимъ блескомъ узоры орнаментовъ строились —

— эти орнаменты мы рисовали когда-то, какъ просвѣты черезъ миги сознанія —

— строились жизни загробныхъ и до-рожденныхъ міровъ.

Біографическая дѣйствительность до вступленія моего на пароходикъ „Гаконъ“ рисовала меня: малымъ мальчикомъ, гимназистомъ, студентомъ, писателемъ, „дорнахцемъ“, „лондонцемъ“, наконецъ, — пассажиромъ на палубѣ парохода „Гакона“, откуда открылось: —

— все —

вздоръ: біографія начинается съ

памяти о летаніяхъ въ космосѣ: мощными массами —

— какъ летаютъ огромными, мощными массами волны —

— дальнѣйшее: навыки, кодексъ понятій, искусственно созданный, какъ привычка сосать каучукъ,—

—возникало, какъ память о жизни сознанія, заключеннаго подъ сырою, луганскою шляпой, гуляющей здѣсь: эта память о жизни — фантазія: память о томъ, чего не было . . . —

— Что жъ было? —

— Безвещность летающихъ далей, гдѣ носъ парохода, зарывшись въ безуміе брызгъ, уносилъ: въ никуда, прокричавшее роемъ нарѣчій: направо, налѣво, впередъ и назадъ. . . —

— Я спустился въ каюту-кампанію, легъ на диванъ: накрѣнялась стѣна: все трещало, отчаянно хлопали двери: направо, налѣво; шатаяся, шла блѣднолицая дама, подпрыгнула, ухватилась за столъ: и стремительно понеслась прямо въ дверь надъ стремительно изъ подъ ногъ убѣгающимъ поломъ.

Дверь хлопнула.

Лампы качались: графинчикъ съ водою подскакивалъ; ноги мои высоко возлетали, неравномѣрно качаясь; потомъ упадали; подъ ложечкой странно пустѣло: морская болѣзнь!

ГДѢ „Я“?

Ощущаю толчки: пробужденія, припоминанья о старомъ; —

— отъ нихъ осыпается все, чему учатъ —

— приходятъ не спроста; иную зависимость чую въ событіяхъ я; не умѣю я складывать буквы событій въ слова: поражаетъ еще начертаніе знаковъ.

Пока я живу очень смутною мыслью о фактѣ, котораго не было: жду его годы: и вотъ —

— проясняется прошлое, непрояснимое прошлымъ. Событіе „фактовъ“, влетающихъ въ жизнь, точно взрывы во мнѣ; безпричинный, мгновенный разрывъ объясняетъ прошедшее; и причина приходитъ позднѣй ея дѣйствій, которыя — рокъ: стѣны жизни качаются.

. . . . . .

На пароходѣ „Гаконѣ“ — свершился чудовищный взрывъ: разлетѣлись отъ дѣйствія мысли моей проскрипѣвшія стѣны „каюты-компаніи“, столъ, за которымъ сидѣли —

— сѣдѣющій шведъ,

— два еврея,

— курьеры,
— брюнетъ, —
— закурился въ прищуренномъ взорѣ моемъ, разлагаясь на пляску летающихъ линій, кипящихъ въ моей медитаціи, залетали рыдающимъ гудомъ: направо, налѣво; „буль-буль“; — кипятился во мнѣ мой пространственный обликъ: „хлопъ“ — лопнулъ. „Буль-буль“ кипятился норвежецъ: и лопнулъ — „хлопъ.“ —
— истинно: — всѣ восторги, всѣ ужасы, — лишь осадки моихъ всекипящихъ сознаній; совершались они въ глубинѣ моей личности; выпали — послѣ во внѣ, когда личность во мнѣ разлетѣлась на части: —
— мальчишки меня подбирали на улицѣ!

. . . . . .

Да: катастрофа Европы и взрывъ моей личности — то же событіе: да — я прообразъ; во мнѣ — нѣчто странное: храмъ Чело Вѣка.

Можетъ быть, „Я“ единственный въ нашей эпохѣ дѣйствительно подошелъ къ... жизни въ „Я“. Удивительно-ли, что мое появленье въ Швейцаріи, Франціи, Англіи, порождало тревоги и ужасъ. „О н и“ — смутно чуяли...

„Я“ и весь міръ — пересѣклись во мнѣ.

Соединеніе съ космосомъ совершилось во мнѣ; мысли міра спустились — до плечъ; лишь до плечъ „Я“ — свой собственный: съ плечъ поднимается куполъ небесный.

Я собственный черепъ, снявъ съ плечъ, поднимаю, какъ скипетръ, рукою моею.

ПЕРЕДЪ БЕРГЕНОМЪ.

Ставангенъ.

Прибрежье зеленыхъ горбовъ, и — промойныя трещины въ очертни старыхъ боковъ, округленно слетающихъ къ струямъ, — купаться въ сквозной живолетъ переблесковъ и въ лепеты разговорчивой влаги — прибрежье летѣло, неся на горбѣ просинь сосень и яркіе запахи смолъ оголенныхъ стволовъ.

Распахнулся фіордъ, принимая сырѣйшія прѣлости моря, заторами мертвыхъ плотовъ и затонами бревенъ; вотъ прочертень красной кормы парохода, взревѣвшаго въ запахи соли и смѣси вѣтровъ; пароходъ, задрожавши, шелъ въ море, чтобъ, можетъ быть, въ морѣ наткнуться на мину; стояли норвежцы, кивая ушастыми шапками; фыркалъ дымокъ раскуряемыхъ трубокъ; и я, и товарищъ махнули платками:

— „Го, го“.

— „Добрый путь“.

— „Не наткнитесь на мину!“

Уже потянуло испорченной рыбой.

Ставангенъ.

. . . . . .

Внимали мы вѣющимъ лепетамъ водъ, засмотрѣлись во все бирюзовое, что крѣпчало лазурями; крѣпло — окрѣпло; и — стало: сіятельной синькой: сказали дру

другу о томъ, чего нѣтъ: закачались въ разрѣзахъ фіорда, прошедшаго къ Бергену; —

— въ громкомъ, настойчивомъ говорѣ всѣхъ пассажировъ, пріятно взволнованныхъ тѣмъ, что прошли безъ несчастій въ спокойныя воды фіорда; и вѣяли дамы разлетами синихъ и палевыхъ шалей на насъ; два высокихъ шотландца приблизились, фыркнули трубками.

— „Га".

— „Это — о н ъ".

— „Онъ — опять появился".

— „Олл-райтъ" . . .

Закачались на лепетахъ тихо озыбленныхъ водъ, оставляя крутою кормою ярчайшія полосы; и — огибали облуплины каменистыхъ подножій; въ лазуревомъ утрѣ пошли острова, островки, обрастая гребнистой щетиной, и — вѣя смолою; за нами уже раскроилась земля гдѣ-то издали: красными кровлями —

— Бергена,

мнѣ сошедшаго свыше три года назадъ . . .

. . . . . .

Здѣсь три года назадъ совершился мой „мигъ", разрывающій все, раздавался какъ солнечный міръ, освѣтляющій все; и — отсюда слетѣло огромное что-то въ меня: во мнѣ жило, любило меня; и — раскинулись кущи, гдѣ я пребывалъ сорокъ восемь часовъ и откуда прошелъ я дивяся и радуясь миссіи, мнѣ предначертанной, — въ тайныя вечери; благословилъ Копенгагенъ меня; мы торжественнымъ шествіемъ проходили Берлинъ: въ мои ночи — въ саду Геѳсиманскомъ —

— и послѣ —

— упала колючая участь, терзая чело; тотъ вѣнецъ я надѣлъ въ

дни паденья Варшавы и Бреста; приподнялъ свой крестъ; и — безропотно нынѣ несу его Родинѣ; тамъ, водрузивши, отдамъ мое тѣло приставленнымъ воинамъ; посерединѣ арбатской квартиры повисну, уставившись глазъ остеклѣлою впадиной — въ темени.

. . . . . .

— „Бергенъ! Ты — горы, огромныя горы Ѳавора, сошествіе Духа во мнѣ... Освѣтилъ, опустился изъ воздуха: Бергенъ!“

. . . . . .

Прошли острова, островки; ужъ раскроины почвъ, набѣгая, распались на красныя кровли; лѣсъ мачтъ, накрененныя трубы, какая-то пакля канатовъ; и — домики, домики, домики отовсюду стояли квадратами, какъ... подбородки норвежцевъ, глядѣвшихъ на насъ изъ толпы проходимцевъ и шкиперовъ.

Вотъ—переброшенъ канатъ; перекинуты сходни; и—сходимъ, толкая другъ друга: тюками, кардонками и боками глухихъ чемодановъ — въ горластую молвь всѣхъ нарѣчій: англійскаго, русскаго, шведско-норвежскаго, датскаго, въ пересыпь изъ матросовъ всѣхъ странъ, соглядатаевъ, спекулянтовъ, воровъ, коммерсантовъ, агентовъ.

. . . . . .

— Такъ „Я“ въ багряницѣ, въ терновомъ вѣнцѣ проносилъ на плечахъ кипарисовый крестъ съ парохода „Г а к о н а“ — вдоль гавани —

— въ городъ.

ТРИ ГОДА НАЗАДЪ.

Никогда не забуду.

Мы ѣхали изъ Христіаніи въ Бергенъ: три года назадъ — въ сухолистіяхъ осени; въ дни, когда въ насъ созрѣвали плоды многолѣтнихъ стремленій...

Уже съ Христіаніи раздавались холмы, поднимаясь — въ горбы; громоздились они; ощетинились свыше лѣсами; семья многохолмій возвысилась въ міръ многогорбій, въ которомъ, ощерясь ущельемъ, садились горбы на холмы; многорослымъ объемомъ приподнятыхъ горъ пообставились промутни дальнихъ прозоровъ; и — стойкими высями высились въ воздухѣ гранныя массы; —

— уже въ Христіаніи мысль облетала, обвѣясь; и — свѣявъ мнѣ подъ ноги жизнь сухомыслія, высились смыслы въ мірахъ много-образій; я изъ ущелія плоти прошелъ: въ непомѣрный обьемъ раздававшихся истинъ до — дальнихъ прозоровъ о судьбахъ моихъ; —

— и возвысились цѣли, подъятыя къ небу (гигантомъ) въ столѣтіяхъ времени; вотъ —

— Кто-то Древній,

поднявъ изъ за міра моихъ превозвышенныхъ мыслей —

— свой Ликъ —

— Поглядѣлъ въ мое сердце; и въ немъ отразился, какъ въ озерѣ, съ кручи; я видѣлъ Его отраженье во мнѣ; и къ себѣ самому припадая, коснулся я Лика; —

— но въ ряби сердечныхъ волненій сіяющій Ликъ раздробился во мнѣ милліонами блесковъ... —

— огромная поросль лѣсовъ, шелестя сухолистьемъ, открыла краснѣвшую недоросль мховъ и суровыхъ безлистій; уже облетали лѣсами всѣ твердыя толщи склоненныхъ преклоновъ: стояли сплошные гиганты каменьями времени; и далекій зубецъ, —

— какъ сіяющій клыкъ —

— пробѣлѣлъ надъ отвѣсомъ; и — скрылся; другой; и — повсюду надъ твердыми толщами яснились снѣжные зубы: въ лазури; свѣтло и зубчато смѣялась окрестность, придвинувшись къ поѣзду граннымъ отвѣсомъ; ползли ледники, провисая серебряной массой по смутнымъ уступамъ: —

— вотъ тутъ появилась сестра, постигавшая тай-

ны мистерій; она говорила о томъ, что: —

— возвысились цѣли въ столѣтіяхъ времени; и — поглядѣла мнѣ въ сердце; ея ослѣпительный взглядъ посединѣ разъятаго сердца зажегъ мое Солнце; и я, припадая къ себѣ Самому, припадалъ не къ себѣ Самому; —

— въ то мгновенье прошелъ по вагону кондукторъ, оповѣщая, что мы въ высшей точкѣ подъема отъ Христіаніи къ Бергену; насъ защемило ущелье; и — грохотно удушало туннелями; въ вылетахъ — въ воздухѣ висли вагоны, несясь къ остановкѣ.

И вотъ — остановка; и вотъ, цѣпенѣя въ незвучіяхъ свѣта, стояли вагоны; сбѣжали изъ поѣзда: къ синему озеру; ноги хрустѣли ледкомъ; мы приподняли рогъ молодого оленя, здѣсь сброшенный; грудь обжигало озономъ; въ груди же стояло:

— „Узналъ тебя: „Я“.
— „Ты — сошелъ мнѣ изъ воздуха“.
— „Ты — освѣтилъ мнѣ“ . . .
— „Ты — шествіе въ горы“.
— „Ты — горы“.
— „Сошествіе Духа во мнѣ“. . . —

— Но — звонокъ; поѣздъ тронулся; дальше вагоны бѣжали по воздуху; въ грохотно бившемъ туннелѣ давились мы дымами; щелкали стекла вагоновъ, взлетая; и — падая въ вылетахъ; снѣжная линія —

— приподнялась; и—прощально глядѣла намъ вслѣдъ; и — по-

слѣдній зубецъ, какъ воздушный, сіяющій клыкъ, тамъ осклабился свыше: за пятнами промути; —

— тамъ прозирались дожди въ непрозорной дали; снова: стойкими высями высились въ воздухѣ гранныя массы; торчали безснѣжныя плѣши; и малый кусточекъ уже подбирался на лобъ гололобой скалы: подобрался; и линія красныхъ лѣсовъ возошла по уступамъ, облекши міры многогорбій въ свою багряницу — надъ синимъ фіордомъ; слетали мы къ Бергену; міръ многозубій мягчился, круглясь многогорбіемъ; скоро уже побѣжало нелѣпіе крышъ въ велелѣпіе горъ: —

— такъ прибыли въ Бергенъ три года назадъ.

И уже солонѣли вѣтра.

Гдѣ все это?

БЕРГЕНЪ.

Нынѣ Бергенъ центральнѣйшій узелъ сношеній между Россіей и Англіей, гдѣ съ послѣдняго парохода бѣгутъ, чтобъ визоровать паспортъ, иль — получить на проѣздъ въ третьемъ классѣ одну или двѣ сотни кронъ: —

— тотъ подтянутый франтикъ въ огромнѣйшей шляпѣ съ полями (навѣрное, русскій, хотя обитатель Италіи), старый, пейсатый, еврей съ изможденнымъ лицомъ Іереміи, моргающій красными глазками въ солонѣющій вѣтеръ, матросы, солдаты — все русскіе! — слышалъ родную я рѣчь, наблюдалъ я солдатскія лица: стоялъ перекошенный рядъ металлическихъ трубъ надъ боками крутыхъ пароходовъ, сроившихся въ гавани — красныхъ, зеленыхъ, оранжевыхъ, сѣрыхъ и черныхъ, лѣсъ мачтъ; и — какая то пакля канатовъ; прошелъ круглоглавый лопарь на коротенькихъ ножкахъ, сѣрѣя чешуйчатымъ коростомъ не смываемой грязи; глядѣли квадраты глухихъ подбородковъ, поросшіе войлокомъ.

Вотъ и торговая улица; преткновенье людей, толчея, горлатня; окна лавокъ; — воняли кислятиной башенки рыбныхъ жестянокъ.

И „Эриксенъ“, вывѣска, вѣроятно, висѣла здѣсь; коли не здѣсь, такъ — по близости гдѣ-нибудь; не

обойдутся без вывѣски „Эриксенъ“ громкія лавки норвежскаго порта; —

— и Эриксенъ здѣсь же расхаживалъ: онъ — съ серьгою въ широко разставленномъ ухѣ; курилъ свою трубочку, въ... желточайшемъ жилетѣ, болтающемъ камушки цвѣтоглазой цѣпочки часовъ; онъ съ фру Эриксенъ: миловидной блондиночкой, во всемъ вязанномъ; и — такого зеленаго цвѣта, что больно глядѣть: зеленѣе зеленой травы, зеленѣе зеленаго моря; тотъ цвѣтъ — цвѣтъ Норвегіи; ткани, вязанья — такого зеленаго цвѣта, что больно глядѣть; —

— голубое и желтое иногда со вплетеніемъ красныхъ полосочекъ — Швеція (шведы такъ много ѣдятъ, что...).

Да, „Эриксенъ“, „Эриксенъ“ — я не только читалъ про него: я и видѣлъ его; это вѣрно, какъ то, что на улицахъ Копенгагена попадается „Андерсенъ“: и живетъ припѣваючи, въ датскомъ мѣстѣчкѣ; что въ Даніи „Андерсенъ“, то здѣсь „Эриксенъ“; онъ развѣсилъ пестрѣйшія вывѣски: въ Бергенѣ, Христіаніи, Гетеборгѣ, Трондгеймѣ... Торгуетъ: пенькою, канатами, ворванью, сельдью; и — гонитъ по рѣкамъ стволы обезвѣтвленныхъ сосенъ: въ окошкѣ летящаго поѣзда можете вы наблюдать: передвиженье сосновыхъ стволовъ по рѣкѣ — до затора, откуда ихъ крючьями тянетъ, крахтя къ каменистому берегу, можетъ быть финнъ, или даже сѣдой, круглоглавый лопарь на коротенькихъ выгнутыхъ ножкахъ, —

— сосновыя бревна по рѣкамъ Норвегіи гонитъ опять таки, Эриксенъ... Гамсунъ — писалъ о немъ. Я — его видѣлъ.

То — Бергенъ: и здѣсь, какъ и въ Лондонѣ, гнались за мною „о н и“; хохотали „о н и“ надо мною; горластая молвь всѣхъ нарѣчій уже раскричалась: направо, налѣво, впередъ и вокругъ.

Мнѣ казалось, что этотъ прохожій шатунъ въ морской шлапѣ и въ кожанныхъ брюкахъ, раздвинувшій ротъ, на меня прокричалъ желтозубіемъ, свиснувши въ вышибень:

— „Посмотрите-ка“.

— „О н ъ“ . . .

Генрикъ Ибсенъ, надвинувъ на лобъ старомодную шляпу, на эти нахальные крики стремительно выскочилъ изъ дрянной ресторацiи, посмотрѣвъ саркастически:

— „Здѣсь о н ъ принялъ когда-то вѣнецъ. . .“

— „Здѣсь стоялъ, простирая, какъ царь, свои руки“.

— „И воздвигалъ свои храмы . . . “

Кричалъ Генрикъ Ибсенъ, махая огромнѣйшимъ зонтикомъ:

— „Посмотрите же“.

— „Тащится“.

— „Погоняемый стражами“.

И глядѣли сурово квадраты глухихъ подбородковъ, поросшіе войлокомъ:

— „Нука“.

— „Спаси себя“.

Я же отвѣтствовалъ:

— „Да“.

— „Я для васъ тутъ тащусь“.

— „Я для васъ бросилъ храмъ, гдѣ подъ куполомъ стаивалъ съ молоткомъ, подъ рѣзной пентаграммой“ . . .

— „Я врѣзалъ себя — навсегда: въ слои дерева“.

— Нынѣ: челомъ восходящаго Вѣка стою передъ вами.

И я проходилъ мимо всѣхъ въ закоулки. Естественно перерождаемся мы: перерожденіе я подсмотрѣлъ; отъ исхода его, можетъ быть все зависитъ: поспѣшное окончаніе войны, миръ Европы, иль — Гибель Европы:

— „Да, да.“

— „Это — „Я“.“

— „Я“ во мнѣ“.

ПЛОЩАДЬ.

Площадь — та самая, гдѣ три года назадъ я стоялъ и смотрѣлъ на оглавы вершинъ: вотъ она. Но оглавы теперь занавѣсились тучами, черезъ которыя косо прорѣзался лучъ преклоненнаго солнца: —

— здѣсь жизнь пролетѣла, обвѣясь: возвысились смыслы въ громадный объемъ раздававшихся истинъ: до дальнихъ прозоровъ о судьбахъ моихъ; возвышалися цѣли моихъ устремленій въ разгонахъ временъ, по которымъ я видѣлъ порою плывущимъ себя въ утлой лодочкѣ тѣла; порою — летящимъ за сферу луны, мимо диска духовнаго Солнца, до Марса — къ полуночи, чтобъ въ полуночи, остановившись въ Видѣніи Храма, — низвергнуться снова: и строить себѣ новый Храмъ; чтобы тамъ, въ храмѣ Тѣла, подслушивать дѣйствіе —

— „Я“ —

— въ его собственномъ сердцѣ; и видѣть Его отраженье во мнѣ; и къ себѣ самому припадать.

. . . . . .

Великолѣпно изваяно тѣло мое: прихотливо сплетаются въ немъ электронные пункты: въ собраніе атомовъ, въ молекулярныя общины, въ города органическихъ клѣтокъ, въ огромныя націи тканей, слагающихъ орга-

низмъ клѣтокъ человѣчества: „Я“ — царь вселенной, возводится всѣми клѣтками тѣла, — по лѣстницѣ міра: на тронъ. —

— Помѣщается тронъ моего человѣчества между глазами: подъ лобною костью; — и — мечутся толпы дичайшихъ существъ, образуя кишенье творимаго космоса, между уступовъ — костей, пробѣгая пещерами костныхъ продолблинъ, крича и метаясь:
Иду, золотымъ фонаремъ сознавая освѣщаю свой путь; (изъ вечернихъ тумановъ вхожу я въ пещеры) меня окружаетъ — убогій, дичающій родъ, непрерывно дѣлящійся и ядущій себя; выбѣгаетъ толпа нискорослыхъ уродовъ и — отступаетъ отъ свѣта; поставилъ фонарь, и въ колеблемый тѣнями кругъ, проступили, сѣрѣя, суровыя лица: —

— „Куда ты“.
— „На родину“.
— „Гдѣ твоя родина?“
— „Тамъ гдѣ стоитъ пустой храмъ.“
— „Мы все ждемъ, что туда пройдетъ Онъ.“
— „Кто вашъ Онъ?“
— „Богъ сошедшій изъ неба, — средь насъ воплощенный.“
— „Вы — ждете его?“
— „Ждемъ: не видѣлъ-ли ты Его?“ ...
— „Знаю Его.“ —

— Царь вселенной возводится нынѣ на тронъ: межъ глазами, подъ лобною костью!

. . . . . .

Въ развитіи есть потрясающій мигъ, когда „Я“, —

— — низвергается съ трона (подъ черепомъ), разрываяся на

милліоны сознаній; невѣроятное переживанье себя міріадами „Я“ уподобляемо быстрому погасанью сознанія: Раскричалось изъ пальца руки: —

— „Я“
— „Я“
— „Я“ —.

— раскричится изъ ногъ: —

— тронъ разбитъ; въ головѣ моей пусто: она есть покинутый храмъ; „Я“ — въ терновомъ вѣнцѣ, въ багряницѣ, воздѣвши фонарь, забродило: по собственнымъ жиламъ и, научаетъ сознанію толпы слѣпыхъ фагоцитовъ.

. . . . . .

Все —

— клѣточки, клѣточки, домики! Между нихъ переулками бѣгаютъ хитрыя стаи бациллъ, нападая на строй фагоцитныхъ отрядовъ; влекутъ лейкоциты какія-то тяжести черезъ сѣть капилляровъ: отъ бездны желудка, до... солнечной площади Сердца; синѣетъ, синѣетъ, и стало — все синимъ: попалъ въ свои вены; опять ничего не пойму, потому что понять невозможно: какъ это случилось, что „Я“, провалившись въ себя, перелетѣло пустоты, его отдѣлявшія отъ сознанія клѣточки; и — стало клѣточкой: —

— что ощущала та клѣточка, надъ которою совершилось сошествіе „Я?“ —

— вѣроятно она ощущала, что Кто-то, Старинный и Милый, свергался изъ бездны временъ, одѣвая душистымъ тепломъ, какъ одеждой; и — зажилъ; подъ плотяною оболочкою „Я“ — изнывало: въ коро-

тенькомъ тельцѣ на выгнутыхъ ножкахъ; тѣ малыя тѣльца безъ проку и толку дѣлились.

. . . . . .

Такъ длилось до мига, когда провели меня въ Храмъ, возвышающійся по серединѣ сердечной, алѣющей площади; въ „Храмѣ“ — увидѣлъ я книгу, которая этимъ людомъ считалась священной; и — что же —

— увидѣлъ я томъ: а на немъ красовалось заглавіе: „Я“, „эпопея“ — прочелъ: мнѣ слова пролетѣли изъ строчки; понять, что рисуется ими, — не могъ я; но я чувствовалъ: въ фагоцитной душѣ своей; вотъ — вся сквозная она. Да, я тутъ начался: низлетѣлъ я изъ этой вотъ книги: —

— въ „Я“, въ найденной Книгѣ я, старый, сѣдой фагоцитъ: начался: „Здравствуй: радуйся — „Я!“

. . . . . .

Есть въ развитіи потрасающій мигъ, когда „Я“ сознаетъ себя Господомъ, кротко простерши пречистыя руки оно сходитъ съ красныхъ ступеней, даруя, —

— „Іоаннъ“.

— „Петръ“. —

— И органы тѣла теперь —

— всѣ двѣнадцать — суть: —

— „Я“.

— И сойдя на вторую ступень чрезъ аппостоловъ, ор-

гановъ тѣла, даруетъ всемъ градамъ —

— Я, Я! —

— „Я“ даруетъ себя всѣмъ кишащимъ въ „Я“ клѣточкамъ, толпамъ молекулъ, атомамъ.

— „Я, я.“ —

— А Тронъ мой — мой Умъ опустѣлъ, но всѣ атомы царственны: въ Іерусалимѣ творимаго тѣла: и —

— „Я“ прогудѣло по мощнымъ вселеннымъ:—

—Іуда Меня предаетъ!

. . . . . .

Мнѣ — быть распятымъ страшной ватагою: и — повторить для свободы творимаго міра то самое, что уже совершилось: то — путь „ Чела Вѣка“. На этомъ пути посвященія — сходятъ съ Ума, чтобъ вывесть изъ ада огромныя толпы чудовищъ — въ Свѣтъ Умный.

Схожденье съ Ума — нисхожденіе голубя „Я“ на безумное; с ъ — у м а — с ш е д ш і е золотымъ фонаремъ озаряютъ пути допотопнымъ чудовищамъ; вочудовищнившись, — открываютъ возможности в о ч е л о в ѣ ч и т ь с я всѣмъ бациллямъ сознанія. —

— Свѣточемъ „Я“ просвѣтится бацилла.

. . . . . .

Но чувствовать „Я“ царемъ міра, и чувствовать „Я“ распинаемымъ въ собственномъ тѣлѣ бациллой, услышать крикъ ярости: —

— „О“ —

— „Распните! — „Распните!“ —

Какой это ужасъ! —

— происходящее внутри жизни сознанія кажется происходящимъ во мнѣ: —

— „Ecce Homo!“ —

— звучитъ; и тебѣ начинаютъ марещиться образы: бичеванія, заушенія, облеченія въ багряницу, распятія: и — положенья во гробъ.

. . . . . .

СУМАСШЕДШІЙ.

Отсюда когда-то я былъ вознесенъ, а усталое тѣло мое пронеслось въ Христіанію мимо льдами покрытыхъ оглавъ, мимо домиковъ Гетеборга и Мальмэ и тѣло взрывалось, ломимое духомъ.

Писали въ газетахъ изъ Бергена, что рыболовная шхуна разбилась: у Бергена. Не рыболовная шхуна разбилась, а — тѣло мое. „Я“ — сошло въ немъ съ ума —

— теперь исполнялось грядущее; я погибающій, въ дикихъ ватагахъ, въ себѣ, изъ себя самого — простиралъ онѣмѣвшія руки:

— „О, Нэлли“.
— „Ты — слышишь?“
— „Ты — слушаешь?“
— „Просятъ о помощи“.
— „Около Бергена потопили корабль“.
— „О, спаси меня“.
— „Нэлли“ . .

. . . . . .

Неясныя прочертни, тѣни, ползущія черезъ улички Бергена, всѣ оскалы раскрытыхъ дверей, перекошенный

рядъ металлическихъ трубъ; и — какая-то пакля канатовъ: —

— „Я“. —

— въ огненной мантіи, здѣсь, посрединѣ взметаемой пыли, тащу кипарисовый крестъ, перекладиной мнѣ ломающій плечи — средь хохотовъ:

— „Ну-ка“.

— „Спаси себя“.

— „Ты, самозванецъ!“ — и падаю: —

— подошелъ ко кресту круглоглавый лопарь на коротенькихъ, выгнутыхъ ножкахъ; сѣрѣя чешуйчатымъ коростомъ несмываемой грязи, понесъ предо мной кипарисовый крестъ. . .

. . . . . .

Очень странно; —

— блуждаю по странамъ земли (по Швейцаріи, Франціи, Англіи, Скандинавіи); и — вмѣстѣ съ тѣмъ: —

— заблуждалъ по пространствамъ творимаго космоса; я — вѣчный жидъ: —

— „Я“ —

— присутствовалъ при событіяхъ въ Палестинѣ; внималъ Его слову; стоялъ у креста; видѣлъ вихрь вознесенья; съ тѣхъ поръ заблуждалъ я по странамъ земли: —

— золотымъ фонаремъ освѣщаю свой путь; изъ тумановъ стучу въ стекла оконъ:

— „Не видали-ль вы?“

— „Не проходилъ-ли?“

— „Не звалъ-ли?“

— „Не совершалъ-ли здѣсь вечери?“ —

— А вокругъ собираются: шведъ, круглоглавый лопарь, русскій плѣнный, бѣжавшій въ Голландію; и — вопрошаютъ:

— „Куда ты“.

Я имъ отвѣчаю:

— „Туда, куда вамъ не пройти“.

Старый шведъ, подмигнувъ лопарю, вопрошаетъ опять:

— „А скажи-ка, гдѣ домъ твой“.

Я имъ отвѣчаю:

— „Мой домъ, гдѣ васъ нѣтъ, лицемѣры“.

. . . . . .

Двѣ родины перекрестились во мнѣ: перекрестность путей — тяжкій крестъ; моя родина — братство народовъ. Найду-ли ее?

. . . . . .

Въ багряницѣ я вижу себя проходящимъ по Бергену: въ сопровожденіи... лопаря — на вокзалъ.

. . . . . .

Вотъ — вокзалъ.

Полосатыми чемоданами, роемъ телѣжекъ, носильщиковъ, кассами, гомономъ встрѣтилъ: —

— да, я уѣзжаю —

— Куда? —

— Въ городъ Солнца: на родину. —

— Тѣло мое, обезумѣвши, быстро помчится, какъ въ пропасть летя-

щій, отяжелѣвшій, безчувственный комъ — въ прозіявшія дыры могилъ; проволокутъ его, завернувъ въ пелены, точно куклу, — въ могилы. Мой духъ невещественно протечетъ надъ катимымъ на родину тѣломъ въ міры моей мысли, которые — отблески солнца: Его! Но въ могилѣ, на родинѣ, въ русской землѣ, мое тѣло, какъ бомба, взорветъ все, что есть; и — огромною атмосферою свѣта поднимется надъ городами Россіи; глава дымовая моя приметъ „Я“, или Солнце, которое свергнется: — „Ей, гряди Господь“.

1919 года, январь.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Предисловіе. 7
А. Яковлевъ. Идутъ 9
Б. Пильнякъ Рязань-яблоко. 53
Алексѣй Ремизовъ. Гори-Цвѣтъ 125
В. Лидинъ. Апрѣль 137
Андрей Бѣлый. „Я“ (сумасшедшее) 173

Книгоизда- тельство

„ОГОНЬКИ"

ВЪ БЕРЛИНѢ.

Вышли изъ печати:

АНДРЕЙ БѢЛЫЙ. Возвратъ (повѣсть). М. 50.—.
Гр. А. Н. ТОЛСТОЙ. Китайскія тѣни. М. 50.—.
САВВАТІЙ. Тетрадь въ сафьянѣ. М. 45.—.
А. М. РЕМИЗОВЪ. Въ полѣ блакитныхъ. М. 45.—.
М. О. ГЕРШЕНЗОНЪ и ВЯЧ. ИВАНОВЪ. Переписка изъ двухъ угловъ. М. 35.—.
МАРИНА ЦВѢТАЕВА. Стихи къ Блоку. М. 30.—.
ИЛЬЯ ЭРЕНБУРГЪ. Опустошающая любовь. М. 30.—.
М. ШКАПСКАЯ. Барабанъ строгаго господина. М. 35.—.
Е ЛУНДБЕРГЪ. Записки писателя. М. 120.—
Гр. А. Н. ТОЛСТОЙ Утоли моя печали. М. 60.—
„МОСКОВСКІЙ АЛЬМАНАХЪ" (А. Бѣлый, А. Ремизовъ, Б. Пильнякъ, В. Лидинъ, А. Яковлевъ).

Выходятъ изъ печати въ ближайшіе дни:

К. БАЛЬМОНТЪ. Воздушный путь (повѣсти и разсказы). Пронзенное облако (стихи).
САВВАТІЙ. Танька (романъ).
ВЛ. ХОЛОДКОВСКІЙ. То, что случайно.
И. СОКОЛОВЪ-МИКИТОВЪ. На камушкѣ (12 дѣтск. игръ).
ВИКТОРЪ ГОФМАНЪ. Любовь къ далекой. (разсказы.)
„ „ Стихи.

Складъ изданія:
ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КНИЖНЫЙ СКЛАДЪ

„ОБРАЗОВАНІЕ"

Berlin W. 50. Nürnbergerstr. 65. - Telef. Steinplatz 9143.

Buchdruckerei u. Verlagsanstalt „PRESSE“ G.m.b.H.
Berlin SW 19, Leipziger Strasse 59.

Печатано въ Типографіи Общества „ПРЕССЕ“
Берлинъ, Лейпцигеръ Штрассе 59.

THE LIBRARY OF THE
UNIVERSITY OF
NORTH CAROLINA
AT CHAPEL HILL

RARE BOOK COLLECTION

The André Savine Collection

PG3227
.M6

СКЛАДЪ ИЗДАНІЯ:
RUSSISCHE BUCHERZENTRALE „OBRASOWANIJE“ G. M. B. H.
BERLIN, NURNBERGERSTRASSE 65.